

Анна Корнова

БУЖЕТ

БЕЛЫХ ЭУСТУМ

У Киры есть всё, чтобы по праву считать себя успешной женщиной, — прибыльный бизнес, любящий мужчина, комфортная жизнь, но прошлое не даёт почувствовать себя по-настоящему счастливой, рана, нанесённая душе, годами не может затянуться. Ульяна только входит во взрослую жизнь, но уже успевает испытать предательство жениха, обман подруги, сталкивается с тайной своего рождения... Героини этой истории знают, как жестока бывает жизнь и какое огромное счастье она может дарить, только нельзя опускать руки, надо, несмотря ни на что, идти вперёд.

ГЛАВА 1. УЛЬЯНА

— Пришли результаты из области. Ваши стволовые клетки не подходят, — сообщил врач Ульяне.

— Почему не подходят? — удивилась девушка.

— Ваши клетки не совпадают ни по генным, ни по тканевым, ни по иммунологическим показателям. Начнётся отторжение, — и видя, как расстроена Ульяна, доктор добавил: — Несовпадение, к сожалению, часто встречается. Такое не только в Вашем случае, но даже бывает у кровных родственников.

— Так, я же кровная родственница!

Врач на секунду смешался, потом решительно произнёс:

— По молекулярно-генетическому исследованию вы не состоите в биологическом родстве.

— Это ошибка. Мои анализы с кем-то перепутали. Давайте, я ещё раз сдам.

Ульяна лепетала о том, как необходима её маме срочная операция, ждать нельзя, но денег на донора собрать не удаётся, а результаты из лаборатории — явная ошибка, но врача срочно вызвали в операционную, и он, не дослушав, ушёл.

Девушка в раздумье шла по длинному больничному коридору. То, что врач, говоря об отсутствии совместимости, ссылаясь на чужие анализы, она не сомневалась: достаточно фразы, что Ульяна не состоит в кровном родстве с мамой, чтобы понять — речь идёт о чужих результатах. Безо всяких анализов видно, что они с мамой родные — одинаковые редкого оттенка медные волосы, правда, у мамы ярче рыжина, но выются одинаково, и россыпь веснушек у обеих одновременно появляется в апреле. А когда Ульяна, оформляя медкарту для колледжа, узнала, что у неё первая группа крови, и сообщила это родителям, то мама только плечами пожала: «Конечно, первая. У нас с папой первая, значит, и у тебя такая», и с той поры часто шутливо повторяла фразу Маугли: «Мы с тобой одной крови». Надо срочно пойти к главврачу, написать заявление, чтобы в связи с допущенной ошибкой повторно бы сделали анализы. Но никого из руководства больницы Ульяна уже не застала и, отложив выяснения на завтра, отправилась домой.

На площади перед больницей стояла заметная издалека машина Матвея — аэрография с мчащимся леопардом была в Конашове только у него. Ульяна и удивилась, и обрадовалась: она только словом вчера обмолвилась, что после занятий ей нужно будет зайти в горбольницу, а Матвей запомнил, приехал и ждёт её. Но тут рядом с машиной Ульяна неожиданно увидела Вику, одноклассницу и подругу. Широко распахнув дверцу, девушка уверенно села на переднее сидение и прильнула к водителю. Ульяна смотрела на целующихся и ничего не могла понять: может, это какой-то розыгрыш? Конашов — город не такой уж и большой, все друг друга знают, и было бы странно на центральной площади так откровенно встречаться Вике, три месяца назад вышедшей замуж, и Матвею, подавшему с Ульяной в прошлую среду заявление в ЗАГС. Но целующиеся были настолько поглощены друг другом, что даже не заметили стоящую перед автомобилем и наблюдающую за ними девушку. Наконец Матвей разжал объятья, запустил двигатель, и машина с бегущим леопардом умчалась.

Ульяна смотрела вслед автомобилю и не могла понять, что сейчас она видела. Вероятно, она просто спит, настолько нереальны сегодняшние события: сначала ей

объявили, что она не родная дочь, потом жених чуть ли не демонстративно стал целоваться с её подругой... Но, ещё не осознав до конца происшедшее, девушка почувствовала на глазах слёзы.

Вернувшись домой, Ульяна увидела в зеркале зарёванную девчонку с размазанной по щекам тушью.

— Ульяша, что так долго? — мать с трудом поднялась с кровати и, опираясь на стулья, вышла в прихожую.

Ульяна метнулась в ванную, чтобы не показывать заплаканное лицо, и, уже выйдя, возмутилась:

— Мамуль, ты чего за стул держишься? Стоять тяжело? Зачем надо было вставать!

— Тебя встретить захотела. А почему у тебя глаза красные? Что случилось?

— Ничего особенного. Но пока непонятно, когда ехать ложиться на операцию. Мои анализы не признали подходящими.

— И слава Богу! Я сразу против была, чтобы ты донором стала. Не нужно, чтоб тебе в спинной мозг лазили, ещё повредят что-нибудь. Ты пойдёшь, а я лягу, что-то мне сегодня нездоровится.

— Мам, где нам другого донора найти? А потом, это ещё не окончательно. Я снова кровь сдам. Там ошибка вышла: чужие результаты прислали.

— А твои где? — встревожилась мать.

— Не знаю. Но это точно чужие из областной лаборатории пришли.

— Там фамилия написана чужая? — мать уже легла, утомлённая недолгой прогулкой по комнате.

— Нет, там написано, что мы с тобой неродные. Значит, это не мой, а чей-то ещё анализ, кого-то неродного, — Ульяна поправила матери подушку.

— Глупость какая! Уля, как же мы неродные? — запричитала больная женщина. — Я тебя девять месяцев в себе носила, грудью кормила...

— Говорю тебе: перепутали. Завтра в больницу заеду, всё выясню.

— Не ездёшь! — мать неожиданно сильно схватила руку Ульяны. — Прошу тебя: никуда не ходи, не выясняй, не надо! Отвел Господь от донорства, и слава Богу.

— Мам, ты не понимаешь, что операция необходима? Ты же на глазах слабеешь.

— Доченька, Христом-богом молю: оставь всё как есть. Обещай мне! — голос матери срывался от волнения.

— Мамуль, ты чего так разволновалась? — опешила дочь. — Успокойся. Давай лучше я тебя покормлю.

Ульяна помогала матери есть, придерживая тарелку.

— Раньше я тебя с ложечки кормила, теперь ты меня кормишь, — на глазах женщины наворачивались слёзы.

— Мам, ну, чего ты опять...

Ульяна знала маму жизнерадостной, энергичной. Папа иногда даже ревновал яркую, красивую жену, любившую танцевать, петь, легко становившуюся душой компании. Однако ревность выказывал нечасто — родители друг друга любили, жили дружно. Ульяна часто вспоминала, какая замечательная была у них семья. Но четыре года назад папа погиб, глупо, нелепо, — был прекрасным пловцом, а вот утонул, попал под баржу из брёвен. Нырнул, а когда стал выныривать, то ударился головой о бревно. После похорон отца мать, казалось, быстро пришла в себя, отчаяние и неизбывное горе на людях не демонстрировала, но,

насколько тяжёлым был для неё удар, стало ясно через два года, когда врачи поставили страшный диагноз, добавляя: «Это, скорее всего, результат стресса».

Поев, только чтобы не расстраивать дочь, мама уснула, а Ульяна вернулась к размышлениям об увиденном час назад на площади. Найти объяснение случившемуся девушка не могла. С Викой она училась в педагогическом колледже, подружились ещё на первом курсе, и все это время были, что называется, «не разлей водой». В июле Вика вышла замуж, по меркам города Конашова, очень удачно: Саня Баранов вел с отцом бизнес по торговле стройматериалами, у Сани была своя квартира в престижном районе города и незадолго до свадьбы он приобрёл новый лексус. Ульяна знала Саньку Баранова с детства — училась в одном классе с его сестрой — но как на возможного жениха никогда не смотрела: Санька был нагловат, задирист и, Ульяне казалось, ещё к тому же глуп. Но Вика посчитала Саню Баранова весьма удачной партией, и, как только отметила восемнадцатилетие, сразу поспешила под венец.

Свадьбу гуляли в дорогом загородном ресторане, было шумно и весело. Именно на Викиной свадьбе и познакомилась Ульяна с Матвеем. Он пригласил танцевать, потом они участвовали в каких-то дурацких, но смешных конкурсах и вновь танцевали. Матвей танцевал хорошо, шутил остроумно, был голубоглаз, широкоплеч и сразу очень понравился Ульяне. Они стали встречаться, и очень быстро объятия в подъезде сменились физической близостью. Матвей стал для Ульяны первым мужчиной — никогда прежде страстные поцелуи не дурманили её разум и дыхание не становилось жарким. Это произошло в автомастерской, где Матвей работал механиком. Уля, почувствовав в себе энергичную пульсацию, закричала от боли, но в губы девушки тут же впился мужской рот, мощное тело прижало её к продавленному дивану в углу ангара, и она затихла. Ульяна ждала от близости совсем иного, по посчитала, что таким и должен быть секс.

Неделю назад Матвей неожиданно заявил:

— Пошли в загс, заявление подадим.

— Ты же знаешь, что у меня мама тяжело болеет.

— А при чем здесь она? Я не на твоей матери, а на тебе жениться собираюсь. Сколько можно в мастерской встречаться! Ты же не можешь меня дома на ночь оставить, тебе без печати в паспорте неловко.

— Да, неловко. Тем более, сейчас мама больная. А я буду свидания у неё на глазах устраивать.

— В четырехкомнатной квартире можно было бы и не на глазах сексировать, — усмехнулся Матвей.

В квартире у Ули, действительно, было достаточно места — большие комнаты с высоченными потолками, огромная кухня, просторная «тёмная комната» — словом, все плюсы квартиры в сталинском доме были представлены. Квартиру эта получал ещё в середине пятидесятых прадед Ульяны, руководивший градообразующим автомеханическим заводом, в ней росли многочисленные дети и внуки заслуженного машиностроителя, но потом разъехались, кто в Москву, кто в Питер, и родители Ульяны остались единственными владельцами огромной квартиры в самом центре города.

— Ты только из-за секса в загс зовешь? — спросила Ульяна. Совсем иначе представляла она себе предложение руки и сердца.

— Нет, конечно, — хмыкнул Матвей. — Нам хорошо вместе. Я нашёл, кого хотел бы рядом по жизни видеть, так чего время тянуть?

Вечером Ульяна спросила у мамы, не будет ли та возражать, если Матвей, который провожал её вечерами и иногда задерживаясь попить чаю, станет жить с ними.

— Это что такое, — заволновалась больная женщина, — поживёт, попользуется тобой, потом дальше пойдёт? Он парень видный, сегодня здесь — завтра там. А ты у разбитого корыта останешься.

— Мам, перестань. У нас всё серьёзно. Матвей меня замуж позвал.

— Ну, не знаю, Уляша, — мать вздохнула, — ты же с ним только этим летом познакомилась. Надёжный ли он, сможет о тебе позаботиться в случае чего?

— Надёжный, — уверенно заявила Ульяна, — и он любит меня.

— А ты его?

— И я его люблю. Очень. Но если ты считаешь, что мы торопимся, мы подождём. Ты, главное, не волнуйся.

Мать тяжело вздохнула:

— Из-за меня тебе, как раз, нужно поторопиться, а то я скоро уйду, и ты одна, как перст, останешься. Ты и так из-за меня в университет поступать не поехала, в Конашове застряла, а теперь и замуж не выйдешь.

— Мам, прекращай! Никуда ты скоро не уйдёшь. Вот операцию сделаешь и поправишься.

— Ну, Бог даст, может, тогда и на внуков полюбоваться успею.

На следующий день после этого разговора Ульяна с Матвеем отнесли заявление в загс. Со своими родителями Матвей невесту знакомить не торопился — они жили в восьмидесяти километрах от Конашова, и выбрать время, чтобы съездить в родное село, Матвею никак не удавалось.

Вика знала об отношениях подруги с Матвеем, не раз говорила, что друг Баранова — отличный парень, и даже давала ключи от квартиры, когда уезжала с мужем на дачу. Вике первой рассказала Ульяна, что Матвей сделал предложение, и именно Вика стала горячо убеждать: три месяца — это более чем достаточный срок, чтобы узнать человека.

И вот Вику Ульяна увидела целующейся с Матвеем. Но это же абсурдно: Вика не могла изменять любимому мужу, тем более с женихом подруги! Наверное, подумала Ульяна, её так взволновал отказ в донорстве и возмутило нелепое заявление о неродстве с родной матерью, что была не в себе, вот что-то и померещилось.

Ульяна не любила даже малейшую неясность и, чтобы не мучить себя сомнениями и поскорее разобраться в случившемся, набрала номер Матвея, но он не ответил на звонок. Позвонила Вике — та была «вне зоны действия сети». А перед глазами вновь и вновь возникла подруга, садящаяся в машину, украшенную леопардом; Матвей, тянувшийся к девушке; их губы, слившиеся в поцелуе. Непрошенные слёзы снова покатались по щекам Ульяны.

В дверь позвонили — пришла тётя Ира, мамина сестра.

— Ну, как у вас дела сегодня? — звонкий голос гостыи разнёсся по квартире.

— Тише, мама спит. Сказала, что ей сегодня нездоровится.

— А ты чего такая? — голос Ирины сошёл до полушёпота. — Плакала?

— Нет, просто расстроилась. Мои анализы перепутали с кем-то и сказали, что мои стволовые клетки для трансплантации не годятся.

— Откуда ты знаешь, что перепутали? Может, просто не подходят. Мои же анализы не подошли.

— У вас с мамой группы крови разные, а у нас одна. Но они написали, что мы с мамой не в кровном родстве. Завтра утром пойду разбираться.

— Не ходи, я сама схожу и всё узнаю. У меня лучше получится. А ты с утра иди учиться.

— Ульяш, кто-то пришёл? — донёлся из комнаты голос матери.

— Я пришла, я, — Ирина пошла к сестре, а Ульяна вернулась на кухню и позвонила Матвею. Но номер вновь не отвечал.

И на следующий день Матвей ни разу не позвонил, что было у них не принято. Вика в колледже не пришла. Ульяна забеспокоилась: что-то произошло, но что? После занятий сразу поехала в автомастерскую, где работал Матвей, однако его там не оказалось. «Заболел», — объяснил сменщик. Ульяна никогда не была дома у Матвея, знала только, что он с другом снимает комнату на окраине города, но адреса в мастерской ей не дали. Оставался Саня Баранов, муж Вики и друг Матвея. Ульяна поехала к Сане — он же должен знать, где живёт его товарищ, заодно и с Викой поговорит, пусть объяснит, что вчера на площади перед больницей было.

Около автобусной остановки стояла Юлия Баранова, бывшая одноклассница Ульяны и сестра Саньки. Заметив Улю, Юля, не здороваясь, начала делиться новостями:

— Чего твоя подружка-то учудила! Мне сразу она не понравилась, когда Саня её первый раз только привёл знакомиться.

— А что случилось? — Ульяна поняла, что речь идёт о Вике.

— Ты не знаешь? — с иронией спросила Юля. — Или, по-твоему, это нормальное поведение?

— Юль, я не понимаю, о чём идёт речь. Что с Викой случилось?

— Что случилось? Совесть потеряла. И похоже, что не вчера. Она, когда на дачу к нам приезжала, всё время сюсюкала: «Санечка, Санечка, дорогой, любимый...» Мамка говорила: «Как она Саню любит», а я сразу увидела: лицемерка хитрожолая.

— Вика, правда, Саню любит. Она мне всегда говорила, что по любви замуж за него пошла.

— Ага, по любви, — Юля презрительно скривила губы. — У неё в телефоне Саня вчера переписку нашёл. Он ей за три месяца и шубу на зиму купил, и золота полную шкатулку, а она ему рога с его же приятелем наставляла, с Матвеем, он ещё с тобой на их свадьбе танцевал.

— Это неправда, — не столько бывшей однокласснице, сколько себе сказала Ульяна. — Это невозможно.

— Ещё как возможно, — заверила Юля. — Я к Сане вчера вечером зашла, надо было у него кино забрать, лицензионное. Он у меня всегда дивиди берёт, а потом сам не возвращает.

Юля принялась пересказывать сюжет фильма с лицензионного диска, но Ульяна её прервала:

— А причём здесь Вика и Матвей?

— А мне кино моё вчера не отдали. Там такое было! Санька переписку в её телефоне прочел и стал орать. А твоя Вика на него, что он такой-сякой, мне повторять стыдно. Сказала, что с Матвеем спит, потому что он трахать может нормально, а брат мой... Короче, шлюха твоя подружка. Саня её вещи собрал — два баула. Я ему помогала, шубу сказала, чтобы ей не паковал, и золото всё убрала, что он дарил. Представляешь, он этой проститутке две цепочки купил, два кольца, кулон с зодиаком. Надо было серьги у неё из ушей вынуть, а

лучше с ушами оторвать.

— И где сейчас Вика?

— А почему я знаю. Может, к бойфренду своему побежала, а может, ещё куда. Саня её переписку с Матвеем нашёл, а сколько у твоей подружки ещё трахальщиков было, не знаю. Я вчера мамке рассказала, так она прямо в себя прийти не могла. Мы эту заразу приняли, одели как принцессу, а она вон что вытворяет...

Юля долго перечисляла благодеяния семейства Барановых, оказанные бессовестной шлюхе, но Ульяна уже её не слушала. Значит, всё, что вчера она увидела на центральной площади, не требовало никаких разъяснений. Это было именно то, что она сразу подумала — встреча двух любовников. Но зачем тогда Матвей сделал предложение? Зачем Вика всячески одобряла предстоящее замужество подруги?

Кровь застучала в висках, и не в силах больше слушать болтовню Юли Ульяна, наскоро попрощавшись, села в первый подошедший автобус, через остановку вышла и оказалась на площади, где вчера была свидетельницей свидания своего жениха и подруги. Слезы текли по щекам, но Ульяна даже пыталась их вытереть.

ГЛАВА 2. КИРА

Где бы меньше всего хотела оказаться Кира Зотова, так это в Конашове. Она убежала из этого города девятнадцать лет назад, проклиная его улицы и переулки, проклиная всё, что с ней здесь произошло.

Но вот именно проезжая мимо Конашова, Кира обнаружила на приборной панели значок индикации двигателя. Хотя в её ауди и была автодиагностика, но причины появления чека не были расшифрованы. Пришлось срочно отправиться в автомастерскую для устранения причины, по которой появился предупреждающий знак. Автомеханик сделал озабоченное лицо и посоветовал Кире «где-нибудь погулять часок».

Возмущившись «ненавязчивым провинциальным сервисом», Кира пошла «погулять». Удивительно: город почти не изменился — те же выщербленные тротуары, те же старые липы вдоль дороги, светлые колонны драмтеатра, вот магазины новые — на месте игрушечной лавки торгует «Пятёрочка», а где был «Чай-кофе» теперь парфюмерный магазин.

Мимо прошла плачущая девушка. Кира безразлично посмотрела ей вслед: из-за какой-нибудь ерунды плачет, наверное, с парнем поругалась или с подружкой. В её возрасте кажется, что нет и не будет в жизни других парней и подруг. Если бы не медового цвета с красным отливом волосы, Кира девушку и не заметила бы. Но этот редкий цвет привлёк внимание: такого же медово-медного оттенка были волосы у Кириного отца, у его сестры, у двоюродного брата. «Зотовы — рыжие и бесстыжие», — говорила про них мать, а Кира жалела, что такой яркий цвет волос ей от отца не достался. Может, и эта плачущая девочка с Кирой в каком-нибудь родстве, ведь это Конашов, где, наверняка, по-прежнему живут члены семейства Зотовых. Хотя отцовскую родню Кира знала плохо: мать с первых дней не поладила со свекровью и к родственникам мужа относилась с нескрываемым презрением, те отвечали тем же, а когда Кире было семь лет, отец ушёл в другую семью, и связь матери с семейством Зотовых вовсе прекратилась. Изредка отец приходил, приносил какие-то подарки, которые мать потом недовольно комментировала: «Получше ничего не мог купить. Денег для дочери пожалел».

Кира бесцельно брела по Краснознамённой улице, равнодушно рассматривая незнакомые витрины, и вдруг застыла: на углу открывшейся перед ней центральной площади манил яркой вывеской магазин «Цветочный остров». Сколько раз она видела во сне и эту вывеску, и витрину, уставленную букетами, даже ощущала царивший в магазине особенный цветочный аромат. И вот «Цветочный остров» перед ней, можно зайти, всё увидеть, потрогать, может быть, там внутри стоит тот же прилавок, те же высокие корзины по углам...

Сколько себя помнит, Кира мечтала стать продавщицей цветов, многие дети хотели стать продавцами, кто собирался торговать игрушками, кто — мороженым. А Кира хотела продавать именно цветы, её очаровывал нежный аромат и изящество прекрасных растений. Даже став подростком, когда мечты её сверстниц стали более прагматичны — одни хотели славы киноактрис или певиц, другие стремились служить обществу, получив профессию врача или педагога, а кто-то практично планировал стать бухгалтером или менеджером — Кира по-прежнему мечтала о работе в цветочном магазине.

Окончив школу, Кира заявила, что хочет пойти работать продавщицей цветов, мать

недовольно поморщилась: иди в продавщицы, коли охота, только какая прибыль с этих растений? Но дочь не хотела стоять за прилавком ни в соседнем продуктовом магазине, ни в стоящем напротив трехэтажном универмаге — стремилась туда, где продают цветы! В нескольких точках ей отказали, а на центральной площади только открылся торговый центр, и на первом этаже разместился магазин с манящим названием «Цветочный остров». Кира с волнением переступила порог этого шикарного заведения — огромный зал, уставленный роскошными букетами — как захотелось никуда отсюда не уходить!

Из-за прилавка высокая худощавая женщина улыбнулась девушке:

— Здравствуйте! Вам букет к приятной дате?

— Здравствуйте! Я не покупать. Я хотела бы у Вас работать.

— Ты работу ищешь? — женщина сменила ласковый тон на сухой, почти равнодушный. — На втором этаже в бельё продавщица нужна.

— Я хочу цветами торговать.

— С флористикой знакома? Где-нибудь на курсах училась?

— Нет, но я очень люблю цветы. А про составление букетов я много читала.

Женщина внимательно и строго посмотрела на Ульяну:

— Куришь?

— Нет.

— Правильно. Покупатель должен чувствовать запах букета, а не сигарет. Школу окончила или ещё учишься?

И Кира стала флористом, так называла Агнесса, владелица «Цветочного острова», должность Киры, вмещающую в себя курьерскую доставку букетов, перетаскивание тяжелых ведер с цветами и ещё десяток поручений.

— Я никогда людей с улицы не беру, но тебя взяла, — часто повторяла Агнесса, и Кира не понимала: это ей похвала или упрёк.

Кроме Киры, в магазине работали ещё две девушки, гордо именовавшиеся флористами-дизайнерами, имевшие сертификаты и гордо собиравшие букеты в стильной упаковке. Но достаточно быстро Кира стала понимать в чём отличие свадебной флористики от просто праздничной, разобралась в премудростях цветочных композиций и научилась продлевать свежесть срезанных цветов...

«Цветочный остров» работал до одиннадцати вечера. Хотя покупателей в позднее время было немного, но Агнесса считала, что главному в городе цветочному салону (так она именовала свой магазин) следует работать именно в таком режиме. В тот вечер Кира сидела за прилавком в ожидании, когда можно будет закрыть магазин и отправиться домой. На улице давно стемнело, моросил мелкий осенний дождик, и никому в Конашове не хотелось думать о покупке цветов.

— Вы ещё работаете? — дверь распахнул молодой мужчина.

— Добрый вечер! Да, конечно, работаем. Вам подобрать букет?

— Буду благодарен, — покупатель улыбнулся, и Кира подумала: какая у него красивая улыбка.

— Букет по какому-нибудь поводу? Кому будет подарен? — вопросы цветочного этикета были заучены назубок.

— Без повода, просто красивый букет.

— А на какую сумму Вы рассчитываете? — Кира не могла оторвать взгляд от красавца — широкие плечи, белозубая улыбка, а в глазах цвета бронзы весёлые искорки.

— На любую в пределах разумного, — красавец вновь улыбнулся Кире. — Надо, чтобы букет произвёл впечатление. Хорошее впечатление.

— Давайте я Вам соберу букет эустом, он обязательно впечатление произведёт.

— А это что такое?

Кира улыбнулась и гордо, словно сама вырастила, протянула покупателю нежный, напоминающий полураскрытую розу белоснежный цветок на длинном стебле.

— Пойдёт, — одобрительно кивнул мужчина. — И заверни их как-нибудь понаряднее.

Букет получился сказочно прекрасным. Элегантные цветы, перевязанные шёлковой лентой, украшенные веточками эвкалипта и обернутые кружевной бумагой, создавали ощущение праздника.

— Спасибо, — покупатель был явно доволен.

— Приходите к нам ещё!

— Теперь точно ещё зайду, — мужчина бережно взял букет и неожиданно спросил: — Ты тут по ночам работаешь?

Кира посмотрела на висящие у входа часы:

— Уже десять минут как работать закончила.

— А живешь где?

— На Заречной.

— Давай тогда включай сигнализацию, закрывай тут всё, а я тебя подожду. Отвезу через мост.

— Что Вы! Спасибо! Я автобусом доеду.

— Время не тяни. Я тебя в машине жду.

Кира растеряно собирала вещи. Как это странно... Мужчина дорогой букет купил, но вместо того, чтобы с этой роскошью торопиться к возлюбленной (а кому ещё такой букет можно подарить?), будет подвозить продавщицу на другой конец города. «Наверно, его девушка где-то рядом с Заречной живет», — подумала Кира, и эта догадка её успокоила.

На площади перед торговым центром стоял огромный джип. Кира почти с испугом посмотрела на блестящий в свете фонаря автомобиль — хорошо, что уже поздно и темно, а то завтра все соседи начали бы спрашивать, кто да откуда привёз. Она осторожно села на светлое кожаное кресло, с уважением осмотрела салон автомобиля. Изысканный букет нежных эустом лежал на заднем сидении.

— Я Кирилл, — представился мужчина.

— Очень приятно. Кира.

— Так мы с тобой практически тёзки, меня друзья Киром называют, — широкая улыбка снова осветила лицо нового знакомого. — Ты не против: я музыку включу?

Машина плавно ехала по спящим улицам, играла тихая мелодия, от Кирилла исходил ненавязчивый запах дорогого парфюма, и Кира представляла себя принцессой, возвращающейся с бала в свой замок — не может же обычная девчонка с Заречной улицы ехать так с работы домой.

— Завтра что делаешь? — прервал молчание Кирилл.

— Пока не решила. У меня выходной.

— Отлично. Если планов нет, то завтра в семь часов поужинаем. Ты как насчёт «Старого города»? Не возражаешь?

Кира не возражала. «Старый город» был дорогим рестораном в центре Конашова с живой музыкой и невообразимыми для продавщицы цветочного магазина ценами.

Происходящее всё меньше походило на реальность, Кира не могла понять, почему этот красавец решил пригласить её в ресторан, тем более что полчаса назад он купил для кого-то роскошный букет.

Кире показалось, что молчать становится неудобным, надо бы что-то сказать, поддержать беседу, но мысли вертелись вокруг лежащих на заднем сидении эустом.

— Кирилл, Вы цветы сразу в воду поставьте. Если воду раз в два дня менять будете, то эустомы несколько недель простоят. Так только ещё герберы могут.

— Тёзка, давай на «ты» переходи, — перебил Кирилл. — А то я себя чувствую, словно на работе. Итак, договорились: завтра в семь жду тебя у «Старого города».

Машина мягко затормозила напротив Кириного дома. Весь следующий день Кира и ждала, и боялась предстоящей встречи. Отправившись на свидание, девушка ни на секунду не удивилась бы, если вчерашний красавец не пришёл. Может, вчера он просто пошутил, а Кира не поняла. Но джип Кирилла стоял неподалёку от ресторана, сияя лакированным корпусом.

— По тебе часы сверять можно, — Кирилл подхватил Киру под руку. — А я вымотался вчера и телефон у тебя забыл попросить. Жду и думаю, как узнать, если в семь не появишься: ты опаздываешь или забыла про меня. А ты минута в минуту. Молодец!

Кира зашла в зал ресторана и замерла на пороге — именно таким по фильмам и книгам она представляла респектабельное заведение — золото, бархат, хрустальные люстры...

— Ну, конечно, оформлено с деревенским шиком, — усмехнулся Кирилл, — но, надеюсь, покормят вкусно.

Было действительно очень вкусно, Кира никогда не ела ресторанных салатов, красиво украшенных рукколой и маслинами, а венский шницель с лимонной долькой и брусничным вареньем привел её в восторженное изумление. Это была еда из какой-то совершенно иной, сказочной, жизни, как и вчерашняя поездка в дорогом автомобиле, как и её спутник, весело рассказывающий о своей недавней поездке в Италию.

Из разговора выяснилось, что Кирилл — сын Андрея Юрьевича Федулова, владельца или совладельца всех важных объектов в Конашове и его окрестностях. Семья конашовского миллионера давно переехала в Москву, но дела в регионах, в том числе и Конашове, требовали постоянного внимания, именно решать вопросы, возникшие на автомеханическом заводе, и приехал Кирилл в родной город.

— Вчера уже ночью приехал, вымотанный, сутки почти за рулём, а тут ты, такая прекрасная!

Кира слушала комплименты и не могла поверить, что это говорят ей, а не героине сериала про прекрасную любовь.

— Кир, а кому ты букет вчера покупал?

— Да я не в гостинице, а у товарища остановился. Он женился недавно. Ну, как-то в дом, где женщина-хозяйка, без цветов в гости приходиться моветон. Но я скажу, букет твой впечатление произвел. Как ты эти цветы назвала?

— Эустома, её ещё ирландской розой называют. Этот букет долго у твоих друзей простоят, там каждый бутон ещё будет распускаться. Я эти цветы очень люблю, из них букеты всегда уместны и на торжестве, и просто девушке подарить. И ещё эустома уникальна — она сочетается со всеми цветами: и с розами, и с фрезией...

Кира увлечённо рассказывала о составлении букетов, Кирилл, улыбаясь, слушал этот флористический ликбез и вдруг спросил:

— Хочешь, будем встречаться? Я тебе стану букеты из твоих любимых эустом дарить.

Конечно, Кира хотела! Она даже мечтала о таком не смела, а он, принц из волшебной сказки, ещё и спрашивает!

Когда Кира под утро вернулась домой, мать кричала так, что слышал весь дом:

— В подоле принести хочешь? Отец по бабам шляется, а ты теперь по мужикам пошла! Это где видано, дома не ночевать!

Кира ничего не могла сказать в своё оправдание, она послушно кивала матери, обзывавшей её шлюхой и проституткой, а тело всё ещё ощущало горячие пальцы Кирилла — острая боль первой близости с мужчиной тут же забылась, а шея, грудь и живот хранили на себе нежные поцелуи.

А Кирилл стал часто приезжать в Конашов, и его отношения с Кирой очень скоро перестали быть тайной. «Надо эустом ещё заказать, а то Кирилл поклонник приедет, опять все скупит. Кира, когда твой столичный кавалер уезжает, ты обратно нам цветы сдавай, я у тебя приму», — полушутя, полусерьёзно говорила Агнесса. Подруги Киры с восторгом рассматривали подарки Кирилла: украшения, туфли, духи, мобильник. Мать, по привычке ворча: «Хорошим не кончится, наиграется и бросит», уже без скандалов воспринимала встречи Киры с младшим Федуловым. Даже не возражала, когда дочь во время приездов Кирилла уходила жить на снятую им квартиру (Кирилл, видя смущение Киры перед гостиничными портье, нашёл просторные, по мнению Киры, хоромы в центре города).

Осень уступила зиме, снег и холод прогнала ранняя весна, а Кира не замечала смены времён года, вся её жизнь превратилась в ожидание. Кирилл писал нежные сообщения, звонил, но Кире хотелось, чтобы любимый был рядом, она представляла его глаза, губы, вспоминала его слова, сказанные порой мимоходом — всё, связанное с Киром, было важно и значимо. Она не гадала, что ждёт их отношения, а благодарил судьбу за встречу с самым лучшим человеком на свете. Однажды по дороге на дачу Дениса, школьного друга Кирилла, Кира попросила:

— Кир, я так скучаю по тебе, когда ты уезжаешь. Можно как-нибудь с тобой поеду? Я ни разу в Москве не была.

— Конечно, можно. Обязательно съездим. И в Москву, и на Канары, — Кир нежно поцеловал девушку.

Кирилл приехал в Конашов в середине мая, и Денис пригласил их с Кирой на шашлыки.

— Ну, наконец-то Кир с Кирой приехали! — радостно объявила Ксюша, жена хозяина. — А мы вас уже заждались.

День был по-настоящему весенний, солнечный, радовала первая нежная зелень, распустившиеся вдоль дорожки нарциссы. В беседке накрыли стол, шутили, смеялись.

— Как у тебя такой роскошный шашлык получается? Нигде такого не ел, только у тебя, — похвалил сочные кусочки баранины Кирилл.

— Да ладно тебе, — отмахнулся Денис, — я вот с твоей свадьбы шашлыки забыть не могу.

Кира молча слушала разговор друзей, но оставшись наедине с Кириллом сразу спросила:

— Кир, а про какую твою свадьбу Ден говорил? Ты был женат?

— Да я и сейчас женат, — Кирилл увидел испуганные глаза Киры и поправился: — В смысле, я не разведен. Но мы с женой совершенно разные люди, у нас практически прекращены отношения. Да не смотри ты так. Ты моя жена, единственная и любимая.

— А дети у тебя есть? — не могла прекратить расспросы Кира.

— Нет, и не могло быть. Жена против детей, и это тоже одна из причин нашего разлада.

Вернулись Денис с Ксюшей, принесли в беседку настоящий самовар, под аплодисменты водрузили на середину стола, вокруг поставили вазочки со сладостями. Потекла спокойная дружеская беседа, и новость о том, что Кирилл женат, перестала тревожить.

Был уже поздний вечер, мужчины курили на открытой веранде, обсуждая свои дела, а Кира помогала Ксюше собирать посуду в беседке.

— А как ты с Киром познакомилась? — поинтересовалась Ксения.

— Он пришёл к нам в магазин покупать тебе цветы. Он у вас тогда гостил, и ему неудобно было прийти в дом без цветов хозяйке.

— Помню. Такой роскошный белый букет!

— Это эустомы. Мне их теперь Кирилл всегда дарит. Он знает, что я их люблю. Он очень внимательный. Я так счастлива, что мы тогда встретились.

— А тебя не смущает, что Кирилл женат?

— Он говорит, что я его жена.

— Жена у него в Москве. А ты его любовница, — назидательно сказала Ксюша и понесла пустые тарелки в дом.

ГЛАВА 3. УЛЬЯНА

Народу на поминках было много. Ульяна слушала, каким её мама была чутким, душевным человеком, как любили маму в коллективе, и казалось, что мама сейчас зайдёт в комнату, сядет за стол, улыбаясь, скажет: «Ну, вы и наговорили про меня. Уляша, доченька, налей мне тоже чайку». Но мама уже никогда не придёт, никогда не скажет: «Уляша, доченька».

Когда гости ушли, Ирина помогла племяннице убрать со стола, помыть посуду.

— Главное, первые сорок дней нам пережить. Потом легче станет. Когда бабушка твоя померла, мы так плакали, а через сорок дней не то, чтобы успокоение, а какое-то привыкание наступило. Хотя десять лет уже прошло, а матери не хватает, вот теперь ещё сестры не будет хватать...

Ульяна молча слушала бормотание тётки — говорить не хотелось — и мысленно соглашалась: видимо, сорок дней — срок, чтобы боль начала утихать. Подумала, что чуть больше месяца, наверное, тоже сорок дней, не отпускали её мысли о предательстве Матвея, а потом как-то ничего, легче стало. Обидно, конечно, но не так больно, как первое время, когда воздуху не хватало, так было тяжело.

Вспомнилось, как после двух дней отсутствия пришла на занятия Вика. Как ни в чём ни бывало села рядом с Ульяной:

— Ну, чему вас вчера учили?

— Вика, зачем ты мне нахваливала Матвея, зачем советовала замуж за него выходить, если он твой любовник? — спросила Ульяна то, что волновало её всё последнее время.

— Чушь какая! С чего ты взяла?

— Я видела вас во вторник, когда вы в машине целовались.

— Подумаешь, целовались, — Вика пожалала плечами, — ничего больше не было.

— Поэтому тебя Саня из дома выставил?

— Так он уже прибежал, понял свою ошибку. Но я сказала: если доверия нет, то какая это семья? Прощенья просит, назад зовёт, но я ещё у матери до конца недели поживу, пусть Отелло помучается.

— Вик, зачем ты мне врешь? Я не Саня, в твои сказки не верю. Ты хотела Матвея у меня увести?

— Дура ты, Уля. Зачем мне твой Матвей? У него ни кола, ни двора. Трахаться с ним хорошо, но не жить.

— То есть ты хотела Матвею помочь, чтобы у него и кол, и двор был? Поэтому и говорила мне, чтобы я замуж за него поторопилась.

— Уль, хватит ерунду говорить. Матвей хозяйственный, заботливый. Жила бы с ним и горя не знала.

— Поняла. Он со мной бы жил, а с тобой спал?

— За это можешь не переживать, — хихикнула Вика, — Матвея на троих хватит.

Ульяна ничего не ответила, собрала свои вещи и пересела на свободное место за соседней партой.

А вечером к ней домой пришёл Матвей, с большим букетом цветов:

— Извини, болел, даже позвонить сил не было. Ночью кашлял, днём спал.

— С выздоровлением! Больше не болей, — Ульяна захлопнула дверь перед стоящим на

лестничной клетке женихом.

Матвей ещё раз напомнил о себе долгим звонком в дверь и ушёл. А Ульяна весь месяц не могла ни о чём думать, кроме обмана бывших подружки и жениха. Придумывала страшные картины несчастий, которые должны были с ними произойти, мечтала встретить красавца, с которым прошла бы мимо Матвея и презрительно посмотрела на бывшего. А потом стало всё равно, только раз, когда за окном автобуса увидела Матвея, обнимающего какую-то блондинку, то отвернулась и стала дальше читать учебник «Методика преподавания в начальной школе», но буквы плыли перед глазами, не желая складываться в слова. Однако уже на следующий день Ульяна взяла себя в руки, и страдание от увиденного накануне стало утихать. Маме становилось всё хуже, Ирина взяла отпуск на работе, чтобы сидеть с сестрой, в колледже предстояла защита диплома по методике — словом, не до переживаний по утраченной любви тогда было.

— Уля, я у тебя останусь, чтоб тебе одной не ночевать, — прервала Ирина размышления Ульяны.

— Спасибо, тётя Ир. Я себя так ругаю, что тогда ствольные клетки маме не сдала. Мама просила, чтобы я пункцию не делала, даже плакала. Я вроде бы её послушала, а на самом деле просто испугалась. Я дрянь?

— Что ты несёшь? Время упущено было, уже ничего бы не помогло. Тем более, что и анализы твои не подошли.

— Так ведь это не мои были анализы, а я как-то растерялась, ещё тут из-за Матвея страдать начала. Никогда себе этого не прощу, — разрыдалась Ульяна.

— Это твои результаты анализов были, — тихо сказала Ирина.

— В смысле? — Уля вопросительно посмотрела на тётку.

— В прямом. Тебя удочерили, — Ирина увидела испуганное лицо Ули и скороговоркой залепетала: — Но это ничего не значит. Что из того, что тебя другая женщина родила? Мать не та, что родила, а та, что воспитала. Ты родителям своим родней родной была. Да, нам всем. А как тебя бабушка любила! Она ведь не нам, не дочерям, а тебе свои серёжки золотые и колечко с бриллиантом оставила.

— А кто моя родная мать?

— Не знаем. Родители твои дружно жили, а вот детей-то не было. Они на Чукотке пять лет работали, оттуда с тобой приехали, вроде как тебя на Севере родили. Но на самом деле у них договоренность была, тебя в Даниловске из дома ребёнка забрали. Но как угадали: ты рыженькая в маму была, а скулы отцовские, высокие, и глазки светло-карие.

Утром тётка виновато смотрела на Ульяну:

— Не стоило мне про твоё рождение рассказывать. Устала вчера, вот и лягнула, не подумавши. Но это ведь ничего не меняет: мы как были родными, так ими и останемся.

— Конечно, тётя Ир, — Уля обняла Ирину.

У порога колледжа Ульяна встретила Вику. После ссоры из-за Матвея бывшие подружки отворачивались, сталкиваясь в дверях или на лестнице, но в то утро Уле не хватило сил даже на демонстрацию презрения, она автоматически кивнула Вике, та радостно заулыбалась:

— Ты до какого вопроса к госам дошла? Сказали, что телефоны отбирают. Я шпаргалки пишу, но ни фиги не понимаю. Если что-то типа значения и логики целеполагания достанется, то я даже по шпаргалке не расскажу.

— У меня мама умерла. Вчера похоронили.

— Ой, я не знала. Надо Алле сказать, чтобы к тебе на экзамене не цеплялись, —

затараторила Вика.

— Не надо ничего никому говорить, — перебила Ульяна, но Вика уже увидела в конце коридора преподавателя психологии.

— Алла Петровна! Алла Петровна, подождите минутку!

Было видно, как Виктория обрадовалась, что Ульяна с ней заговорила, поэтому на консультации перед экзаменом Вика уверенно села рядом с Ульяной и шёпотом сообщила, что пойдёт работать в пятнадцатую школу, где ей дадут первый класс. Уже тесть договорился.

— А ты куда собираешься? Нашла, где работать будешь?

— Я ещё про это не думала. Мама последние два месяца очень тяжело болела. Не до чего было, — Уля почувствовала, что на глазах снова наворачиваются слёзы.

— Слушай, у меня для тебя есть место, — заговорщицки прошептала Вика. Как бы надменно ни держалась она во время ссоры с подругой, но чувство вины не раз её посещало.

— Баранова, если тебе неинтересно, можешь идти домой, — строго сказала Алла Петровна, Ульяне она замечание не сделала, а посмотрела на девушку с сочувствием.

Ульяна пыталась сосредоточиться на объяснении преподавателем сложных вопросов предстоящего экзамена, но, перебивая слова Аллы Петровны, звучал в памяти голос Ирины: «Тебя удочерили». Боль утраты самого близкого человека мешалась с чувством недоумения — «значит, меня всегда обманывали?»

Из задумчивости Ульяну вывела Вика:

— Ты меня слышишь?

— Давай потом поговорим.

По дороге из колледжа обрадованная примирением Вика вновь, упиваясь собственным благородством, вернулась к теме трудоустройства подруги:

— Мамкиной подружки родственник с Федуловым дружит, точнее, с сыном его, они в школе вместе учились.

Про Андрея Юрьевича Федулова в Конашове знали все: Федулов выделял деньги на строительство парка в центре города, ремонт драмтеатра и больницы, но главное, он был ведущим акционером градообразующего предприятия — автомеханического завода, а ещё владельцем щебёночного и песчаного карьеров, и ещё множества предприятий в Конашовском и соседних районах.

— Так вот, — продолжала Вика, — федуловской семейке нужна гувернантка с педагогическим образованием, там мелкий в школу пойдёт. Все условия — проживание, кормёжка, зарплата, какой в школе за год не получишь...

— А чего ты не хочешь?

— Я бы с радостью в Москву рванула, да меня Баранов не отпустит. Он меня к фонарному столбу ревнует. В пятнадцатую школу ходил, убедился, что директор тётка, физкультурник лысый и старый, а у трудовика морда алкаша. А то и туда бы не пустил.

— Это из-за Матвея? Я его как-то видела, у него девушка новая.

— Ну, надо же ему как-то обустроиваться. Он мне вчера говорил, — Вика осеклась.

— Так не зря Саня тебя ревнует, — съехидничала Ульяна: выходит, что Матвей по-прежнему встречается с Викой, а с ней, получается, просто «обустроивался», вернее, в её квартиру. Да какое это имеет теперь значение, если она вчера похоронила маму, маму, которая оказалась ей неродной. Не только Матвей, а самые близкие люди — мама и папа — её обманывали, скрывали правду. Может быть, они даже думали, что её тройка по

немецкому или её нелюбовь мыть посуду, потому что она не их дочь.

— Я тебе сейчас адрес скину, — Вика между тем что-то искала в телефоне. — И не тяни, поезжай, хоть поживешь как человек. Чего здесь киснуть? Учителей в Конашове хватает, будешь в область мотаться, а так — Москва! Я как услышала, сразу согласилась, но тут Баранов опять на коленях приполз, обещал машину на день рождения подарить. Сейчас на вождение буду ходить.

— Так это когда было? Ты же ещё осенью с Саней расставалась. У Федуловых кого-то уже нашли.

— Нет, я от Баранова на прошлой неделе опять уходила. На дне рождения у его друга были, так муженёк мой драку в клубе устроил. Я танцевала, а ему показалось, что я перед каким-то мужиком задницей кручу. Мужик, правда, ничего был. Так, спьяну Баранов с тем мужиком подрался. Короче, поезжай в Москву, обо всем договаривайся. Скажешь от Дениса Петровича, я тебе там написала.

Вернувшись домой, Ульяна стала переключать мамини вещи. Тётя Ира шубу заберёт, хоть и маловата ей, но она что-нибудь придумает. А остальное куда? Мама была миниатюрной, обуви новой, дорогой много, мама любила красивую обувь, но ни у кого из родственников такого размера нет, и снова Ульяна подумала, что, наверное, глядя на то, как быстро она растёт, мама вспоминала, что ребёнок-то неродной. Но ведь ни разу за всю жизнь у Ули даже и мысли не было, что она неродная дочь, её любили, и она любила своих родителей.

В дверь позвонили, к изумлению Ульяны, на лестничной клетке стоял Матвей.

— Мне Вика позвонила, сказала, что у тебя мать умерла. Может, какая помощь с похоронами нужна? Отвезти что-то, привезти. Ты скажи.

— Спасибо! Маму вчера похоронили.

— Ну, тогда я пойду?

— Иди.

Ульяна закрыла дверь и задумалась: зачем Матвей приходил? Может, опять хочет вернуть их отношения? А нужны ей эти отношения, когда он продолжает встречаться с Викой? А если поговорить с Матвеем, и он пообещает больше не встречаться с Викторией, то... Ульяна гнала эти ненужные мысли, но перед глазами стояло сочувствующее лицо Матвея, красивое лицо. Что себя обманывать? Захотелось его пустить в дом, захотелось обнять, поцеловать. Надо уезжать отсюда, где каждая вещь напоминает, что ты жила в приемной семье, и где можно опять поддаться соблазну желаемых отношений и простить измену, понимая иллюзорность надежд.

Уля набрала телефонный номер, который ей дала Вика, но трубку никто не взял. Не важно, адрес есть, там, на месте, разберется. Ульяна решила, что сразу же после госов поедет в Москву устраиваться гувернанткой в семью Федулова. Вспомнилась картина Перова «Приезд гувернантки в купеческий дом» — в детстве Ульяна любила смотреть альбомы с репродукциями. Книжки, посвященные искусству, собирал дед, которого Ульяна не помнит, он умер, когда ей было два года. Интересно, как он отнесся к тому, что в их семье появилась девочка из детдома? А может, папа не сказал своему отцу, что вернулся с Чукотки с неродным ребенком? Столько всего, что Уля слышала с детства, например, что похожа на деда, было ложью? Получается все ей врал? Самые близкие люди не были с ней искренним? Ульяна потрянула головой: сколько можно об этом думать — оделась и поехала на вокзал покупать билет в Москву.

ГЛАВА 4. КИРА

Через час, как и советовал механик, Кира вернулась в автомастерскую, и тут выяснилось, что надо бы «погулять ещё». Но Кира не могла больше оставаться в этом городе, где воспоминания давили тяжким грузом. Она устроила такой разнос механику, что все в мастерской, бросив свои дела, сгрудились около её ауди, чтобы осталась довольна столичная штучка, которая, несмотря на внешность феи в широкополой шляпе и белом пальто, разразилась такой трёхэтажной бранью, что хоть записывай.

Через полчаса Кира уже выезжала на загородное шоссе. Вдоль дороги тянулся нарядный лес, кроны деревьев, от лимонно-желтого до багряно-красного, нежились в мягких лучах осеннего солнца. За рулём Кира всегда чувствовала себя уверенно, но сегодня ни мягкий ход автомобиля, ни красивый пейзаж не возвращали душе покоя — давно, казалось, забытая обида стала подниматься из глубин подсознания.

В автомастерской дали ей несколько напутствий по поводу замены свечей зажигания и высоковольтных проводов. Кира попыталась переключиться на эти советы, но ничего не смогла вспомнить, ведь она механиков не слушала: было одно желание — поскорее уехать подальше от Конашова и никогда больше не вспоминать этот город, однако память настойчиво возвращала, казалось, навсегда забытые сцены.

Тогда, девятнадцать лет назад, Кира после поездки в гости к Денису больше не спрашивала Кирилла о его жене, но невольно стала замечать то, на что прежде не обращала внимание. Вот кто-то позвонил Киру, и он ласково просит подождать, а потом уходит из комнаты, чтобы перезвонить; он не отвечает на смс вечерами и ночью, и на предложения провести вместе праздники всегда следовал отказ, объясняемый занятостью.

Но однажды разговор о семье всё же возник: Кира забеременела. Кирилл в замешательстве посмотрел на подругу:

— Как это получилось-то? Вроде старался аккуратным быть.

Но через минуту уже довольно улыбался:

— Так это же здорово! Я теперь отцом буду.

А потом Кир рассказал, что его жена по ряду причин забеременеть не может, была однажды предпринята попытка ЭКО, но оказалась неудачной. Ещё раз Лора, жена Кирилла, проходить эту непростую процедуру отказалась. Она и первый раз согласилась только из-за уговоров мужа и вопрошающего взгляда свёкра — создаваемая Андреем Юрьевичем «империя» Федуловых оставалась без наследника. Может, обстоятельства заставили Лору отказаться от планов деторождения, а возможно, действительно дети не входили в область её жизненных интересов, но жена Кирилла стала тем, кого сейчас называют «чайлдфри». Постепенно супруги всё больше отдалялись друг от друга — Лора увлеклась эзотерикой, погрузилась в мир загадочных знаков и музыки вселенной, а Кирилл, не разделяя интересов жены, равнодушно слушал рассказы о небесных сферах и гармонии мироздания, предпочитая проводить время в шумной компании приятелей. Формально Кирилл и Лора считались супругами, но каждый жил своей жизнью. Поводов оформлять развод не было, но теперь, когда Кира ждёт ребёнка, конечно, Кирилл разведётся, чтобы его ребёнок родился и рос в нормальной семье. И как только Лора вернётся из Индии, где в ашраме она познавала свой путь, Кирилл сразу поговорит с ней и подаст на развод. Кирилл всё рассказал Кире о своем супружестве, не упомянул он только, что его жена — дочь очень высокопоставленного

чиновника, от влияния которого на распределение госзаказов зависел бизнес Андрея Юрьевича Федулова.

Когда Кирилл, счастливый, рассказал отцу, что у него весной родится ребёнок от любимой женщины, Андрей Юрьевич одобрительно похлопал сына по плечу:

— Давай, привози свою зазнобу из Конашова.

— Откуда ты знаешь, что из Конашова? — удивился Кир.

— Думаешь, никто не догадывается, зачем ты в Конашов зачастил, — усмехнулся Андрей Юрьевич. — Снимай ей в Москве квартиру, а то в Конашов не наездишься, а ребёнок должен отца знать.

— Зачем квартиру снимать?

— Сразу покупать хочешь? Подожди, не торопись.

— Я женится собираюсь, станем жить вместе.

— Кир, тебе тридцатник на днях исполнится, пора соображать. Ты уже женился. То, что у тебя ребёнок будет, это хорошо, неизвестно, созреет ли Лора до родов, а Федуловы от своих детей не отказываются.

— Лора твердо решила, что ЭКО делать больше не станет, а суррогатное материнство отрицает, она считает, что...

— Слышал я, что она считает, — раздражённо перебил сына Андрей Юрьевич, — от неё и слышал. Короче, семья у тебя есть, а про женитьбу на этой цветочнице забудь.

— Ты что, следишь за мной что ли? И про Конашов знаешь, и про цветочницу, — Кирилл поднялся и пошёл из комнаты, в дверях обернулся: — Как только Лора из своего ашрама придет просветлённая, будем с ней разводиться.

На следующий день после того разговора Кир отправился в Конашов. С огромным букетом белых эустом и помолвочным кольцом, украшенным тремя бриллиантами, он пришел знакомиться с Кириной матерью, чтобы просить руки её дочери. Людмила Михайловна суетливо накрывала на стол, Кира, с сияющими от радости глазами, помогала матери: её мечта воплощалась в реальность — она будет всегда рядом с Кириллом. За окнами летали паутинки бабьего лета, солнце ласково заглядывало в комнату, и Кире казалось, что счастье навсегда воцарилось в её жизни.

Пока мать и дочь Зотовы в Конашове радовались красавцу жениху, в Москве мать и дочь Архангельские обсуждали неожиданную и очень неприятную новость. Вернее, Елена и Злата носили красивую фамилию Архангельские прежде, выйдя замуж, Елена Викторовна стала Федуловой, а дочь Злата — Семёиной, но утрата звучной фамилии была сполна компенсирована материальным достатком их супругов.

Андрей Юрьевич накануне вечером сообщил жене, что Кириллу пришла фантазия жениться на конашовской продавщице. Сообщение о новой женитьбе пасынка Елену не смутило, а вот информация о возможном ребёнке задела так, что на следующий день она поехала к дочери, чтобы обсудить возникшую проблему.

Пятнадцать лет назад Елена Архангельская на отдыхе в Испании познакомилась с Андреем Федуловым. Андрей Юрьевич недавно овдовел, а у Елены Викторовны незадолго перед поездкой завершился тяжёлый и долгий развод. Ни Андрей, ни Елена о создании новой семьи не помышляли, но неожиданно быстро сблизились, по возвращении в Москву начали жить вместе и очень скоро официально вступили в брак. У Федулова был сын-подросток, у Елены десятилетняя дочь, но если родители с первых минут знакомства почувствовали интерес, переросший затем в бурную страсть, то дети ничего кроме

безразличия не ощутили. Подрастая, Кирилл и Злата так и не стали друзьями — холодность в отношениях порой переходила в открытую неприязнь, потом вновь возвращалось равнодушие. А вот с женой Кирилла Злата подружилась, и нежелание Лоры иметь детей вполне Злату устраивало. Её муж, Роман Сёмин, весьма успешно вписался в бизнес Федулова и занял там одно из руководящих мест. Отсутствие детей у Кирилла давало надежду, что со временем Андрей Петрович будет рассматривать семью падчерицы как возможных наследников, из этих соображений Злата и первенца назвала Андреем, в честь отчима. Лору приземлённые дела федуловского состояния не интересовали, Кирилл тоже не был погружен в дела отца, поэтому, по мнению Златы, Андрей Юрьевич должен был видеть в главных преемниках и наследниках именно семью Сёминых. Даже несколько раз на семейных торжествах, пока шутя, Злата заявляла, что хотела бы взять фамилию отчима, но в перспективе готовила серьёзный разговор, что она и её дети хотели бы достойно носить фамилию Федуловы. И вот Кирилл собирается вступать в новый брак, где появятся дети и, возможно, появятся серьёзные претензии на участие в управлении бизнесом.

— Кир отцу сказал, что, как только Лора вернётся, он сразу на развод подаст, — Елена возбуждённо пересказывала дочери свой разговор с мужем.

— Так ему отец и разрешит с дочкой Борисенко разводиться, — фыркнула Злата.

— Боюсь, что разрешит. Он же на наследнике дела Федуловых помешан. Я вот сразу не родила, а сейчас уже поздновато. А тут внук появится — Федулов-младшенький. Андрей сказал, что в случае чего заберёт ребенка себе и сам его воспитанием займётся, а ты знаешь, он это сможет, если захочет.

— Мам, но ведь понятно же, что на Роме моём всё держится.

— Знаешь, что я тебе скажу: звони своей подружке, чтобы домой не возвращалась, а в Индии сидела. Пусть дальше йогу изучает.

— Она не йогу изучает, и с ней связи нет, пока она в ашраме.

— Злата, плевать какой фигней она там занимается по советам имитаторов просветления, но надо, чтобы до весны не возвращалась. Связывайся с ней всеми возможными способами.

— Мам, а смысл в чём? Ну, приедет позже, когда ребёнок родится. Что это изменит?

— Может, ещё и не родится.

Вернувшись в Москву, Кирилл избегал разговоров с отцом о предстоящей женитьбе, зная к чему это может привести, но неожиданно получил поддержку от мачехи. Елена Викторовна прежде никогда делами Кирилла не интересовалась, но на этот раз не только горячо поддержала пасынка, но даже высказала желание познакомиться с матерью его будущего ребёнка. «Я уверена, Кир сейчас перебесится и Лорой разводиться не станет, — успокаивала Елена мужа, — но ты должен хотя бы видеть, от кого у тебя может родиться внук. Вполне возможно, там такой вариант, что никаких наследников не захочешь».

Но Елена ошиблась, вариант показался Федулову старшему вполне приемлемым. Молодая, здоровая, явно не дура, хотя цветами торгует. Именно такой вывод сделал Андрей Юрьевич после того, как Кирилл привез из Конашова Киру для знакомства с родственниками.

Кира, написала заявление на отпуск, но совсем уходить с работы, как предложил Кирилл, не стала — кто знает, как сложатся дела в Москве, может, придётся им с Киром в Конашов вернуться. Но едва перешагнув порог дома Федуловых, поняла, что попала в сказочный мир телесериалов. Она, словно Золушка, повстречала принца, и он привел её во

дворец.

Девушка восхищенно смотрела на Елену Викторовну, такую элегантную, стильную, будто сошедшую с обложки глянцевого журнала. Мачеха Кирилла была обаятельна, ласково расспрашивала смущённую девушку об её планах, о семье.

— Кир, какую очаровательную девочку ты встретил! — громко нахваливала Елена Киру. — Я надеюсь, мы будем часто видеться.

Андрей Юрьевич тоже одобрительно рассматривал Киру: по первому впечатлению, девушка производила впечатление разумной, аккуратной, такая вполне сможет обеспечить нормальное развитие его будущего внука, ну, а если не сможет, то ребенка придётся у неё забрать. Мыслей о разводе сына с Лорой Андрей Юрьевич не допускал: зачем сыну рушить брак с дочерью Борисенко? Живут Кир и Лора практически параллельно, каждый своими делами занят, но на семейных праздниках и официальных мероприятиях появляются вместе, а ребёнок на стороне — с кем не бывает...

Кирилл счастливо улыбался, видя, какое впечатление произвела его любимая. А Кира в присутствии таких важных и умных, как ей показалось, людей сначала чувствовала себя неловко, но постепенно скованность прошла, и девушка радостно делилась впечатлениями от широких московских улиц, рассказывала о своей работе в «Цветочном острове».

— Зотовы — фамилия знакомая. Я с Пашкой Зотовым в одном классе учился. Не твой родственник, землячка? — благодушно расспрашивал Киру Андрей Юрьевич.

К ужину приехала Злата. Кира с нескрываемым восторгом разглядывала эту красавицу — сияющая кожа, шёлковые локоны, высокая грудь, тонкая талия. А Злата, в свою очередь, приветливо беседовала с девушкой сводного брата:

— Какая у тебя улыбка красивая! Улыбайся чаще, тебе очень идёт.

— Спасибо! — Кира зарделась от похвалы. — У Вас тоже очень красивая улыбка. Вы вся очень красивая.

— Перестань выкать. Я тебя ненамного старше, — Злата кокетливо улыбнулась. — Уверена, что мы подружимся.

Кира возвращалась из загородного дома Федуловых в безмятежно-счастливым настроении — семья Кира её приняла, ей были явно рады, её приглашали приезжать вновь.

От отца Кирилл повёз девушку в гостиницу: в его квартире Кира ночевать отказалась, она чувствовала себя неуютно — это была квартира чужой семьи. Хотя Кирилл объяснял, что вопрос о расставании с женой для него решён, просто не хочется обсуждать с Лорой это по телефону, и он ждёт возвращения супруги в Москву, но стоящие повсюду фотографии длинноногой блондинки, её обувь в шкафу, шляпа, висящая на вешалке в прихожей, настойчиво напоминали о хозяйке квартиры. Почему-то не вид из панорамного окна на кремлёвские башни и Москву-реку, не дорогая обстановка, а именно широкополая фетровая шляпа поразила Киру, когда она переступила порог фешенебельной квартиры. По ощущениям Киры, в прихожей на вешалке висел не головной убор, а символ изысканности и женской успешности. Как можно было целоваться в доме, где всё напоминало Кире о владелице шикарной шляпы?

ГЛАВА 5. КИРА

Кира остановила машину на заправке: бак ещё был полон, но очень захотелось кофе. Кофе на заправках казался Кире особенно вкусным, может, секрет в особых зёрнах, а может, в автомобильной романтике. Поставив машину на стоянку, Кира зашла в крохотную кафешку при АЗС, где стояло несколько современных кофейных аппаратов, приветливая девушка налила горячий напиток в бумажный стаканчик, предложила выпечку. Всё хорошо, можно спокойно пить кофе, наблюдая через стеклянную стену кафе за мчащимися по шоссе машинами. «Всё хорошо», — произнесла вслух Кира. У неё хорошая машина, она владелица серьёзного бизнеса, обладающая твёрдой волей и контролирующая свои эмоции, сеть её магазинов «Цветочная симфония» известна по стране. Вот сейчас работает над открытием своих фирменных магазинов в Саратове, именно оттуда Кира и возвращалась, когда подло замигал на панели значок индикации. И вот она, успешная бизнес-леди, разнервничалась из-за каких-то далёких воспоминаний, дала волю эмоциям, будто заплаканная рыжеволосая девчонка, встреченная сегодня на центральной площади.

Кира сердилась на себя: хочешь быть счастливой — не ройся в памяти. А вот роется и остановиться не может. Обида, казавшаяся, забытой, больно царапала душу. Случайно заехала в родной город, и сразу вспомнилось, как девятнадцать лет назад уехала из Конашова с любимым мужчиной, впереди ждало бесконечное счастье. Кира тогда верила в существование мира, где розовые кони бегают по радуге, и что она теперь в этом мире поселилась навсегда.

Кирилл сначала снял для них номер-люкс в дорогой гостинице, но долго жить в гостинице Кире не пришлось: Людмилу Михайловну сбил пьяный мотоциклист, и надо было срочно возвращаться в Конашов, чтобы выхаживать мать. Кирилл предлагал нанять сиделку, но Кира не могла допустить, что за её родным человеком будет ухаживать посторонний, а она останется развлекаться в столице. К счастью, травмы были неопасны, и Людмила Михайловна быстро пошла на поправку, передвигаясь на костылях по квартире. Нужно было немного подождать, а потом уходить с работы и ехать в Москву, где Кирилл уже снял для неё квартиру. Но тут у Киры начались боли внизу живота, и врач-акушер определила возможное начало выкидыша, поэтому Кире пришлось лечь на сохранение. Узнав, что Кира попала в конашовскую больницу, Елена и Злата заявили, что надо немедленно ложиться в хорошую столичную платную клинику. И хотя Кира объясняла, что её ведёт очень опытный врач, и опасность преждевременных родов миновала, чувствует себя прекрасно, но Кирилл приехал за ней и повёз в Москву. Елена Викторовна определила Киру в частный санаторий — бассейн, массаж, прогулки по парку — о таком уровне комфорта Кира не имела представления. Кирилл приезжал ежедневно, Елена и Злата тоже частенько заезжали навестить будущую мать.

— Вы со мной, как с хрустальной вазой, обращаетесь. Мне неудобно, — благодарно повторяла Кира. — В моем состоянии люди работают, а я в тепличных условиях живу.

— Ты о ребёнке должна думать, а не о том, как другие работают, — Елена заботливо поправляла воротничок свитера Киры. — И фруктов побольше ешь, а то, смотрю, у тебя и гранаты, и грейпфруты, даже персики нетронутые лежат.

Всё шло прекрасно, но незадолго до родов неожиданно выяснилось, что необходимо делать кесарево. Елена Викторовна вновь проявила участие и отвезла Киру в какую-то очень

дорогую и очень закрытую клинику.

До этого момента Кира пребывала в состоянии абсолютного счастья, но долго розовые пони бегают по радуге только в кино. После операции, когда Кира пришла в себя от наркоза, ей объявили, что она носила мёртвого ребёнка. Ни Елена, ни Злата, постоянно державшие с ней связь, не позвонили. Кирилл встретил её на пороге клиники, молча забрал сумку, молча повёл машину.

— Кир, но мы ведь молодые. У нас ещё могут быть дети, — всхлипнув, прервала молчание Кира.

— Мне хотелось бы своих детей, нет желания негритят воспитывать, — сквозь зубы процедил Кирилл.

— При чём здесь негритята? — не поняла Кира.

С изумлением она услышала, что родила чернокожего мальчика. А мёртвым ребёночек был из-за того, что она принимала наркотики. Это был полный абсурд. В Конашове находился филиал сельскохозяйственной академии, где учились ребята из стран Африки, но ни с кем из них Кира не была даже знакома, и про наркотики всегда слушала с ужасом, а употребление их и в голову ей не могло прийти.

— Кир, какие наркотики? Ты же меня видел каждый день, если бы я была наркоманкой, ты бы заметил. И кроме тебя, у меня никого никогда не было, ты мой единственный мужчина, — Кира не могла понять, как можно всерьёз озвучивать такой бред.

— Елена видела твоего ребёнка, и врач ей всё объяснил. Кстати, чуть не забыл, сейчас документы тебе передам. Там в справке всё указано.

— Кир, но это же неправда! Это какая-то чудовищная ошибка!

— Чудовищная ошибка, что я поверил, будто есть искренняя, честная девушка, которой можно доверять. Дело не в твоей связи с каким-то африканцем, а в том, что ты вела свою игру и всё время врала мне, и сейчас тоже лжешь, причем, достаточно достоверно. Станиславский бы сказал: «Верю!». Тебе не цветами торговать, а на сцене играть.

Кира растерянная, оглушённая обвинением Кирилла, не понимала, что произошло.

Кир не поехал с ней на машине в Конашов, как бывало прежде, а высадил на площади трех вокзалов, ни слова не говоря, достал её сумку из багажника и протянул деньги на билет. Кира старалась что-то объяснить, оправдаться, но Кирилл хмуро посмотрел на неё, отвернулся и сел в автомобиль. Пытаясь разобраться в случившемся с ней, Кира принялась звонить Елене, ведь та, по словам Кирилла, разговаривала с врачом, видела мертворождённого ребёнка, но телефон Елены не отвечал, не брала трубку и Злата, похоже, номер Кире был заблокирован.

Вернувшись домой, Кира с ужасом обнаружила, что непонятным образом странная история её родов известна в Конашове. Кто-то пустил слух, и городок радостно обсуждал сплетню, как продавщица из «Цветочного острова» собралась замуж за богатого москвича, сына всем известного Федулова, но при этом ещё мутила с негром из общаги сельхозакадемии. А ещё она всю беременность кололась самыми запрещёнными препаратами, не думая о последствиях. Переходя от одного рассказчика к другому, история обрастала всё новыми и новыми пикантными подробностями — Кира оказалась крупным наркодилером, а привозил ей дурь её африканский любовник.

Людмила Михайловна то кричала на дочь: «Это что же такое ты устроила, что из дома стыдно выйти!», то рыдала, причитая: «Говорят, не в свои сани не садись. Вот полезла в калашный ряд, а люди и позавидовали, порчу навели».

Кира жила как в полусне, всё происходящее казалось дурным наваждением — надо проснуться, и морок пройдёт — вернётся Кирилл, скажет, что разобрался, и они снова будут вместе. Ведь не может это безумие тянуться вечно!

Как-то к Кире во дворе подошла живущая с Зотовыми в одном доме врач из консультации и стала расспрашивать, чем была продиктована необходимость кесарева, Кира ничего не могла объяснить.

— Вот, Ирина Евгеньевна, у меня справка есть, — Кира вспомнила, что у неё в сумочке так и лежат переданные Кириллом документы.

— Ничего не понимаю! — гинеколог внимательно читала выписку из истории болезни. — Если бы я не вела тебя, я бы могла в это поверить. Откуда у тебя мог взяться варикоз влагалища!

Врач сыпала медицинскими терминами, но Кире было всё равно. Только что в сквере какой-то незнакомый пьяный дядька пытался её обнять, приговаривая: «Только неграм даешь? А белые тебе не нравятся?». А перед тем идущая навстречу одноклассница, заметив Киру, перешла на другую сторону улицы.

— Надо заявление писать! — звучал голос Ирины Евгеньевны.

Кира кивнула: надо, значит, надо, но подумала, что ничего ей не надо: она потеряла ребёнка, она отвергнута любимым мужчиной, она непонятно почему опозорена, наверное, ей вообще не стоит жить.

Только в «Цветочном острове» Кира приходила в себя. Нежный запах цветочного магазина успокаивал, составление букетов отвлекало от тяжёлых мыслей. Кире представлялось, что Кирилл приедет именно сюда, подойдёт к прилавку, сделает вид, что не знает Киру и, хитро прищурившись, скажет: «Мне, пожалуйста, самый прекрасный букет вот этих белых цветов для самой прекрасной девушки». Сколько раз Кира собирала сама себе огромный букет эустом — это были их с Кириллом цветы, — а потом Кирилл, оплатив букет, здесь же, в магазине, его ей дарил. Такая была у них игра. Господи, какое это было счастье!

Дверь распахнулась, но зашел не Кирилл, а Агнесса. Всегда строгая, в тот момент она казалось особенно недовольной.

— Кира, — Агнесса поправила очки и грозно посмотрела на продавщицу, — ты должна уволиться.

— Почему? У нас же много работы. Вы ещё одного флориста хотели брать.

— У меня главный цветочный салон города, и я не хотела бы, чтобы в нём работали девушки с сомнительной репутацией. Я знаю, что ты не наркоманка, и в безнравственность твою я не верю, но престиж салона не должен страдать. Я выплачу тебе всю положенную зарплату за месяц, даже надбавку заплачу. Могу рассчитать тебя прямо сейчас.

Кира вышла из магазина и остановилась: куда ей теперь? Она обернулась, с грустью посмотрела на витрину, только сегодня утром Кира устанавливала здесь вазы с герберами. Красиво получилось... И тут девушка словно очнулась — сколько можно, потупясь, ходить по городу, проклиная свою судьбу?

Придя домой, Кира стала собирать дорожную сумку. Матери дома не было, но это и к лучшему. Оставив записку «Я уехала из Конашова. Как устроюсь напишу», отправилась на вокзал.

— Когда ближайший поезд? — ей было всё равно куда, главное, побыстрее уехать.

— В двадцать ровно на Москву пензенский пойдёт. А в двадцать два — пятьдесят

восьмой на Йошкар-Олу.

— Один в плацкартный до Москвы.

— Плацкарта нет, только в купейном есть места.

— Давайте в купе.

Если бы пятьдесят восьмой поезд был по расписанию первым, Кира, не задумываясь, поехала бы в столицу Марий Эл, но первым остановился в Конашове состав из Пензы, и Кира отправилась в Москву.

ГЛАВА 6. УЛЬЯНА

На утро двадцать пятого июня у Ульяны была назначена защита выпускной квалификационной работы, и вечером того же дня она собиралась уехать на проходящем через Канашов пензенском поезде в Москву. Билет был взят, вещи собраны, но девушка, прежде чем покинуть родной город, ещё хотела попытаться прояснить хоть что-то в свалившейся на неё информации. Узнав о своем удочерении, Ульяна сразу достала с верхней полки стенного шкафа большую картонную коробку, в которой хранились все семейные документы. Здесь лежали какие-то справки, выписки из трудовых книжек родителей, грамоты, удостоверения, однако ничего, относящегося к её рождению, найти не удалось. Ульяна задумалась: тётя Ира говорила, что родители рассказывали всем, что девочка родилась на Чукотке, где папа руководил созданием нового горнодобывающего предприятия, а на самом деле взяли её из дома ребенка в Даниловске, небольшом городке в пятидесяти километрах от Конашова.

Рано утром Ульяна отправилась в Даниловск. Конашов — небольшой город, а Даниловск и вовсе напомнил Ульяне деревню. Деревянные домики с сиренью под окнами, копошащиеся прямо на тротуаре курицы, небольшой квартал пятиэтажек...

Дома Ульяна пыталась по карте в интернете построить маршрут от автобусной станции до Дома малютки, но даже Гугл был беспомощен перед географией Даниловска. Сначала прохожий указал, что надо идти в Старый город, там Ульяне сказали, что Детский дом давно переехал на другой берег речки Даниловки, и наконец Уля выяснила, что Дом малютки находится за городом, куда по расписанию ходит рейсовый автобус раз в несколько часов. Обессиленная скитаниями по городку Ульяна вернулась на автобусную станцию, Даниловск уже не казался таким маленьким, ноги гудели, хотелось вернуться домой. «Полдня хожу по городу, и никаких результатов. Похоже, это меня судьба отводит от архивов детского дома», — мелькнула в голове предательская мысль вернуться, но Ульяна её тут же прогнала: «Решила разобраться, значит, надо доводить решение до конца».

Лишь к четырём часам добралась Ульяна до Дома малютки, но и здесь её подстерегало разочарование. Заведующая, немолодая полная женщина, равнодушно выслушала девушку.

— Я в Интернете читала, что можно поднять личное дело в том учреждении, откуда меня забрали, — сбивчиво объясняла Ульяна причину своего приезда. — Меня взяли в семью через месяц после рождения. Родители приехали в Конашов из другого города, чтобы никто не догадался об удочерении, но забрали меня здесь, в Даниловске. Тётя, сестра мамы, говорила, что была какая-то договоренность с заведующей. Может быть, Вы что-то помните?

— Я работаю здесь пять лет, поэтому про твоё удочерение ничего не знаю, да и что я могла бы знать? Многие берут детей. Но существует такое понятие — тайна усыновления. Усыновители решают, хранить тайну или нет. И только с их разрешения её можно раскрыть. Если твои приемные родители дадут письменное согласие, то ты можешь обратиться в загс, там должны быть сведения о биологических родителях.

— Но они не могут дать согласие. Они умерли. Вот у меня свидетельства о смерти. Папа четыре года назад погиб, а маму неделю назад похоронили, — Ульяна всхлипнула.

— Обращайся в загс, — устало-равнодушно повторила заведующая. — Скорее всего сразу откажут: тебе же при жизни усыновители не дали согласие на раскрытие тайны, и их смерть эту тайну не отменяет. Когда откажутся предоставить информацию о биологических

родителях, то попроси: пусть откажут письменно, чтобы с этим отказом обращаться в суд. Только зачем тебе это?

— Я должна знать, кто мои родители.

— Зачем? — повторила заведующая. — Ну, найдешь ты свою биологическую мать, и что? Если сведения нужны были бы для диагностики наследственных заболеваний, то понятно, зачем архивы ворошить, а так, из любопытства не стоит.

— Екатерина Петровна, — в кабинет заведующей заглянул невысокий круглолицый парень, — всё наладил. Ключи на вахту отдал. Поеду.

— Спасибо, Мишенька, спасибо, дорогой! — заведующая расплылась в улыбке. — Родителям привет передавай. Вот ещё девочку в Конашов захвати, а то ей сегодня самой не добратся.

— Захватчу, Екатерина Петровна, — кивнул парень и повернулся к Ульяне: — Я во дворе в машине тебя жду.

— Спасибо, конечно, но я сама доберусь, — Ульяна ничем не хотела быть обязана этой неприветливой заведующей.

— Не доберёшься. Автобус до Даниловска будет только в десять вечера, а когда в Даниловск приедешь, конашовский автобус уже уйдёт. Придётся на автостанции ночевать. И вот ещё, — заведующая на секунду запнулась, — ты сказала, что мать у тебя умерла, и заплакала. Потому что это твоя мать, и неважно биологическая или небιологическая — мать одна. А бабе, которой ты, малютка новорождённая, девятнадцать лет назад не нужна была, теперь и подавно нужна не будешь, а может с тебя деньги тянуть начать или ещё что. Случаи известны. Так что прекращай своё следопытство. Всё, иди давай, там Миша тебя в машине ждёт.

Во дворе Дома малютки стоял старенький фольксваген, Миша приветливо распахнул дверцу:

— Садись. К восьми на месте будем.

— Спасибо, Миша! — Ульяна аккуратно села, представилась: — Меня Ульяна зовут.

— Какое имя красивое, старинное.

— Это меня в честь прабабушки назвали, — пояснила Уля и осеклась: её назвали в честь неродной прабабушки. Трудно представить, что её мама — не её мама, и бабушка, и прабабушка... Это новое знание, с одной стороны, ничего не меняет. Но в реальности почему-то меняет многое. Обман длиной в девятнадцать лет.

— А я знаю, что ты в педагогическом колледже учишься, — вывел Ульяну из задумчивости Михаил. — Я напротив, в сорок втором доме живу, часто тебя видел.

— Как же ты меня запомнил?

— Ты заметная. Вон у тебя волосы какие, как из солнца. Тебя ещё твой парень на машине с леопардом подвозил. Трудно не заметить.

— Это не мой парень, — Ульяне не хотелось, чтобы даже в разговоре её имя стояло рядом с Матвеем. — А ты что в Доме малютки чинил?

— Да у них там компы вирусом нахватали, я чистил.

— Ты так далеко на работу ездишь?

— Им айтишник по штату не положен. Я просто Екатерине Петровне помогаю, чем могу. Позвонила, сказала, что с техникой непорядок, вот я и помчался.

— Она родственница или твоя семья с ней дружит? — Ульяна вспомнила, как заведующая передавала привет родителям Михаила.

— Почти родственница. Можно и так сказать. Но это долгая история. Екатерина Петровна раньше в детском доме работала. Он в самом центре был. Будем через Даниловск проезжать, я тебе его покажу. Но там сейчас только здание, а ребят нет. Наш детдом с самарским объединили и под Самару перевели. А Екатерина Петровна в Доме Малютки стала работать.

— Ты детдомовский?

— Был, до шести лет. Потом меня усыновили.

— А ты знал, что это неродные родители? — голос Ульяны едва заметно дрогнул.

— Естественно.

— А как ты к ним относишься, зная, что неродные?

— Я их люблю, — улыбнулся Михаил.

— А про родных родителей тебе что-нибудь известно?

— Известно. От меня отказались потому что у меня врождённый порок сердца был. Мне операции делали, Екатерина Петровна со мной, как с собственным, нянчилась. Я не помню, маленький был. Потом родителям моим передала. Уже все вместе со мной мучились, — Михаил снова весело улыбнулся.

Ульяну удивляло, что о таких серьёзных проблемах парень рассказывает легко, как о чём-то забавном.

— А тебе не хотелось с родными родителями встретиться?

— Хотелось в детстве. Мечтал, что стану известным, богатым, приеду к ним на шикарной машине и скажу, что они мне совершенно чужие. Пусть локти кусают. Но это давно было, в классе пятом — шестом, так, детские фантазии. А ты зачем в Дом малютки приезжала? Работу ищешь или практику будешь проходить?

— Практику, — буркнула Ульяна, ей было стыдно признаться, что от неё тоже отказалась родная мать, хотя даже порока сердца у неё не было. Понимала, что ничего позорного в том нет, но почему-то не могла сказать.

Михаил ещё долго рассказывал про свою собаку, про работу, про друзей, но попутчица слушала его вполуха, разговор не поддерживала, и Миша умолк. Уже на въезде в Конашов он поинтересовался, где Ульяна живёт, куда подвезти.

— Спасибо! Не надо, тебе отсюда до дома пять минут, а мне на Первомайскую. Останови на углу, я дальше на автобусе доберусь.

— Ничего, машина довезёт. Мы её не толкаем, сама едет, — Михаил вновь заулыбался, и Ульяна подумала, как здорово жить тому, у кого всё ясно и определённо.

— Ты телефон оставишь? — не то спросил, не то попросил Миша. — Или мой запиши. Поедешь опять в Дом малютки, я бы тебя отвез.

Ульяна не стала объяснять, что ездить в Даниловск ей больше не надо, а, достав телефон, внесла номер Михаила, пообещав позвонить, как только возникнет необходимость поездки.

— Если по городу надо будет что-то перевезти, тоже звони, да и просто так звони, когда скучно будет.

Квартира встретила Ульяну полной тишиной. Мама сейчас бы расспросила, как прошёл день, потом они бы пили чай, и Ульяна, смеясь, рассказывала про то, как полдня искала в маленьком городке нужный адрес, про смешного улыбающегося Мишу. И сознание, что мамы в её жизни больше нет и никогда не будет, захлестнуло, накрыло тяжелой волной отчаяния. Какая разница: родная, чужая. Почему-то вспомнилась давняя поездка на дачу,

они шли от станции, пятилетняя Уля сидела у отца на плечах, мама, хохоча, что-то говорила, отец смеялся, смеялась Ульяна. Над речкой кружили стрекозы, облако, похожее на слона, висело в голубом небе, в воздухе плыл аромат летнего счастья... Правильно сказала ей сегодня заведующая о том, что неважно биологические или небιологические родители, они её растили, они научили всему тому, что сегодня она знает, умеет, чувствует, и не станет она никогда искать «бабу, которой малютка новорождённая девятнадцать лет назад не нужна была».

Через неделю Ульяна защитила диплом и отправилась в Москву, помогать готовиться к школе внуку Федулова. Всю неделю она пыталась дозвониться по номеру, оставленному Викой, но трубку никто не брал. Однако Уля всё равно решила ехать, ведь у неё был адрес дома, в котором ждали гувернантку из Конашова.

В Москве она бывала и раньше — приезжала с родителями на каникулах, чтобы побывать в Третьяковской галерее, Историческом музее, в столичных театрах. В Москве жила двоюродная сестра отца, одинокая, энергичная, резкая в суждениях, редактор крупного издательства, родители вечерами подолгу сидели с ней на уютной кухне, что-то обсуждали, спорили, смеялись... Ульяна подумала, что надо бы навестить родственницу, и тут же вспомнила: она теперь никакая не родственница, наверняка, двоюродная тётка знала, что Уля — приемщи, и терпела её из уважения к брату. Теперь родителей нет, значит, и не нужна московской тётке посторонняя девчонка. Ульяна, как ни старалась, не могла прогнать чувство стыда от непонятного ей самой сознания, что она удочеренная. Думала о том, как Миша спокойно говорил, что родители взяли его из детдома, и всё было нормально, но сама Ульяна продолжала стыдиться своего удочерения, словно не только её обманули, скрывая правду, но и она всем лгала, выдавая себя за родную внучку, племянницу, за дочь достойных людей. Вспомнился как-то случайно услышанный в транспорте разговор двух женщин: «Не вздумай из детдома ребёнка брать. Там только дети алкашей и наркоманов с плохой наследственностью. Нормальные родители от ребёнка не откажутся». Получается, что Ульяна — ребёнок с плохой наследственностью, и все окружающие в течение девятнадцати лет только и делали, что ожидали, когда её гадкие гены заявят о себе.

Адрес, указанный Викой, оказался за городом. Таксист назвал сумму, за которую можно было неделю кататься по всему Конашову, но деваться Ульяне было некуда, она согласилась, и они поехали на Новую Ригу. Такси остановилось перед кирпичным забором, из-за которого возвышалась крыша трехэтажного особняка. После долгих переговоров через домофон Ульяна была пущена во двор. А после повторённых уже во дворе объяснений её проводили в дом. По представлению Ульяны, она попала во дворец. Огромный зал, почему-то названный прихожей («В прихожей подождите. К Вам сейчас спустятся»), украшала красивейшая изогнутая лестница, по стенам висели картины, изображающие сцены из средневековой жизни.

— Это Вы пришли устраиваться гувернанткой к Юре? — статная блондинка строго рассматривала девушку.

Ульяна вздрогнула, она так засмотрелась на полотна, что не слышала, как незнакомка появилась.

— Да. Я от Дениса Петровича. Я по образованию учитель начальных классов. Я окончила педколледж в Конашове.

— Это от Дена, приятеля Кира, — пояснила так же бесшумно появившаяся немолодая изящная женщина. — Помнишь, они приезжали зимой, и ты тогда с ним говорила о нашей

проблеме.

— Мам, у тебя не память, а стальной капкан, — хмыкнула блондинка и снова сурово посмотрела на Ульяну: — У нас уже работает человек, и мы ею довольны. Вы бы прежде, чем приезжать, позвонили, выяснили бы ситуацию.

— Я звонила, но никто трубку не брал.

— Естественно, никто не станет отвечать незнакомому номеру. Вам надо было написать сообщение, а не ехать сразу в Москву.

— Злат, ты заметила, какие конашовцы все приткие, — произнесла немолодая, словно Ульяны рядом с ними не было.

— Это ты про Андрея? — фыркнула Злата.

— И про него тоже.

Женщины, обсуждая каких-то известных им конашовцев, ушли из прихожей, бросив Ульяне: «Что Вы стоите. Можете идти. Вам всё было сказано».

Ульяна спускалась по широким ступеням мраморного крыльца и чувствовала, как по щекам покатались слёзы. Усталость от бессонной ночи в поезде, потеря самого близкого человека, которого она считала родной мамой, сиротство, неожиданно оказавшееся у неё с рождения, Матвей, целующийся с Викой, отчаяние от своей ненужности — всё было в этих слезах.

— Девушка, Вы хоть иногда не плачете? — перед Ульяной стояла дама, именно дама, а не женщина, и тем более не тётка. Дама, так определила её Ульяна, была в элегантном длинном белом плаще и широкополой, как из фильма, шляпе.

— Я только сейчас расплакалась, — всхлипнула Ульяна.

— Я Вас вижу второй раз, и оба раза Вы в слезах. Вы ведь из Конашова?

— Из Конашова, — подтвердила Ульяна, — сегодня в семь утра в Москву приехала.

— Пензенским ехала?

— Пензенским. Я должна была гувернанткой здесь работать с мальчиком-первоклассником. А они уже другого человека взяли.

— А плакать зачем? Это что единственный первоклассник в стране? — иронично улыбнулась дама. — Деньги на обратный билет есть?

— Остались. Но я обратно не поеду.

— Так Москва понравилась?

— Нет, просто в Конашов не хочу возвращаться.

— Подожди меня у машины, — дама кивнула в сторону припаркованного белого автомобиля, — освобожусь, договорим.

Незнакомка лёгкой походкой избежала по ступенькам и скрылась за высокой дверью, а Ульяна пошла к белой ауди ждать неизвестно для неё кого и зачем.

ГЛАВА 7. КИРА

Кира припарковалась на гостевой площадке для машин и огляделась. Во дворе почти ничего не изменилось, только дом уже на казался ей таким величественным, как двадцать лет назад. За это время видела и получше. Лестница с перилами каслинского литья теперь не производила впечатление входа во дворец, просто качественная дорогая лестница. По ступенькам спускалась плачущая девушка. Кира вздрогнула: что это ещё за знак судьбы? Эту девчонку она видела осенью в Конашове и запомнила из-за редкого, медового с красным отливом цвета волос, как у покойного Кириного отца. И вот на крыльце федуловского дома опять эта рыжая девчонка, и опять в слезах.

— Девушка, Вы хоть иногда не плачете?

Кира расспрашивала девушку о причине слёз, но признавалась себе, что таким образом малодушно оттягивает визит в дом Федуловых. После того, случайного, посещения родного Конашова обида, казалось, давным-давно забытая, заявила о себе с новой силой. И Кира решила, чтобы прекратить бесконечно вспоминать, как бежала от позора, неизвестно за что на неё обрушившегося, чтобы не видеть в снах мёртворождённого, непонятно почему чернокожего ребёнка, чтобы прекратить это страдание, надо не пытаться прятаться от воспоминаний, а наоборот, осмыслить то, что с ней случилось девятнадцать лет назад. Надо ещё раз прожить ситуацию, а не прятаться от неё. И будто узнав её решение, судьба тут же направила её в дом Федуловых. Фирму «Цветочная симфония» пригласили оформить особняк к юбилею главы семейства. Конечно, у Киры в штате были флористы-декораторы, но она решила вспомнить былой опыт работы и самой поехать к заказчикам. Если решила не прятать «голову в песок», значит, надо войти ещё раз в тот дом и поговорить с людьми, пережившими её судьбу.

Всю дорогу Кира размышляла: нужен ли этот эксперимент над собой? Может быть, стоило ещё походить к психологу, помогал же он прежде избегать негативных эмоций. Она несколько раз тормозила машину, решая вернуться, но, уняв волнение, все-таки взяла себя в руки, и автомобиль привез её к дому Андрея Юрьевича Федулова. Кира была уверена, что её узнают, вспомнят события девятнадцатилетней давности и спокойно обсудят то, что тогда произошло. Распустить по Конашову порочащие слухи о ней могла только Елена, она часто ездила с мужем на его родину, постоянно общалась с его родными, даже приятельниц в Конашове завела. Ну, что теперь на эту болтливость обижаться? Возможно, она с кем-то поделилась, что ребёнок родился мёртвым, а остальное молва дописала — и наркотики, и развратные связи. Но Елена разговаривала с врачом, принимавшим роды, и должна что-то знать, что не стала говорить Кире, не стала тогда, девятнадцать лет назад, а сегодня должна рассказать. Так думала Кира, заходя в дом Федулова. Она приготовилась к возгласам изумления, но Злата, встретившая её в холе, вежливо поздоровалась и повела по дому, показывая, где будет проходить торжество. Стало очевидно: Киру не узнали, хотя на её визитке были указаны имя и фамилия.

— Мы разработаем персональный дизайн оформления Вашего праздника. Оформление интерьера живыми цветами — это очень кропотливый процесс, который требует внимательного отношения, — произносила Кира заученные фразы, заноса в планшет нужную информацию о предстоящем юбилее.

— Юрочка, что ты тут делаешь? — Злата обратилась к розовощёкому мальчику,

сидящему на подоконнике в малой гостиной. — Вы же с Марией Игоревной полчаса назад собирались идти гулять.

— Я не хочу гулять, — ребёнок уставился в окно.

— Ну, начинается, — Злата обречённо вздохнула. — Я сейчас про дедушкин юбилей с тётёй поговорю, и ты мне расскажешь, что теперь у тебя случилось.

Они перешли в большую гостиную, Кира выясняла, каким образом будут стоять столы, но Злата её перебила: «Минутку подождите» и набрала номер на мобильном:

— Мария Игоревна, почему Юра не гуляет, а сидит в гостиной на первом этаже? Да уж пожалуйста! — потом пояснила Кире: — С поздними детьми всегда хлопотно, они и огромная радость, и огромная проблема.

Кира понимающе кивнула, хотя детская тема была для неё закрыта. После кесарева, проведённого в дорогой закрытой клинике, куда её определила Елена Федулова, возможность повторных родов была исключена. Редкий случай при хирургическом варианте родов, говорили врачи, но возможность повторной беременности снижена, надо лечиться, надо серьёзно заниматься этой проблемой. Но Кира серьёзно этим заниматься не собиралась: их отношения с Георгием детей не подразумевали, а темп её жизни и вовсе не допускал длительных остановок.

Подписав все необходимые бумаги на оказание услуг флористов, Кира завершила первый после многолетнего перерыва визит к Федуловым. Хотя переговорить о прошлом не удалось, но Кира была собой довольна: держалась спокойно, не нервничала, не устроила истерики, как осенью в конашовской автомастерской. «Кто молодец? Я молодец!» — мысленно похвалила себя Кира. Странно, что Злата её не узнала. Хотя, удивляться особо нечему — Елена узнала бы сразу, а Злата как была дурой с памятью аквариумной рыбки, так дурой и осталась. Даже двадцать лет назад, как ни была Кира восхищена семьёй любимого человека, но то, что у Златы мозги в район задницы переместились, и тогда видела. Впрочем, своими весёлыми мозгами Злата догадалась не только старшего Андреем (наверное, уже университет закончил) в честь отчима назвать, но и младшего Юрием — именем сегодня непопулярным, зато в честь отца Андрея Юрьевича. И похоже перебралась в дом отчима вместе с наследниками. Двадцать лет назад только наездами бывала. Интересно, а у Кирилла дети появились или никто семье Златы конкуренции на наследство не составляет? При мысли о Кирилле на душе стало пасмурно, за столько лет равнодушно думать о нём у Киры не получалось.

Возле машины стояла рыжеволосая девочка. Кира про неё уже забыла, зачем надо было её оставлять? Может, то, что уехала из Конашова пензенским поездом, как Кира когда-то, заставило на минуту посмотреть на девчонку повнимательнее? Ладно, чего теперь про это думать — надо подвезти девочку до ближайшей станции метро, раз ждать заставила.

— Ну, садись, поедем, — Кира приветливо распахнула дверцу автомобиля.

Девушка молча смотрела в окно, не досаждая разговорами, а расспросы начала Кира. Заговорила не потому, что ей была интересна попутчица, просто надо было переключиться с размышлений о встрече со Златой, о том, что надо будет ещё встретиться с Еленой и с ней уже вести разговор, и перестать думать о том, что до сих пор страшно увидеть Кирилла, испытать боль, узнав, что он про Киру забыл.

— Значит, тебе надо сейчас искать недорогое жильё и работу в школе, желательно поблизости. В Конашове кто из близких остался?

— Тётя, мама сестра.

— То есть, как я поняла, тебя не огни большого города манят, а лишь из-за того, что твой парень спит с другими, ты решила не возвращаться.

— Я боюсь с ним опять начну отношения. А он опять предаст.

— Разумная ты какая! — усмехнулась Кира.

Она разумной не была, всё время ждала Кирилла, в каждую минуту казалось, что это его шаги на лестнице, это звук колёс его машины под окнами. Широкоплечая фигура Кира мерещилась на улице в толпе прохожих. И пусть бы опять предал, лишь бы вернулся. Сейчас, после сеансов психолога, после отношений с другими мужчинами, поняла, что тосковала не по нему, а то тем эмоциям, что давал ей Кирилл, по тому градусу отношений. Но даже понимая это, сегодня особенно тщательно собиралась к Федулову: вдруг встретится в доме его сын.

— Пока место ищешь, можешь у меня остановиться. Приючу на пару дней.

Слова эти вырвались у Кире сами собой. Сказала и удивилась: зачем ей в доме эта рыжая? Как говорит Георгий, «мы в ответе за тех, кого вовремя не послали». Но девчонка ей чем-то неуловимым нравилась. «Пусть поживёт денёк-другой, с матерью про Конашов поговорит», — успокоила себя Кира. Людмила Михайловна переехала к дочери, но в родной город ездила регулярно, Кире поехать с собой не предлагала, зная, что получит отказ, но порассуждать о конашовских событиях любила.

В машине зазвучал «Вальс цветов» Чайковского — звонок с работы. Кира включила телефон, преобразилась, в голосе зазвучали ледяные нотки:

— Почему я должна тебе повторять: мы не берём эустомы! Даже по такой цене. Ира, мы торгуем всем, вплоть до кактусов, а эустомами не торгуем. Да, такая вот концепция!

Кира раздраженно бросила телефон в сумку и остановила ауди перед подъездом новой многоэтажки:

— Ульяна, выходи. Приехали.

ГЛАВА 8. УЛЬЯНА

Ульяна не понимала, кто эта дама в белом плаще, просто представившаяся ей Кирой. Зашла за незнакомкой в стеклянный подъезд, прошла мимо консьержки к серебристым дверям лифта — всё такое шикарное, как и дама, которая здесь живёт. И квартира у дамы была такая же белоснежно-элегантная, как и хозяйка. В огромном зеркале светлой прихожей Ульяна увидела себя — рыжие взлохмаченные волосы, круги под глазами — как не соответствовало её отражение интерьеру квартиры!

— Мам, я тебе землячку привела. У Федулова встретились. Поживет у нас, пока с жильем не определится.

Востроносая старуха критически, как показалось Ульяне, рассмотрела гостью:

— Ну, обувай тапки, проходи на кухню, — и сразу повернулась к дочери: — Это чего тебя к Федулову понесло? Кирилка твой объявился?

— Мам, прекращай! Заказ пришёл, — дом Федулова к юбилею хозяина живыми цветами оформить.

— Ну и как он, Федулов, узнал тебя?

— Никто никого не узнал. Девочку покорми. Она с поезда, сегодня только приехала.

Людмила Михайловна, что-то пробурчав, повернулась к Ульяне:

— Чего в дверях встала? Сказано было: на кухню проходи.

— А где у вас кухня? — Ульяна растерялась в сложной планировке квартиры.

— Прямо и налево, только сперва сюда, в ванную, зайди, руки помой. В поезде сейчас что хочешь можно подцепить.

На кухне, поставив перед Ульяной на стеклянный круглый стол тарелку с борщом, Людмила Михайловна села напротив девушки и начала расспросы:

— Ты Зотова?

— Нет, Костюченко.

— Но родня-то Зотовы?

— Мам, ну, что ты пристала? — на кухню зашла Кира. — Дай человеку поесть.

— Я понять хочу, кем она Зотовым приходится.

— Я Зотовых не знаю, — произнесла Ульяна и подумала: «Я никаких своих родственников, как оказалось, не знаю».

— Мам, в Конашове с населением в двести тысяч человек совсем не обязательно всем быть родственниками.

— Да причём здесь двести тысяч? Я как её увидела, — Людмила Михайловна кивнула на Ульяну, — так сразу папашу твоего вспомнила. Да ты сама посмотри: волосы зотовские, ни с кем не спутаешь, а рот... Зотовская порода. Отец твой известный кобель был, сколько по Конашову тебе братиков, сестричек наделал, одному богу известно. Уже помирал, а медсестру ушипнуть пытался.

— Мама, прекращай. Человека уже нет, а ты всё счёты с ним сводишь, — перебила Кира Людмилу Михайловну.

— Что прекращай? Мне Верка рассказывала, она у него в больнице была, как его инсульт прихватил. Руку трясутся, а всё туда же.

— Слушать не хочу, — Кира ушла с кухни, из коридора крикнула: — Я в офис поехала.

— Поела бы и ехала, — так же громко отозвалась Людмила Михайловна. — Или

Федулов накормил?

— Я с тобой ела три часа назад, — донеслось из глубины квартиры.

— Так есть, как ты ешь, скоро ноги таскать не сможешь, — выкрикнула мать.

Ульяна ничего толком не поняла из этого разговора, ясно было только, что бережно относиться друг к другу в этой семье не принято.

— У меня сумка в камере хранения осталась. Как мне от Вас до вокзала доехать? — Ульяна тоже стала собираться.

— Никуда твоя сумка не денется, — Людмила Михайловна была явно раздражена разговором с дочерью. — Ступай, помойся, я тебе полотенце и халат дам, а потом ложись, я в гостиной постелю. Выспись, а то сидишь, носом клюешь. Поспишь и тогда на вокзал поедешь.

Приняв душ и закутавшись в белоснежный мягкий халат (бывают же такие чудесные халаты!), Ульяна легла на застеленный для неё диван, накрылась мягким пледом и моментально провалилась в глубокий сон. Сновидения были прекрасны — Ульяна видела себя поднимающейся под руку с Матвеем по парадной лестнице великолепного особняка, в котором она сегодня была. Но это дом не Федулова, а почему-то её. Они с Матвеем останавливаются на блестящем мраморном полу и любуются картинами, украшающими стены. Матвей целует волосы Ульяны, её шею, но тут распахиваются двери и пространство заполняется людьми: это и роскошная Злата с идеальной фигурой, которая сегодня встретила девушку, и её мать, и ещё какие-то люди. Они окружают Ульяну с Матвеем, сжимаются кольцом, а блондинка вдруг громко произносит: «Она всем врала — она не родная дочь, она удочерённая! У неё плохая наследственность, как у всех детдомовских. Она была не нужна даже родной матери!». Матвей оттолкнул Ульяну и, как случается во сне, куда-то неожиданно исчез, а все стоящие вокруг начали громко возмущаться: «Врунья!», «Лгунья!», «Обманщица!», «От неё можно ждать Бог знает чего!», «Она дочь алкашки или наркоманки, и сама будет алкашкой или наркоманкой!», «От нормального ребёнка родители не откажутся!». Ульяна в ужасе пытается убежать и просыпается: в комнате уже темно, наверное, она проспала несколько часов.

В комнату зашла Людмила Михайловна, скомандовала:

— Поднимайся, хватит спать. Что ночью будешь делать?

— Я не сплю, — подала из-под пледа голос Уля.

— Тогда иди ужинать.

На кухне сидела Кира, она была без макияжа, в домашнем спортивном костюме, но без туфель на высоких каблуках и нарядной одежды она выглядела не менее элегантно, чем днём.

Ульяна смущенно запахнула халат и, пожелав приятного аппетита, села за уже накрытый стол.

— Ты говорила, что педагогический окончила? — Кира вопросительно посмотрела на Ульяну и, не дожидаясь ответа, продолжила: — в школе раньше первого сентября учиться не начнут, можешь у меня летом поработать. Секретарь моя в декретный уходит, посидишь на телефоне, пока я замену подберу.

— Конечно. Я ещё на компьютере быстро печатаю. И пишу грамотно. У меня врождённая грамотность, — радостно затараторила Ульяна.

— Ну, и замечательно, — равнодушно бросила Кира, встала и вышла из кухни.

Ульяна сидела счастливая: Кира берёт её к себе на работу, можно будет каждый день

наблюдать, как эта красавица разговаривает, как ходит, что делает, даже можно будет что-то перенять из Кириных изящных манер.

— Ешь давай, всё стынет, — проворчала Людмила Михайловна.

— А как на вокзал доехать? Мне сумку надо забрать.

— Незачем тебе на ночь глядя куда таскаться. Завтра заберешь.

— Завтра мне на работу к Кире. Надо переодеться.

— В чем сегодня была, в этом и пойдешь. Трусы свои постираешь. А завтра по дороге тебя Кира на вокзал завезёт, всё равно мимо будете ехать, — Людмила Михайловна уверенно указывала Ульяне, что та должна делать, и девушка подчинилась.

Поужинав и ответив на все дотошные вопросы Людмилы Михайловны о семье и знакомых, Ульяна вернулась в гостиную, достала телефон, чтобы позвонить тёте Ире. Утром она отправила ей сообщение «Добралась хорошо, всё в порядке», но, наверное, надо рассказать, что она будет работать не гувернанткой, а в офисе секретарём. Но звонить не стала: что за офис, Ульяна не знает, кто такая Кира, почему-то её приютившая, ей тоже неизвестно. Тётя Ира начнет расспрашивать, но ответить будет нечего, и тогда тётя испугается, начнёт пересказывать истории про сексуальное рабство и кражу людей на органы. Нет, лучше пока ничего тёте Ире не говорить, тем более, что история появления Ульяны в этой дорого обставленной московской квартире действительно странная для неё самой.

Ульяна хотела уже убрать телефон обратно в сумку, но тут он зазвенел. На экране высветилось красивое мужское лицо — Матвей.

— Привет!

— Привет! — голос Ульяны дрогнул. Матвей заходил к ней месяц назад, а теперь звонит, значит, соскучился, понял, по достоинству Ульяну оценил.

— Вика сказала: ты в Москву уехала.

— Да, вчера.

— Ну, и как там Москва?

— Стоит.

— С работой чего у тебя? Возвращаться не собираешься?

Сердце Ульяны гулко застучало:

— Пока не знаю. Меня секретарем в офис берут.

— Слушай, если ты пока в Москве, может, я в твоей квартире поживу. Чего она пустовать будет.

Сердце перестало громко стучать, голос Ульяны стал ровным.

— За квартирой тётя Ира следит, цветы поливает, а захочет, будет сдавать.

— Понял. Ну, ты с тёткой поговори. Пускай пустит меня пожить.

— Она чужого человека не пустит.

— Уль, я же не чужой, ты замуж за меня даже собиралась, пока я тебе не надоел.

— Матвей, что ты говоришь? Ты мне не надоел, а с Викой мне изменял.

— Хватит ерунду говорить. Пока!

— Пока!

Через минуту вновь раздался звонок. Сейчас Матвей скажет, что с Викторией он порвал, что любит Ульяну.

— Слушай, мы так и не договорили. Если тётка твоя надумает квартиру сдавать, ты за меня словечко замолви. Я бы комнату снял. Ты знаешь, я аккуратный, квартиру не засру.

— Хорошо, скажу.

— Ну, тогда пока! Звони, если что.

— Пока!

Ульяна с отвращением смотрела на телефон. А ведь она была готова побежать к Матвею, если бы он только намекнул, что скучает, что ждёт её. «Больше я не поведу», — сказала себе Ульяна, но на всякий случай, чтобы избежать соблазна перезвонить, решила стереть номер Матвея, и вообще, если уехала из Конашова и решила отформатировать свою жизнь, надо начать с телефонной книжки. Рядом с Матвеем был записан какой-то Михаил. Ульяна хотела и этот номер удалить, но неожиданно вспомнила добродушного парня, который вёз её из Дома малютки. Он дал свой номер со словами: «Если надо будет что-то перевезти звони, да и просто так звони, когда скучно будет». Ульяне не было скучно, ей просто хотелось поделиться впечатлениями от прошедшего дня, и она набрала номер Миши.

— Алло, — мужской голос в трубке звучал тихо и глухо.

— Извини, что разбудила, — Ульяна посмотрела на часы: только половина девятого.

— Нет, не разбудила. А с кем я говорю?

— Ульяна. Ты меня из даниловского Дома малютки подвозил.

— А я тебя сразу не узнал. Ты прости. Ждал, что позвонишь, а вот не узнал, — в голосе Михаила звенела радость. — А я тут работаю. Комп одним переустанавливаю. Ребёнка спать укладывают, вот я тихо и разговариваю.

— Ну, тогда работай. Как-нибудь в другой раз созвонимся.

— А ты чего хотела? В Даниловск собралась?

— Нет, Миш, я в Москву уехала.

— Ничего себе! А чего вдруг? Ты же в доме малютки у Екатерины Петровны работать собиралась.

— Жизнь внесла коррективы. Ладно, давай работай. Не буду мешать.

— Да ты и не мешаешь. Рассказывай, чего тебя в Москву понесло.

Они долго разговаривали о чём-то малозначительном, но почему-то интересном обоим.

А ночью Ульяне вновь приснился особняк Федулова. Только уже не Матвей, а Кира ведёт её по мраморной лестнице, и все расступаются перед ними, а ухоженная блондинка хочет сказать что-то неприятное, но под строгим взглядом Киры прячется за дверь.

Ульяна проснулась счастливой. Пусть во сне, но они с Кирой одержали победу. За окном занимался рассвет, но спать не хотелось. Впереди ждал новый день, и от этого дня Ульяна впервые за последние месяцы не ждала ничего плохого.

ГЛАВА 9. КИРА

«Всё, что происходит в жизни, происходит не со мной, а для меня. Надо только понять зачем», — вспомнила Кира, когда-то прочитанное высказывание. Случайная остановка в родном городе, заказ на оформление цветами дома Федуловых, встреча с девочкой из Конашова — последнее время Кире кто-то упорно напоминал о прошлом. Девочка особенно тревожила, вернее, её глаза — орехового цвета, с легким прищуром, такие глаза были у Кирилла. Как ни пыталась Кира забыть этот взгляд, но память противилась: сколько раз смотрели на Киру жадные, ласковые, требовательные мужские глаза, но не было тех, особенных, глаз Кира. И вдруг появилась эта девушка. «Что-то мне судьба готовит, знать бы что».

— Ты сегодня задумчива, — Георгий нежно погладил руку Кире. — Что-то произошло, о чём я не знаю?

— Ничего не произошло, просто воспоминания одолели, — пожала плечами Кира.

Они сидели в ресторане, отмечая День рождения Георгия. Отмечали вдвоем, так у них было принято.

— Я тоже сейчас пребываю в воспоминаниях, вспомнил, как впервые увидел тебя, — Георгий мечтательно улыбнулся. — Ты была такая же задумчивая.

— Только на восемнадцать лет моложе.

— Перестань! Ты всегда была, есть и будешь молода и прекрасна!

Кира ничего не ответила, но улыбнулась, словно услышала милую шутку. Георгий был мастер произносить комплименты — когда они познакомились, Кира ещё придавала значение словам, потом поняла, что слова — это только слова, и за ними может ничего не стоять. С Георгием, таким нежным и мягким внешне (просто медвежонок Тедди, а не мужчина), но жестким в делах, она научилась не просто слушать слова, а слышать, что за этими словами стоит.

— Я хочу выпить за тебя, — Кира торжественно подняла бокал, — не только потому, что сегодня твой День рождения, а потому что ты очень много дал мне, многому научил. За всё, чего добилась, я благодарна тебе!

Кира не лукавила, она действительно была благодарна Георгию — без его поддержки она не стала бы успешной владелицей крупного бизнеса. Как не похожа была сегодняшняя Кира на ту, что девятнадцать лет назад приехала пензенским поездом в Москву и стояла на привокзальной площади, размышляя, куда теперь идти...

На площади трех вокзалов девушка заметила вывеску «Цветы». В маленьком магазинчике бойкая продавщица дала телефон хозяйки, Кира позвонила и договорилась о встрече. Так началась работа в столице. Магазин, куда попала Кира, как и «Цветочный остров», находился в торговом центре. Но торговый центр был крупнее конашовского, и в цветочном магазине покупателей теснилось значительно больше. Но разница была не только в объеме работы. Агнесса требовала, чтобы продавщицы «главного цветочного салона города», продлевая жизнь цветов, постоянно меняли воду, а сломанный цветок разбирали на лепестки для продажи в качестве свадебного или романтического аксессуара. Кира вспоминала часто слышанное «Если цветы поникнут на следующее утро, покупатель к нам больше не придёт». А в столичном магазине не только не запрещали, а требовали посыпать лепестки блёстками, маскируя пожухлость, оторванные или поникшие бутоны сажать на

проволоку и ставить в букет. Кира с ужасом смотрела на те приемы, которые Агнесса объявляла грубейшими нарушениями, а на новом месте работы считали совершенно нормальными.

— Ты чего по накопительной карте пять процентов скидки снимаешь? — спросила у Киры её коллега. — Поменяй, когда будешь пробивать, карту на максимальную, двадцатипятипроцентную. Чек, по покупателю видно, спрашивать не будет.

— А зачем? — не поняла Кира.

— Так, ты ему озвучишь пять процентов скидки, а по кассе двадцать пять процентов пройдёт. Скидочная разница нам, флористам.

— Но покупатель пострадает. Получается, что на его карте покупка не зафиксируется, значит, он так и будет вечно со своими пятью процентами ходить.

— А тебе какое дело? — искренне изумилась вторая продавщица. — Не обеднеет: цветы на последние не покупают.

— Воровать не приучена, — Кира возмущенно отвернулась.

А через несколько дней владельцу магазина донесли, что Кира регулярно не пробивает чеки и забирает выручку себе. Была проведена ревизия списания цветов, и, хотя вина Киры не была доказана, её уволили. Девушка растерялась: почему оболгали? Почему мир снова ополчился против неё? Наверное, правильно сказала ей мать: кто-то порчу навел, и теперь всегда будут вокруг виться интриги и враньё. Но долго горевать Кира не могла себе позволить: надо было платить за комнату в коммуналке, которую Кира снимала у супругов-алкоголиков, обувь требовала починки, и есть почему-то хотелось постоянно. Новое место работы отыскалось довольно быстро — оказалось, что в огромном городе флористов с опытом не так уж и много, и специалист, знающий, что такое первичный цветок, а что вторичный, умеющий сохранить срезку и правильно собрать букет, на вес золота.

Постепенно с работой у Киры всё наладилось, она уверенно заняла место ведущего флориста дорогого цветочного салона в самом центре Москвы, но ни с кем из сотрудников не сблизилась, обычной женской болтовни не поддерживала, производя впечатление высокомерной гордячки. И мало кто догадывался, что молчаливая и строгая Кира не смотрит свысока на окружающих, а боится подпустить к себе, боится быть вновь обманутой, униженной, боится поверить людям. Её московское существование можно было описать двумя словами «дом — работа». Домом была съёмная десятиметровая комната в старой коммуналке, куда Кира приходила поспать, чтобы набраться сил для трудового дня, остальное же время отдавалось работе. И хотя в салоне за Кирой закрепилось прозвище Снежная Королева, но к её мнению относились с уважением, с нею считались. А ещё Кира постоянно училась — мастер-классы и курсы флористов стали неотъемлемой частью её жизни.

Комната, которую снимала Кира, выходила окном на серую стену торца соседнего дома, солнце не заглядывало сюда даже в светлые летние дни, но наша героиня считала, что ей с жильём повезло: во-первых, по столичным меркам, недорого, а во-вторых, соседи хорошие — вежливая старушка Екатерина Павловна и весёлый студент Лёха. Лёхе комната досталась от деда, а Екатерина Павловна родилась и выросла в этом старом, ещё до революции построенном доме. В девяностые жизнь в центре Москвы начала стремительно меняться — нувориши расселяли коммуналки, представляя жильцам дешёвые, зато отдельные квартиры на окраинах и в области, но каким-то чудесным образом квартира в переулке около Суворовского бульвара осталась в прежнем состоянии. Комната, которую снимала Кира у

сильно пьющей супружеской пары, живущей в бирюлёвской новостройке, вероятно, когда-то была комнатой прислуги — узкий длинный пенал с окном-бойницей. Поэтому завтракать Кира предпочитала на просторной кухне с огромным арочным окном. В это время остальные жильцы ещё спали, за высоким окном текла размеренная жизнь просыпающегося города, бодрящий аромат сваренного Кирой кофе витал над столами соседей, тянулся на лестницу чёрного хода.

— Меня, как в рекламе, разбудил запах кофе, — в дверях кухни появился Лёха.

— Доброе утро! — Кира прервала созерцания прохожих.

— Утро добрым не бывает, особенно в понедельник, — Лёха демонстративно зевнул, потянулся. — Слушай, у меня друг женится, можешь пару букетов незадорого подогнуть?

— Хорошо. А когда свадьба?

— В эту субботу.

— В пятницу подъезжай в салон, соберу тебе недорогие, но эффектные букеты.

— За что люблю тебя, Кира, так это за отзывчивость. А давай ты со мной в субботу на свадьбу пойдешь.

— Зачем? Я не твоя девушка, никого из твоих друзей не знаю.

— Именно! Ты никого не знаешь и тебя никто. А там будет моя девушка, бывшая. Вот пусть посмотрит, что я не один.

— Лещ, я не люблю такие истории, тем более, в этом участвовать не хочу.

— Ладно тебе! Трудно помочь? Я тебя часто, что ли, о чём-то прошу?

Кире стало неудобно — действительно, просит сосед сходить с ним на свадьбу, ей это труда не составит, никаких планов на субботу у неё нет, а не хочет выручить человека — некрасиво получается.

— Хорошо, договорились. Только сразу предупреждаю: чтобы тебя заревновали, я с тобой обниматься и целоваться не стану.

— Кира, я сам целоваться и обниматься не люблю, даже не уговаривай, — хохотнул Лёха.

И вот в субботу Кира под руку с соседом зашла в банкетный зал, где устраивалась свадьба. Профессиональным взглядом Кира определила, что букет невесты составлен неграмотно, цветы некачественные и не сочетаются по колористике. Кира представила, как стильно выглядела бы невеста в своём пышном платье со стразами, если бы держала в руках букет из пионовидных роз.

— Ты чего хмурая? Улыбайся жизни и, главное, мне, — вывел Киру из задумчивости Лёха.

— Девушка в синем платье на нас смотрит— это твоя бывшая?

— Не, это её подруга, — парень наклонился к Кире и интимно прошептал ей это на ухо.

Кира рассматривала незнакомых людей, кричала «Горько», улыбалась Лёхе, а сама размышляла, почему у неё с Кириллом не было свадьбы, ведь он позвал её замуж, приезжал в Конашов просить её руки, и родные его тепло отнеслись к ней, но почему-то до загса они так и не дошли. Всё время что-то происходило, то у мамы нога в гипсе, то Кира на сохранении...

— Я пойду покурю. Не скучай, — Лёха наклонился, поцеловал Киру в щёку и заговорщицки прошептал: — На свадьбе все целуются.

Заиграла музыка, к Кире подошел высокий красивый мужчина в дорогом костюме:

— Разрешите Вас пригласить!

Кира видела этого мужчину среди родственников невесты, и, судя по тому, как к нему

обращались, это был уважаемый родственник. Танцевал он хорошо, вежливо интересовался, давно ли Кира знает молодых, чем занимается. Потом, в течение вечера Кира не раз ловила на себе взгляд Георгия (так представился партнёр по танцу), но быстро о нём забыла — больше он её не приглашал танцевать, да и Лёха заскучать не давал. Он, несмотря на все попытки Киры его притормозить, довольно быстро напился и устроил драку с парнем своей бывшей. Кира под сочувственные взгляды гостей повела своего соседа к выходу, а он пьяно бормотал: «Она ещё прибежит ко мне, да мне не нужна будет. Я вот тебя, Кирка, буду любить». Ноги у Лёхи заплетались так же, как язык. Кира погрузила его в такси и повезла домой.

Всё воскресенье Лёха мучился тяжелым похмельем, а в понедельник вечером постучался к Кире:

— Кир, я на свадьбе маленько перебрал, ты уж извини. Какая свадьба без драки! Но так ведь, всё нормально было.

— Конечно, нормально. И девушке своей доказал, что о ней забыл, только зачем-то, когда её парню хотел в глаз заехать, орал: «Она ко мне вернётся, и мы будем вместе!». И я приятно вечер провела, когда все видели, как на моих глазах мой парень дерется за другую.

— Ну, ладно тебе, не негативь. Всё бывает. Я чего ещё пришел: ты там с крёстным невесты танцевала, так, он твой телефон просил узнать. Мне Серёга звонил, я твой мобильный ему дал.

— Какой Серёга? — не поняла Кира.

— Ты тоже вчера пьяная была? Серёга. Жених. То есть теперь муж. Его Катя попросила, чтобы для её крёстного он твой телефон поискал. Он и нашёл.

— А меня можно было спросить: хочу ли я свой телефон какому-то мужику давать?

— Кир, не создавай себе чужих проблем. Позвонит — ответишь, не захочешь говорить — заблокируешь. Кофейку не сваришь? Второй день сушняк мучит.

— По ночам кофе не варю. Это бодрящий напиток.

— Зануда ты, Кирка. Хотя кофе варишь зачётный.

— Спокойной ночи! Я ложусь спать, Мне завтра рано на работу.

Кира легла и моментально забыла про этот разговор, и, когда на следующий день ей позвонил Георгий, она не сразу сообразила, кто это. Как звали того мужика, пригласившего её танцевать, она уже не помнила. Георгий предложил встретиться, и Кира согласилась. Согласилась не потому, что хотела новых отношений, не потому, что новый знакомый ей понравился, просто предстоял свободный день, и его надо было как-то прожить, не думая о Кирилле, о том, что он счастливо живёт со своей женой и не вспоминает о Кире.

ГЛАВА 10. КИРА

Праздничный ужин подошёл к концу. Кира знала, что сегодня всё произойдёт так же, как и всегда: они поедут к Георгию, он будет умен и ласков, потом уснёт и начнёт громко храпеть, да так, что Кире придётся идти спать в гостиную, где он найдет её утром, и они вновь сплетутся телами, губы Георгия будут ласкать её шею, грудь, живот... Единственное изменение в привычном ходе их встреч будет добавляемая по случаю Дня рождения фраза — утром Георгий скажет, что главным подарком для него была ночь, проведённая с Кирой, хотя эта «подарочная» ночь ничем не будет отличаться от такой же ночи неделю, год, десять лет назад. За восемнадцать лет Кира привыкла к этим словам, привыкла к телу Георгия. Она знала, что будет два сближения — вечером и утром, по секундам знала, когда и как будет её любовник умелыми пальцами ласкать её влагалище, иногда ей казалось, что она даже знает, сколько фрикций он сделает до того момента, когда раздастся его полустон-полурык и он оторвётся от неё.

Всё было именно так, как и ожидала Кира — из ресторана они поехали к Георгию. Уже в прихожей он начал жадно целовать свою женщину, и в этот момент она привычно почувствовала, что тоже хочет его.

Ночью Кира сидела за огромным кухонным столом и читала новости на экране телефона. Спать не хотелось. Кира по-хозяйски открыла полку, достала банку с зелёным чаем (чай отменный, его Георгию привозил приятель из Китая), включила чайник. Даже сюда из спальни долетал громкий храп, он не раздражал Киру, она привыкла и к этому храпу, и к ночам в этой квартире. Отношения её с Георгием сначала вызывали у неё много вопросов, несколько раз Кира даже расставалась со своим любовником, пыталась завязать новый роман, но вновь возвращалась к прежней связи, а со временем не только привыкла к этим отношениям, но поняла, что именно такие «на расстоянии» отношения её полностью устраивают. Устраивало то, что свой День рождения Георгий отмечал всегда с ней вдвоем, но в субботу у него будет банкет в ресторане по случаю пятидесятишестилетия, куда придёт много гостей, но Кира приглашена не будет. Когда они только начали встречаться, Киру оскорбляло, что её новый возлюбленный, называя её «любимой женщиной» и «единственно близким человеком», не знакомит с друзьями, не посвящает в свои дела. Однако вскоре не просто привыкла, а увидела в этом явные преимущества.

Через пять лет их связи (Кира так определяла для себя отношения с Георгием — не роман, а просто связь) на отдыхе Георгий неожиданно предложил Кире стать его женой. Они стояли на берегу океана, набегающая волна ласково слизывала песок с босых ног, расслабление, подобно тёплой волне, накатывало, наполняя покоем.

— А давай поженимся, — прозвучал красивый баритон Георгия. — Выходи за меня замуж.

Кира невольно поморщилась: слова возвращали в реальность, мешали наслаждаться нежным шёпотом бирюзовых волн. До этой минуты ей казалось, что она хочет ясности в их отношениях, хочет статуса замужней женщины, но внезапно пришло осознание: «Мы не пара с этим человеком. Я сама по себе».

— Разве нам плохо сейчас? Мне кажется, что нам не стоит ничего менять, — Кира произнесла это как можно мягче.

— Пожалуй ты права, так лучше, — Георгий закурил, и Кира с изумлением заметила,

что у него дрожат пальцы, — Ты свободна. Я тоже. Мы никому ничего не должны.

Они снова любовались лазурной гладью океана, украшенной белой пеной на гребнях волн. Ничего не изменилось в их отношениях, и изменилось всё.

«Я свободна. Я никому ничего не должна», — отдавалось в мозгу у Киры, словно кто-то невидимый повторял ей это. Прежде она ругала себя за то, что она принимает помощь Георгия, спит с ним, а сама не любит его, что он был ей нужен только для того, чтобы забыть Кирилла. Но в тот вечер на берегу океана Кира почувствовала: она с Георгием не из чувства благодарности, она с Георгием, потому что он ей нравится, она к нему привыкла, он умеет довести её до высшей точки наслаждения в сексе. Она больше не будет зависеть от настроения любовника и от его планов, она может сама определять их отношения — они стали партнёрами. «Я свободна. Я никому ничего не должна»

Зелёный китайский чай заварился, Кира с удовольствием сделала глоток нежного напитка, прислушалась: храп прекратился, на время в квартире воцарилась тишина, вспомнилось пушкинское: «Привычка свыше нам дана: замена счастию она». Привычка эта далась нелегко. Когда-то солнечным весенним днём Кира согласилась встретиться со случайным знакомым, пригласившем её на танец, согласилась и тут же пожалела: она собралась участвовать в «Цветочном марафоне» и от работы её никто не освобождает, значит, предстоит непростая неделя, может, правильнее было бы в выходной отоспаться, набраться сил, а не идти на свидание неизвестно с кем. И в этот момент в салон зашёл Кирилл с женой. Лору Кира узнала сразу, она хорошо запомнила худощавую блондинку с фотографии, в памяти возникла квартира, куда привёл её Кир, широкополая шляпа на вешалке при входе, фотографии на стене... Ещё до конца не поняв, что произошло, Кира почувствовала, как бешено заколотилось сердце. Она кинулась в подсобку, боясь, что её заметят. Потом она спрашивала себя: чего испугалась? Почему убежала? Но это уже было потом, а в тот момент через приоткрытую дверь она наблюдала, как Кирилл, улыбаясь, что-то говорит жене, а потом покупает букет эустом, белых эустом! Есть же лиловые, бордовые, фиолетовые эустомы, есть розы, есть пионы, герберы, хризантемы... Но Кирилл просит, чтобы собрали букет белых эустом. Не то, как Кир улыбался жене, не то, как она прижималась к его плечу, заставило Киру разрыдаться, слёзы вызвал букет белых эустом. Это были их цветы, символ их любви — её и Кирилла. А теперь он дарит эти цветы жене, а может, просто букет кому-то, к кому они сейчас пойдут из цветочного салона. Наверное, вспоминает, как покупал их для какой-то конашовской продавщицы, а может, даже и этого не вспоминает... Одно дело — думать, что Кир, возможно, живёт с женой, словно и не было в его жизни девушки, которая ждала от него ребёнка, которой он клялся в любви, и совсем другое — увидеть, как Кирилл держит жену под руку, как ласково смотрит на неё!

Зашедшая в подсобку сотрудница с изумлением обнаружила сидящую в углу на корточках и плачущую Киру, всегда невозмутимую и строгую. На вопрос о причине слёз Кира призналась, что споткнулась и больно ударилась, но что ушибла, не сказала.

В салоне оживлённо обсуждали удивительное открытие — их шеф-флорист умеет плакать, строились версии, рассматривали самые смелые предположения, но Кира даже не замечала, что происходит вокруг, перед глазами стояли Кирилл с огромным букетом и улыбающаяся Лора.

Вечером Лёха застал Киру за странным занятием: она, что-то бормоча, жгла в ванной фотографии. Сосед попытался выяснить, что это значит, но, увидев неподвижные глаза Киры, открыл кран, чтобы потушить огонь, и повел её к себе в комнату. В шкафу нашлась

бутылка водки, Лёха налил Кире полной стакан и силой заставил выпить, выпил и сам. Потом они долго сидели на продавленном старом диване Лёхиного деда и каждый рассказывал о своих безответных чувствах: Кира о том, как её растоптал Кирилл, а Лёха — с разлюбившей его красавице Насте.

— Кирка, ты ему рога наставь, сразу легче станет. Хочешь, я тебя трахну?

— Лёха, отстань. Ты пьяный.

— И ты пьяная.

— Потому и отстань.

— Да я пошутил. Я тебя и не хочу. Я, кроме Насти, вообще, никого не хочу.

На следующий день Кира, получив зарплату, отправилась в магазин головных уборов и купила себе шляпу с широкими полями, это была не просто шляпа, а олицетворение респектабельности и счастливой женской судьбы. В этой шляпе Кира и отправилась на встречу с Георгием. Пусть Кирилл ходит под руку с женой, пусть не вспоминает о любви продавщицы цветов, Кира без него проживёт. Георгий, видя рассеянность девушки, пытался её позабавить весёлыми историями, но Кира автоматически кивала головой, не вникая в смысл сказанного, ей было всё равно, что говорит новый знакомый, важен был сам факт — она пошла на свидание и постарается заставить себя забыть Кирилла.

Очень скоро Кира стала любовницей Георгия, даже не задумываясь, нравится он ей или нет. Просто наткнулась на его нетерпеливые губы и послушно стала повторять движения этого чужого мужчины. Она не отдавалась Георгию, она мстила Кириллу — пусть знает, что она его почти забыла. Несмотря на совет Лёхи, что после измены будет легче, стало только хуже — стыдно перед Георгием, перед Кириллом и, что самое тяжёлое, перед собой. Но Георгий был настойчив, и Кира согласилась встретиться снова, собираясь на свидание, она мечтала: вдруг она где-нибудь встретит Кирилла с женой или без жены — не важно — она пройдёт мимо, не оборачиваясь, держа под руку Георгия, и Кирилл увидит, что она про него даже не вспоминает.

Из Конашова приехала Людмила Михайловна навестить дочь и проконсультроваться у столичного эндокринолога. По телефону велела Кире встретить её обязательно, потому что у неё тяжёлые сумки: несмотря на возражения дочери, Людмила Михайловна везла ей трехлитровые банки домашних маринадов и варенья. Кира собралась попросить Лёху съездить с нею на вокзал, но, случайно узнав о предстоящем событии (Людмила Михайловна позвонила, когда Кира с Георгием катались по Москве-реке на прогулочном теплоходе), Георгий настоял, чтобы Кира поехала встречать мать с ним. Людмиле Михайловне новый знакомый дочери очень понравился: серьёзный, обеспеченный, машина хорошая, немолод, так это и к лучшему, будет цветущую жену холить и лелеять. Кира восторгов матери не поделила, но и спорить не стала, понимала, что бесполезно.

А через месяц Людмила Михайловна позвонила дочери узнать, как дела, и между прочим сообщила:

— Кирилка твой приезжал, тебя искал.

— Когда? Что спрашивал? — Кира почувствовала, как кровь прилила к лицу.

— Тебя спрашивал, но я его куда надо отправила, поскудника. Отчитала по первое число.

— Ты хоть мой новый телефон ему дала?

— Это ещё зачем? Мало мы через него хлебнули, ещё разок захотела!

— Мам, ну, он же меня искал, значит, понял, что не прав был.

— Понял он, как же! Горбатого могила исправит. Зря я тебе всё это рассказала. Забудь об нём. Встретила приличного человека, вот за него и держись. Твой Георгий, сразу видно, самостоятельный, непьющий...

Кира не слушала мать, она вспоминала, как Кирилл приезжал в Конашов, как приходил к ней в «Цветочный остров», красивый, весёлый, с сияющими глазами, и покупал ей огромный букет белых эустом.

После звонка матери Кира уже ни о чём не могла думать, кроме встречи с Кириллом. Но ведь он живёт с женой, он же с Лорой приходил в салон покупать белые эустомы, он жене покупал белые эустомы! Может быть, Кире почудилось, и это был не Кирилл, слишком много она о нём думала, вот и привиделось. А может, мама всё перепутала или нарочно сказала, чтобы её подразнить... Кира не знала симптомов нервного срыва, но почувствовала, что с ней происходит что-то, с чем она сама не в силах справиться: апатия ко всему, абсолютное нежелание общаться с кем бы то ни было, головные боли, нервозность. Кира написала заявление об уходе, куда и зачем, ей было в тот момент неважно, она была не в силах работать. Сидела дома, уставясь в одну точку, и перебирала в памяти события последних двух лет — знакомство с Кириллом, беременность, поездка в Москву к Федуловым, роды, расставание...

Георгий приехал к Кире в коммуналку, увидел её, осунувшуюся, с черными кругами вокруг глаз, силой заставил собраться и повёз в клинику неврозов. Кира почти месяц приходила в себя, а выйдя из клиники, твёрдо сказала себе: никогда не вспоминать о том, что прошло. Не было в её жизни ни Кирилла, ни мертворождённого ребёнка, ни позора и бегства из родного города. Забыла раз и навсегда!

ГЛАВА 11. УЛЬЯНА

Ульяна открыла глаза и не сразу поняла, где находится. Большая светлая комната освещена солнцем, через полупрозрачную белую штору видны небоскрёбы Москва-Сити. Но тотчас же Ульяна вспомнила все удивительные события вчерашнего дня, приведшие её в этот дом. Одев белоснежный халат, выданный ей вчера строгой матерью Киры, Уля отправилась на кухню.

— Доброе утро! — Ульяна поздоровалась с Людмилой Михайловной.

— Доброе! А я тебя уже будить собралась идти. Садись завтракать. Сейчас за тобой Кира заедет.

— Спасибо! А Кира уже уехала на работу? Тогда пусть за мной не возвращается. Вы мне адрес дайте, а я сама доеду.

— Она ещё со вчерашнего дня не возвращалась! — проворчала Людмила Михайловна. — Сейчас явится.

Действительно, через несколько минут раздалась трель дверного звонка. Кира, в нарядном платье, но с усталыми глазами, заглянула на кухню:

— Ульяна, ты позавтракала?

— Доброе утро! Да, я готова.

— В халате поедешь? — улыбнулась Кира.

— Нет, — смутилась Уля.

— Значит, пока не готова. Давай собирайся. Нам с тобой про всё полчаса осталось, — Кира ушла, а Ульяна поднялась, чтобы идти одеваться.

— Сиди, ешь спокойно, — остановила Улю Людмила Михайловна, — Куда торопиться? Успеете.

Ульяна послушно села и принялась поспешно доедать кашу.

Когда Кира вышла из душа, Ульяна уже ждала её под дверью в прихожей.

— Ну, ты просто вжик, — Кира одобрительно посмотрела на девушку, — сейчас оденусь и поедем.

Ульяна ехала в офис «Цветочной симфонии», и сердце её замирало: одно только слово «офис» заставляло преисполниться важностью с ней происходящего. Девушке казалось, что блистательная Кира должна работать в небоскрёбе из стекла где-нибудь в Москва-Сити, но они отправились в промзону на окраине города.

— Подожди меня немного, пока я на оптовую базу загляну, — сказала Кира и ушла почти на час.

Потом они поехали посмотреть помещение, сдаваемое в аренду, затем сделали крюк, чтобы захватить «заодно по дороге», как выразилась Кира, новые фитолампы для живых растений. Наконец они прибыли в офис, который занимал полэтажа старенького трехэтажного здания в центре Москвы.

— Вот, Катюша, тебе временную замену привезла. Посидит на телефоне, — представила Кира Ульяну беременной шатенке. — Объясни ей, как тут у тебя всё работает.

— Вам из «Цветочного рая» конверт прислали, и ещё Пономарёв звонил, — Катя, докладывая об утренних делах, прошла следом за Кирой в кабинет.

Ульяна огляделась: огромный стол, за которым ей предстоит работать, шкафы с папками, горшочки с цветущими фиалками на подоконнике. Помещение было светлым,

предпочтение явно отдавалось белому цвету, как и в Кириной квартире. В приёмную зашел молодой человек в узких брюках не то с короткой бородкой, не то с многодневной щетиной:

— У себя? — кивнул он на дверь Кириного кабинета.

Ульяна кивнула: наверное, он спрашивает про начальницу. Московский мажор (так окрестила Уля зашедшего) постучался и скрылся за дверью кабинета. Потом туда же, зашла девушка в ярком балахоне, кто-то ещё заходил, выходил... Ульяна завороченно смотрела на происходящее, представляя, как будет работать с этими людьми. Наконец из кабинета вышла Катя.

— Ты раньше где работала? — секретарь поправляла складки платья на круглом животе. Спрашивала из вежливости, ей Ульяна была неинтересна, волновала новая жизнь, которая шевелилась внутри, каждую минуту напоминая о скором появлении.

— Нигде. Я в этом году педколледж окончила, но знаю хорошо компьютер.

Ульяна хотела подробно рассказать о своих умениях и навыках, но Катя её перебила:

— Значит, записывай: утром тебе надо в первую очередь...

Неделя пронеслась для Ульяны молниеносно. Утром, не дожидаясь Киры, она мчалась к метро, чтобы в девять уже сидеть за широким столом, отвечать на звонки, разбирать почту. Она понемногу стала ориентироваться в служебной иерархии, узнала, что девушка в ярком балахоне, Марина, «правая рука» руководителя, а мажор Тимур Усманов, на самом деле совсем и не мажор, а трудяга, отвечающий за логистику компании. Менеджер Никита в первый же день пригласил Ульяну в кафе и подарил смешного тряпичного зайчонка.

— Ты с ним поосторожнее, — посоветовала Катя, — уши не развешивай. Знаешь, бывают такие: говорят о любви сразу всем подряд.

— Знаю, — вздохнула Ульяна.

Своё пребывание в квартире Киры Ульяна с первого дня расценивала как неудобное, стесняющее хозяев, а попав на работу в «Цветочную симфонию», и вовсе посчитала неприличным пользоваться гостеприимством своей начальницы. Поэтому начала в Интернете подыскивать недорогую комнату, сообщив Людмиле Михайловне, что надеется на следующей неделе перебраться в съемное жильё. Ульяна полагала, что мать Киры обрадуется, что незваная гостя освободит гостиную, но неожиданно услышала:

— Куда это собралась? Ещё вляпаешься во что-нибудь. У тебя на лбу написано, что ты дура наивная. Живи тут, пока в Москве не освоишься.

Ульяна растерялась:

— Людмила Михайловна, давайте я Вам хотя бы за питание буду отдавать. А то живу у вас как нахлебница.

— Отработаешь. В субботу окна будешь мыть. А то я из фирмы приглашаю, а там неизвестно кого пришлют, ещё и обчистят. Мне под потолок лазить тяжело, Кире некогда, так, чтобы мне чужих людей в дом не пускать, я тебя привлеку.

Ульяна с удивлением и радостью слушала, что её эта строгая, неулыбчивая женщина чужой не считает. Рассказав тётке Ире, что работает секретарем, ей дали трудовую книжку и обещали хорошую зарплату, Уля получила набор предостережений, а узнав, что девушка бесплатно поселилась у своей руководительницы, где её ещё и кормят, тётя Ира запаниковала: «Здесь что-то нечисто! Немедленно возвращайся!». Как ни успокаивала Ульяна тётку, та заявила, что только сдаст баланс, сразу сама приедет за племянницей в Москву.

А ещё вечерами Ульяна звонила Мише поделиться новостями, обсудить события дня,

порассуждать на важные, в их понимании, темы.

Утром, придя в приемную за полчаса до начала рабочего дня, Ульяна полила фиалки (строго в поддонники, как указала Катя), полюбовалась на сквер за окном и, довольная, села за свой огромный стол. Этот стол Ульяне особенно нравился — две солидные тумбы со множеством ящиков, светлая буковая столешница, плавно выдвигающаяся полка для клавиатуры — сидя за этим столом, Уля ощущала себя крутым профессионалом. Весело заиграл телефон, незнакомый номер на экране словно предупреждал: «Не бери, это спам». Но Ульяна нажала «Ответить» и услышала взволнованный голос Вики:

— Привет, Уль! Я с чужого телефона звоню. Если тебя кто-нибудь будет спрашивать о нас, мы с Барановым к тебе в понедельник приезжали.

— Куда ко мне? Я же в Москве!

— Вот в Москву и приезжали. На машине. Тебя проведать.

— Я ничего не понимаю. Вы в Москву приезжали, сказали, что ко мне, а со мною не встретились? А кто меня про это спрашивать будет?

— Уль, тут такое. Баранов Матвея хотел убить. Там травмы всего по полной, и черепное, и почки отбиты, и всё остальное. Но я сказала, что нас в городе не было, мы к подруге в Москву ездили.

— А Матвей жив?

— Жив, в центральной больнице, ему операцию сделали. Думали не выживет. Я так плакала. А Матвей в себя пришёл и следователю на Саньку указал. А я сказала, что мы из Конашова уезжали. Сразу, что на ум пришло, то и сказала.

— Так выходит, твой Баранов практически убийца. И чего его покрывать?

— Ульян, ты хочешь, чтобы моего мужа в тюрьму посадили?

— А к Матвею в больницу кто-нибудь ходит? Он встаёт?

— Ульян, мне сейчас только в больнице засветиться осталось.

— Но ведь наверняка из-за тебя всё произошло.

— Вот только не надо про совесть и порядочность мне рассказывать. Короче, если спросят, ты поняла, что говорить.

Вика нажала отбой, а Ульяна тупо смотрела на телефон, не понимая, как ей поступить. Матвей в больнице, один, может быть, его родители в деревне даже не знают, что сын в тяжёлом состоянии. Завтра суббота, выходной день, значит, надо сегодня же поехать в Конашов и на месте узнать, какая Матвею нужна помощь. Два дня выходных, а в понедельник утром прямо с вокзала успеет на работу. Правда, обещала Людмиле Михайловне окна помыть, но объяснит, что близкий человек в больнице лежит. А окна в понедельник после работы помоем, сейчас и вечером светло — всё-таки лето!

Дверь распахнулась и вошла Кира — шляпа с широкими полями, шёлковое платье, перехваченное пояском на тонкой талии, изящные туфли — Ульяна не переставала восхищаться элегантностью своей начальницы.

— Ты чего утром меня не подождала? Вместе бы приехали, — Кира вопросительно посмотрела на Улю.

— Спасибо! Но не хочется Вас затруднять. И мне нравится на метро.

— Ну, как знаешь. Насильно в рай не тянут, — пожалала покатыми плечами Кира. — Ты, кроме метро, Москву-то видела? Вечером покатаемся с тобой по городу. Я тебе мою Москву покажу.

— Спасибо большое! Но мне сегодня вечером нужно в Конашов поехать. У меня там

близкий человек в тяжёлом состоянии в больницу попал, — Ульяне очень хотелось поехать с Кирой вечером по Москве, однако случившееся с Матвеем не давало права оставаться в столице.

— Это тётя твоя заболела?

— Нет, — потупилась Ульяна, — но это человек, которому надо помочь.

— Твой изменник коварный заболел? Надеюсь не в венерический диспансер к нему надо ехать? — Кира помнила историю несчастной любви и обмана, рассказанную ей Ульяной в первый день знакомства.

— Его муж моей подруги чуть не убил, — тихо произнесла Уля.

— Думаю, за дело.

— Да, за дело, за мою подругу. Но он в больнице лежит, а близких никого. Может, я с кем-то договорюсь, чтобы за ним смотрели. Займу у тёти денег и с санитарками поговорю.

— А пускай твоя подруга за ним ходит, раз он из-за неё дрался.

— Она не хочет в больнице светиться, — начала объяснять Ульяна, но тут в приемную вошли сотрудники, и разговор о Матвее был завершён.

В разгар рабочего дня начальница вызвала Ульяну к себе в кабинет:

— Вот возьми, здесь и на дорогу, и на санитарок, — Кира протянула Уле пачку денег.

— Спасибо! Зачем? Не надо, — смутилась Ульяна.

— Забирай, мне некогда тебя уговаривать. И позови ко мне Усманова с Даниловым, что-то они с курьерской службой перемудрили.

Ульяна вышла из кабинета начальницы, думая, что неделю назад на пороге федуловского дома ей повстречался ангел.

ГЛАВА 12. КИРА

День выдался на редкость суетной, только к вечеру Кира смогла спокойно подумать о том, что беспокоило последнее время — о Дне рождения Андрея Юрьевича Федулова. Праздник должен был состояться завтра, фирма «Цветочная симфония» принимала участие в оформлении торжества, флористы-дизайнеры рано утром отправятся на Новую Ригу украшать дом. А вот самой Кире надо ли ехать к Федуловым? До прошлой осени она не разрешала себе думать об этих людях и успешно с этим запретом справлялась. Но зачем-то жизнь стала упорно напоминать о событиях почти двадцатилетней давности. Поехать? Не поехать? Хотелось поговорить с Еленой, претензий никаких Кира ей предъявлять не собиралась, да и какие претензии через столько лет. Просто хочется разобраться: что же всё-таки тогда произошло. Сначала Кире было больно об этом думать, потом она запретила себе все воспоминания о романе и расставании с Кириллом, но теперь, когда жизнь стала настойчиво предлагать ей снять запрет с этой темы, Кира обнаружила, что спустя годы она просто не понимает, что это было, почему так странно и нелепо всё закончилось. Теперь на случившееся с ней Кира смотрела не испуганными глазами влюблённой девочки, а с позиций взрослой женщины.

С улицы доносились отдалённые грозовые раскаты, по стеклу застучали дождевые капли. Кира подошла к окну: по старой московской улице спешили люди, раскрывали зонты, поднимали капюшоны ветровок; вспомнилось, что так же ускоряли шаги прохожие, торопясь спрятаться от дождя, когда она смотрела на них из кухонного окна коммуналки в Мерзляковском переулке. Так же собирались лужи на асфальте, так же тяжёлые капли барабанили по крышам старых московских особняков... «Как странно, — подумала Кира, — вокруг всё по-прежнему, а я стала совершенно другой».

Когда семнадцать лет назад Кира приняла твёрдое решение отформатировать свою жизнь, вычеркнув из неё то, что приносит боль, неожиданно пришла мысль самой открыть магазин. Маленький цветочный бутик, где не просто будут составлять эксклюзивные букеты, но ещё предлагать услуги по оформлению праздников. Но для исполнения задумки денег требовалось немало. Взять кредит, но под залог чего? У Кире не было ни жилья, ни автомобиля, не было ничего, кроме пары туфель, двух платьев и широкополой шляпы — символа успешной женщины. И Кира решила начать с цветочного киоска — минимум оборудования, небольшой ассортимент. Но и здесь нужен был стартовый капитал — сумма для Кире по тем временам неподъемная. Выручил Георгий, дал займы без расписки и процентов. И хотя он говорил: «Про то, что деньги тебе одолжил, можешь забыть», но Кира долг вернула весь до копейки, так ей было свободнее дышать. Кира получала разрешительную документацию от контролирующих органов, занималась закупкой цветов и аксессуаров, искала флористов. При этом она, проработавшая в цветочном бизнесе много лет, постоянно ощущала нехватку необходимой информации, и несмотря на постоянную загруженность, пошла учиться (не ради диплома — Кире нужны были знания, и она добросовестно готовилась к зачётам и экзаменам). Девушка не жалела себя: спала по пять часов, ела на ходу, но результаты были ощутимы — бизнес стремительно расширялся.

Дождь становился всё сильнее, «Прекращай вечер воспоминаний и собирайся домой», — скомандовала себе Кира. За эти годы отдавать самой себе приказы вошло в привычку. Кира подумала, что, наверное, не стоило давать Ульяне деньги на помощь её

возлюбленному. Денег было не жаль, но пугало, что девчонка ввязывалась в отношения, которые обречены — раз обманул, значит, обманет и снова. В этом Кира была убеждена, но вспомнила светло-карие, миндального разреза наивные глаза Ульяны и поняла: всё равно стала бы деньги искать для своего Матвея и во что-нибудь ещё вляпалась. «Собирайся домой!» — вновь скомандовала себе Кира.

Ливень прекратился, но порыв ветер качнул растущий во дворе клён, и с веток на вышедшую из подъезда Киру обрушился поток воды. На этом досадные неприятности не закончились — Кирина машина оказалась заблокирована чьим-то внедорожником. Слева от Кириной ауди стояла другая машина, справа — бордюр. Кира обошла внедорожник: ни записки с номером телефона под дворником, ни водителя.

— Извините, сейчас уберу, — высокий мужчина, перепрыгивая через лужи, торопился к стоянке.

Кира ещё не поняла в чём дело, но кровь застучала в висках — Кирилл!

— Побыстрее, пожалуйста, — произнесла недовольно, но голос предательски дрогнул.

Мужчина открыл дверцу своего автомобиля и замер:

— Кира?

Он подошел к Кире, остановился в шаге от неё и утвердительно кивнул:

— Кира, — ореховые глаза изумлённо распахнулись. — Тебя сразу не узнать.

— Это меня дождём сейчас с дерева окатило, — Кира смущенно поправила мокрую челку.

— Да вообще не узнать. Такая стала... Взрослая.

— А ты не изменился. Совсем. Извини, я тороплюсь. Убери, пожалуйста, побыстрее свой автомобиль.

— И куда ты, такая мокрая, торопишься?

Кира смешалась: действительно, куда? Сейчас она сядет в машину и поедет домой, Кирилл уедет по своим делам. И всё! Они случайно столкнулись в многомиллионном городе, чтобы вновь расстаться навсегда.

— Да никуда я не тороплюсь, — тихо вымолвила Кира, — просто день был тяжелый, надо отдохнуть.

Она была довольна собой: сумела совладать с эмоциями и взять себя в руки.

— Тогда, может быть, где-нибудь посидим? Тут недалеко хороший грузинский ресторан.

— Можем поближе посидеть. Давай ко мне в кабинет поднимемся. У меня кофе хороший есть, заодно и голову подсушу, — у Киры не было сил куда-то ехать, энергия её вдруг иссякла.

В коридоре офиса им навстречу спешила Марина, увидела промокшую начальницу, округлила глаза:

— Ого, как Вас промочило! Вы бы у меня зонтик взяли. Мы запасной в шкафу держим.

— Спасибо, это на меня так неудачно ветром подуло. А ты почему домой не идешь?

— По празднику сверяла. Чтобы у Федулова завтра всё идеально было.

Кира поймала вопросительный взгляд Кирилла:

— Мы завтра оформляем живыми цветами День рождения твоего отца.

— Точно. Завтра же девятое июля. Только лето началось, и уже июль. Время бежит...

— Бежит, — согласилась Кира. — А ты что, забыл, что завтра у твоего отца юбилей?

— Да нет, конечно. — Кирилл усмехнулся. — Забыть не дадут. Там Елена со Златкой

всем рулят. А я вечером подъеду.

Они сидели в Кирином кабинете. Кир одобрительно рассматривал дипломы на стене, дорогие кожаные кресла, массивный стол — весь антураж уважаемого руководителя.

— А ты, смотрю, деловая дама стала по полной программе.

Кира ничего не ответила, шутливый тон не давался, серьёзно говорить боялась — не хотела узнать, что Кирилл вспомнит их отношения, перевернувшие её жизнь, как забавное приключение молодости.

— И кофе у тебя, действительно хороший, — похвалил Кир и, помолчав, добавил: — Я тебя искал, в Конашов несколько раз ездил, к матери твоей ходил, в магазин, по улицам бродил, как потерянный, надеялся, что тебя встречу. А ты как сквозь землю провалилась.

— Я в Москву уехала. Но вот я тебя видела. Ты с женой цветы покупал, большой букет белых эустом в салоне на Арбате. И вид был абсолютно не потерянный.

— Могло быть. Я твои эустомы всегда покупаю, они о хорошем говорят, о тебе.

— Как ты живешь? Дети не появились?

— Какие дети? Лора рожать не будет, да это никому и не нужно. Она тут решила приемного усыновить, так Златка отговорила, запугала сюрпризами неизвестной наследственности, объяснила, что нормального ребёнка в детдом не отдадут, что дети — это тяжёлая ноша, а через полгода третьего родила. Лора очень удивлялась, зачем Злата ей говорила, что дети — крест Господень, когда сама беременная ходила. Лоре не понять, что конкурентов у семьи Сёминых не может быть.

— Не поняла. Какие Сёмины?

— Так Златка Сёмина, её Ромик у отца рулит всем и вся. Вроде бы по всем статьям семейка Сёминых — наследники Федуловских предприятий, а тут появятся родные внуки, папаша расчувствуется, и Сёминым чего-нибудь да не перепадёт.

— Стоп, — Кира заговорила спокойно и твёрдо, — ты родственник первой очереди, значит, ты и Елена, твоя мачеха — главные наследники. Семья падчерицы по закону никакого отношения к Андрею Юрьевичу не имеет. Тебя нельзя лишить наследства, ты можешь оспаривать завещание.

— Да, Кира, ты стала взрослая — «по закону», «оспаривать завещание»... Во-первых, никакого завещания никто не оглашал, отец, слава Богу, жив и здоров. Во-вторых, свою долю я получу, несмотря на то, что отец меня осуждает за нежелание рьяно впрягаться в дела.

— Чего тогда Злата хочет?

— Златка хочет себе отжать всё. Я с ней конкурировать не собираюсь.

Кирилл говорил так, словно не было никакого расставания девятнадцать лет назад и они с Кирой хорошие друзья.

— Скажи, ты жену любишь? — Кира спросила и тут же испугалась своего вопроса, испугалась, что сейчас Кирилл ответит ей: «Конечно», а её, молоденькую дурочку, никогда не любил, просто развлёкся. Зачем это знать?

— Кира, ты о чём?

— О том, что ты больше двадцати лет живешь с женщиной, которой изменял со мной, думаю, что и после меня, но ты с ней не расстанешься. Это любовь или привычка?

Кирилл печально посмотрел на Киру:

— Ты так и не поняла, что единственное настоящее у меня было с тобой. Мне хотелось думать, что и ты меня не забыла. Я тогда у клиники психанул, а потом понял: неважно, что это был не мой младенец, в жизни всякое бывает, но ни с одной женщиной я не испытаю

того полёта, как с тобой.

Кира хотела закричать: «Это был твой ребёнок! Ты был моим единственным мужчиной!», но вместо этого она произнесла:

— Ты так и не ответил на мой вопрос.

— А что тут отвечать? Лора хороший человек, я ценю её доброту, порядочность, но как женщина она давно меня не интересуется. Она это знает, мы живём параллельно, у каждого своё частное пространство, но мы уважаем друг друга, у нас добросердечные, проверенные временем отношения. Я ответил на твой вопрос?

— Да, спасибо!

— Тогда ответь и мне. Ты меня действительно любила или я был просто богатый москвич, сын Федулова?

— Любила. Очень любила, — Кира чуть не добавила: «И сейчас люблю». Она понимала, что они теперь чужие люди, у каждого своя жизнь, просто случайно пересеклись, чтобы вновь расстаться навсегда, но что-то алогичное ей шептало, что можно подойти и поцеловать этот красивый рот, прижаться к этому телу. Кира пугалась этих мыслей, гнала их прочь, и при этом осознавала, что помнит родинку на груди Кирилла, помнит шрам на его плече...

На улице стемнело. Надо было попрощаться, чтобы вернуться к своим делам, но не получалось. Кира вспоминала, как составляла свой первый бизнес-план, обдумывала собственную стратегию развития цветочного магазина, Кирилл рассказывал, как на Алтае табунщики пасут лошадей, как планирует переехать в этот горный край и заняться коневодством.

А потом случилось то, чего так боялась и так желала Кира. Губы Кирилла сомкнулись с её губами, и оба почувствовали, что больше нет сил терпеть эту бесконечную разлуку. Кирилл жадно целовал шею, грудь, и Кира ощущала его неровное обжигающее дыхание. Мелкая дрожь одновременно пробежала по их телам, волна желания достигла максимальной высоты. Кира хотела, чтобы возлюбленный поскорее вошел в неё, и тут же ощутила его внутри себя.

Через полчаса Кира лежала на кожаном офисном диване и слушала, как бьётся её сердце. Впервые за много лет она ощущала себя счастливой. За эти годы на не раз бывала довольна результатами своей работы, торжествовала, радовалась, однако счастье почувствовала только рядом с Кириллом.

— Я скучал по тебе, но я знал, что мы встретимся, — Кир нежно целовал тонкие пальцы улыбающейся своим мыслям женщины. — А ты скучала по мне?

— Я запрещала себе это делать.

— Почему?

— Боялась сойти с ума от тоски.

— А почему ты не вышла замуж за столько лет?

Кира подумала: надо бы сказать, что ждала его, но не хотелось лжи, даже такой невинной

— Мужчину, который меня поддерживал всё это время, устраивал другой формат отношений, как и меня.

— И что это за мужчина, который поддерживал тебя? — Кирилл отстранился. — То-то, я смотрю, ты нормально так на цветах поднялась.

— Я должна была хранить тебе верность все эти годы?

— Ты и когда со мной была, не очень-то верность хранила. А этому, кто в тебя бабки вкладывает, ты тоже рога наставляешь? На этот раз с кем? С африканцем или, может быть, с латиносом? Тоже, наверное, страстные ребята.

Кира встала с дивана, начала, не торопясь, застегивать блузку. Говорят, что в одну и ту же воду нельзя дважды зайти, так нет же, полезла. Кирилл ещё что-то говорил о своих переживаниях, упрекал, но Кира его перебила:

— Немедленно вышел из моего кабинета.

— Правду слушать неприятно?

— Вон пошёл!

А когда дверь за Кириллом закрылась, опустилась на пол посреди кабинета и по-бабьи, в голос, причитая, разрыдалась.

ГЛАВА 13. УЛЬЯНА

Ульяна сошла на перрон и столкнулась нос к носу с Викой.

— Ты зачем приехала? — ища кого-то глазами, подруга, не здороваясь, бросила Ульяне. — Я же тебе сказала, чтобы в Москве сидела, если надо, я тебя бы вызвала.

— И тебе доброе утро! Во-первых, ты мне не говорила, чтобы я в Москве сидела, а во-вторых, у меня, кроме твоих, ещё свои дела имеются, — Уля оборвала Вику и, довольная собой, подумала, что именно так бы ответила Кира, окажись на Ульянином месте.

— Ладно тебе. Я просто не так сказала. Ты не обижайся, видишь, я вся на нервах. Ты того, поменьше болтай, и, главное, ты всем говори, что мы с Барановым у тебя в Москве в понедельник были.

— А зачем ты наврала про меня? Ведь Матвей сказал следователю, что его твой муж избил. Чего тень на плетень наводить?

— Уль, ты не представляешь, как я тогда испугалась. Думала, что Матвей не выживет, от страха и ляпнула первое, что в голову пришло. Теперь жалею. Но сейчас вроде бы там утрясается — отец Санькин с кем надо договорился. Если тебя спросят, то подтверди, что мы в понедельник с тобой по Москве гуляли, а поздно вечером в Конашов уехали.

Ульяне стало неприятно, что она, пусть и заочно, оказалась втянута в такую грязную историю; хотела сообщить Вике, что обманывать никого не собирается, как в эту минуту её подруга, кого-то увидев, бросила на ходу «Пока!» и устремилась к красивому высокому парню. Уля удивлённо наблюдала, как Вика недвусмысленно прижалась к незнакомцу и как они, обнявшись, пошли вдоль платформы. То, что жизнь ничему подругу не учит, Ульяна поняла ещё в колледже, но осуждения не было, только изумление — «безумие и отвага наш девиз», сама Уля так никогда бы не смогла: и стыдно, и боязно. На память пришло, как на главной площади города целовалась Вика с Матвеем, не опасаясь быть замеченной, не задумываясь о последствиях. Впрочем, последствий для неё и не было, это Ульяна рассталась с женихом, а может, оно было и к лучшему? С этими мыслями прямо с поезда Уля поехала в центральную больницу, где, по словам Вики, лежал Матвей.

Ульяна боялась, что её не пустят к тяжелобольному, но в справочной ей сразу назвали номер палаты, и она без сложностей прошла в хирургическое отделение. Матвей был уже несколько дней назад переведен из реанимации, нос заострился, под глазами круги. Когда Уля пришла, он спал. Рядом с его кроватью сидела круглолицая блондинка и держала спящего за руку.

— Доброе утро! — тихо поздоровалась Ульяна. — Я знакомая Матвея, хотела узнать о его самочувствии. Что врачи говорят?

Блондинка строго посмотрела на Улю, но отпустила руку Матвея, встала и глазами указала на дверь. Девушки вышли в коридор.

— Я Настя, невеста Матвея. А ты кто ему?

Уля чуть было не представилась «бывшая невеста», однако вовремя осеклась:

— Я же сказала, что знакомая. Меня Ульяна зовут. Матвей про меня не рассказывал?

— Не рассказывал.

Ульяна подумала, что зря помчалась в Конашов: такая решительная Настя о Матвее и без посторонней помощи позаботится, видно, что вцепилась в своего жениха бульдожьей хваткой. Вдруг Настя понизила голос и почти шёпотом спросила:

— Ты знаешь, кто его изувечил? — и не дожидаясь ответа продолжила: — Его Александр Баранов убить хотел, а теперь родственники этого Баранова пытаются дело закрыть. Мотя ещё в реанимации лежал, к нему никого не пускали, а они уже с деньгами примчались. А потом следователя подкупили. Теперь получается, что Мотя зачинщик, а этот урод оборонялся. А тут, вообще, какой-то новый пришёл и говорит, что Мотя обознался, а Баранова будто и в Конашове в тот день не было. Представляешь! Но я этого не допущу, я везде напишу, что преступника хотят оправдать. Если ты Барановых знаешь, то передай, что их семейке не удастся своего бугая защитить. Он условкой за нанесение тяжких телесных повреждений не отделается.

— Хорошо, передам, — машинально кивнула Ульяна. Её умилило по-детски ласковое «Мотя», сказанное про Матвея, она так своего бывшего жениха даже мысленно не называла.

— А я сразу догадалась, что тебя Барановы прислали. Думаете, что за Матвея постоять некому? Так вот, знай, мы с Мотей заявление в ЗАГС подали, я ему самый близкий человек и правду доказать смогу. Какие же вы, Барановы, все мерзкие! — с отвращением произнесла Настя.

— Мы с Матвеем тоже прошлой осенью жениться собирались, пока я его с женой Баранова не застукала.

Настя посмотрела на Ульяну, как на умалишенную:

— Не ври!

— Я никогда не вру. Тебе деньги нужны будут. У меня мама в этой больнице не раз лежала, я знаю, как лечиться. Сейчас начнется: на лекарства, на то, на сё... На держи, — Уля достала конверт, переданный ей Кирой. — Это не от Барановых, это от меня и... от очень хорошей женщины.

Ульяна вышла из больницы в странном настроении: она и досадовала на себя (зачем-то помчалась в Конашов, вообразила, что без её участия Матвей не станет на ноги), и была собой довольна (она сделала, что могла, и убедилась, что об её, пусть и бывшим, друге позаботятся). «Теперь надо позвонить тётке Ире, сказать, что приехала», — подумала Уля, и тут же раздался звонок:

— Добрые утро! Как твои дела?

— Тётя Ира, я к тебе через полчаса зайду. Я в Конашове у горбольницы.

— Уля, что-то случилось?

— Ничего не случилось. Приду, расскажу.

— Ну, скорее давай. Я жду.

Только Ульяна нажала отбой, как телефон вновь зазвонил. Понятно, что тётя Ира беспокоится за племянницу, не терпится узнать, почему та вернулась.

— Тётя Ир, я же сказала, что у меня всё в порядке. Вот тридцатый автобус стою жду.

Но из трубки донеслось:

— Костюченко Ульяна Сергеевна?

— Да. Слушаю Вас, — от строгого мужского голоса Уле стало не по себе.

— Вы знакомы с Александром Барановым?

— Знакома. Это муж моей подруги.

— К Вам есть несколько вопросов, поскольку Вы находитесь в другом городе, то я Вам сейчас сброшу образец заявления, чтобы Вы попросили направить отдельное поручение в ОВД по месту Вашего жительства, не забудьте указать Ваш новый адрес. Вас вызовут, и Вы подтвердите, что четвертого июля Баранов с женой гостили у Вас в Москве.

— Я сейчас в Конашове, могу к Вам в полицию прийти. По какому адресу?

— Октябрьская, пятнадцать. Сегодня сможете приехать подтвердить пребывание Баранова?

— Через час смогу, только я не буду подтверждать. Они ко мне не приезжали.

— То есть Вы хотите сказать, что шестого июля их в Москве не было? Подумайте получше, вспомните.

— Я хорошо помню, что в прошлый понедельник было. Сейчас к Вам приеду, и Вы всё запишите.

— Сегодня суббота. Выходной. Я Вам в понедельник позвоню.

— Я в понедельник в Москве буду.

— Всего доброго! Если будет нужно, я Вас вызову, — в трубке пошли короткие гудки.

Ульяна в растерянности шла по улице — вроде бы всё правильно сделала: никого не обманула, против совести не пошла, не стала в подлости участвовать, но на душе было гадко. Вспомнила, как обнималась Вика на перроне с каким-то парнем, как целовалась в машине с Матвеем. Неизвестно ещё, какие картинки Баранов видел, а ведь он жену любит! Ульяна впервые с симпатией подумала о Сане, недалекий, грубый, но он умеет любить. Наверняка родные про Вику ему все уши прожужжали: «С ней пропадешь, гони её», а он всё равно с ней, как может, пытается свою семью сохранить. А с другой стороны, он человека чуть на тот свет не отправил, а сейчас сухим из воды выйдет: отец денег не пожалеет, и Вика про это говорила, и Настя в больнице рассказывала... Ульяна окончательно запуталась — сочувствует она Сане Баранову или осуждает его.

Едва Ульяна переступила порог, Ирина бросилась целовать племянницу:

— Как я соскучилась!

— Тётя Ир, меня две недели не было, а ты меня, как с фронта, встречаешь.

— Пошли на кухню, кормить тебя буду. Я, пока ждала, сырников твоих любимых нажарила.

Ульяна сидела на уютной маленькой кухне, ела сырники со сметаной и отвечала на множественные вопросы. Причину приезда решила не называть, зная, как тётка всполошится, начнет переживать, давать советы, поэтому сказала, что не все вещи забрала, вот и пришлось вернуться за тёплым свитером.

— Да зачем он тебе в такую жару? И деньги на дорогу тратила... Ты бы мне сказала, я придумала бы, как передать.

— Зато вот к тебе пришла, сырников вкусных поела, — улыбнулась Ульяна.

— Хорошо, что ты позвонила, а то я собиралась с Суриными к ним на дачу поехать. Приглашали на клубнику.

— Ну, так поезжай.

— Чего я клубники не ела? У меня от неё аллергия. Дальше рассказывай, почему тебя твоя начальница к себе жить взяла.

— Потому что очень добрая женщина. И мама у неё строгая, но тоже добрая. Они сами из Конашова, земляки.

— Как, ты говорила, её зовут?

— Мать Людмила Михайловна, а она Кира. Кира Зотова.

— Постой, что-то знакомое. Кира Зотова...

Они попили чаю, обсудили перспективу работы в московской школе и секретарство в офисе, когда Ирина вдруг воскликнула:

— Вспомнила! Вспомнила, откуда знаю эту Киру Зотову. Мы тогда со свекровью жили на Заречной в пятиэтажке. Так, эта Кира там жила, с ней какой-то скандал был связан: наркотиками, кажется, торговала, ей негр из сельхозакадемии их возил, она ещё от него ребёнка родила.

— Это не она. У неё детей нет. И тем более, ты говоришь про наркотики, а она очень хорошая, порядочная.

— Ну, не знаю. Может, ошибаюсь, но имя редкое, память зацепила.

— А что с той Кирой стало.

— Не помню уже, наверное, посадили или сбежала. У меня тогда Попов загулял, потом мы с ним разводилась, мне не до чужих бед было, свои разгребала. А красивая девушка была, высокая, стройная. Да, Кира Зотова...

Ульяна слушала и не верила: благородная Кира Зотова, такая честная, правильная, торговала наркотиками, возможно, сидела в тюрьме. Ульяна приехала помочь больному другу, а тут столько информации за одно утро!

Из коридора донеслась музыка Улиного телефона.

— Доброе утро! — приветствовал Михаил. — Не разбудил?

— Доброе утро! Конечно, не разбудил, уже двенадцатый час.

— А я вчера в Дом малютки ездил, тебе привет от Екатерины Петровны.

— Спасибо! Не думала, что она меня помнит.

— Так, я ей про тебя рассказываю, — простодушно признался Миша.

— Вам больше не о чем поговорить?

Ирина ушла из кухни, чтобы не мешать разговору племянницы, но, как только Ульяна выключила телефон, тут же вернулась:

— Это что за Миша?

— Один хороший человек.

— У тебя все хорошие, даже Матвей твой. Не объявлялся?

— Он в центральной больнице лежит. Избили.

— Из-за девок, небось, пострадал.

— Из-за них, — кивнула Ульяна. Ей стало легко после разговора с Мишей. Они договорились, что вечером встретятся, и она сможет с ним всё обсудить: и избиение Матвея, и разговор с полицейским, и странную историю Киры Зотовой.

ГЛАВА 14. КИРА

Кира не поехала смотреть, как идёт подготовка к торжеству дома Андрея Юрьевича Федулова — достаточно было вчера, насмотрелась на его сына. Марина, заметив особенное внимание начальницы к этому заказу, каждые двадцать минут присылала подробные фотоотчеты о декоре столов, оформлении зала, дверных проемов. Кира, не глядя на фото, отвечала: «Ок».

— Ты чего такая смурная? — Людмила Михайловна заметила несвойственную дочери задумчивость.

— Работа замучила.

— Значит, поменьше работать надо. Всех денег не заработаешь, — проворчала мать.

Кира кивнула, но обсуждать с матерью тему заработка не стала, допила кофе и ушла в спальню. Мысли вращались вокруг вчерашней встречи. Почти двадцать лет прошло, а вчера увидела Кирилла, и словно не расставались, обида, непонимание — всё осталось далеко в прошлом, а светло-карие глаза неожиданно заставили биться сердце, как двадцать лет назад. Никогда Кира не теряла самообладание рядом с мужчиной, сама себя всегда считала сдержанной, даже холодной, неспособной на безрассудные поступки и безудержную страсть. А вчера кинулась в объятия человека, оттолкнувшего её много лет назад, и вновь, как тогда, на неё вылился ушат обвинений. Чуть несусветную девятнадцать лет назад нёс Кирилл, выпроваживая Киру из Москвы. Тогда она решила, что он просто не знал, как от неё отделаться и говорил, сам не понимая, что несёт, первое, что приходило на ум. Но вот сколько времени прошло, а Кирилл всё вспоминает про каких-то негров, словно и вправду было что-то, о чём Кире неизвестно.

Пришло сообщение от Марины: «Работа завершена. Заказчики в восторге» и десяток фото — розы, орхидеи, гортензии, лилии украшают столы, мебель, колонны и люстры. Кира ответила: «Молодцы!», заметив, что пальцы дрожат. Девятнадцать лет она запрещала себе думать о Кирилле, девятнадцать лет выходила из этой истории, и вдруг вновь в неё попала. Зачем судьба вернула её в Конашов, в дом к Федуловым, зачем привела к ней рыжеволосую девочку с глазами Кирилла, а потом и его самого?

«Хватит об этом думать, — отдала себе приказ Кира. — Ничего не произошло. Взрослая женщина встретила свою первую любовь, нахлынули воспоминания, вот и растаяла вчера... Всё! Забыла!».

Надо возвращаться в обычную жизнь. Сообщение от Ульяны пришло: написала, что доехала отлично, за её больным приятелем ухаживает невеста, завтра вернётся в Москву. Кира вздохнула: вот с кого надо пример брать — девочка домашняя, вежливая, тихая, а какой характер! Сказала себе, что жених её обидел, значит, с ним не по пути, развернулась и дальше по жизни, не оглядываясь, пошла. Наверняка, не одну ночь проплакала, а вот приняла решение и с дороги не сворачивает. Кире нравилось думать об Ульяне, с людьми Кира сходилась тяжело, а вот эта рыжая девочка как-то сразу на сердце легла.

К Георгию не поехать, он сегодня отмечает в ресторане с деловыми партнёрами свой День рождения. Отношения с Георгием, в меру дистанцированные, Киру вполне устраивали, ей казалось, что она по натуре волк-одиночка, что, обжегшись раз, никакому мужчине не позволит влезть в душу. Но впервые подумала: а с Кириллом она хотела бы вот таких полуделовых отношений, близости по расписанию? И ясно поняла, что нет, ей Кирилл

нужен был бы в полном объёме. «Опять про него вспомнила. Прекращай о нём думать!» — отдала себе очередной приказ Кира, но сознание её распоряжением подчиниться не хотело.

Кира попробовала читать, но смысл прочитанного ускользал. Включила телевизор, но сосредоточиться на экране не удалось. Села за компьютер и стала разбирать документы компании, но мысли, игнорируя содержание файлов, настойчиво возвращались к вчерашнему вечеру. Проведя полдня в состоянии «душевного раздрая», Кира взяла мобильный и нажала на нужный номер:

— Лёха, привет! Чем занимаешься?

— Кирка, чего у тебя стряслось?

— Ничего не стряслось. Я просто так звоню.

— Не заливай. Просто так ты картинку на Новый год присылаешь. Я дома, обои клею.

— А у тебя что случилось, что ремонтом занялся? Снова влюблён и женишься?

— Сохранилась в тебе романтика, несмотря на возраст.

— Сам ты возрастной!

— Хватит трепаться. Приезжай, поможешь.

— А рабочих пригласить не судьба?

— Хочешь сделать хорошо — сделай сам. Шляпу не забудь надеть. Я, когда тебя в шляпе вижу, будто в Букингемский дворец попадаю.

— Да пошёл ты! В платочке приеду.

— Даже не думай, я тебя не узнаю и дверь не открою.

Кира чувствовала, как напряжение спадает. Конечно, она сейчас поедет к Лёхе в Мерзляковский переулок и сможет выговорится так, как не могла раскрыться ни одному психологу.

В старой квартире царил беспорядок — Кира наткнулась о какие-то ящики, боком протиснулась в комнату Лёхи. За прошедшие годы квартира несколько раз сменила хозяев. Алексей женился на хорошенькой южанке, учившейся в университете управления. «Лёха, она будет управлять тобой по науке», — хихикнула тогда Кира, узнав о предстоящей женитьбе, но её бывший сосед только пожал плечами. Молодая жена как-то очень быстро заняла у родственников нужную сумму и выкупила комнату у соседней-алкашей, ту самую, которую когда-то снимала Кира. А после смерти Екатерины Павловны и её комната перешла к молодой семье. Но через пять лет семья распалась, лицевые счета были разделены, и Лёха вновь оказался в коммуналке с соседями, поскольку полученную в результате развода комнату бывшая супруга стала сдавать. Вторую комнату Лёха потерял во втором браке, и она тоже сдавалась уже второй женой. Были у Алексея ещё попытки найти подругу жизни, но и они завершались неудачами.

— Квартиранты где ваши?

— Одни в отпуск уехали, другие где-то гуляют.

— Лёшенька, я тебя умоляю: только больше не расписывайся и, главное, никого не прописывай! — Кира критически осматривала ободренные стены.

— Кир, ну, чего ты, в самом деле, просто решил порядок навести.

— Своим можно не врать?

— Ну, да. Познакомился с одной, хотим вместе пожить. Но это так, пока проект.

— Лёх, ты можешь найти себе бабу с квартирой?

— Есть у неё квартира, только там её бывший муж живёт.

И вот Кира с Лёхой сидят в его обшарпанной комнате, едят купленную Киной по дороге

копчёную курицу и разговаривают — просто разговаривают, но Кира чувствует, как к ней возвращается душевное равновесие.

— Слушай, если твой Кирилл так неожиданно отреагировал, значит, небезразлично ему. Больно мужик ударился, раз до сих пор болит. Видать, обида не отпускает, серьёзно ты его, Кирка, чем-то тогда обидела, — Лёха серьёзно посмотрел на Киру. — Ты над моими словами подумай, а я пока вниз за бутылкой сбегаяю.

— Лёш, я вина не хочу, ты мне минералки возьми.

— А про вино речи не было. Пить будем исключительно водку.

— Пей чего хочешь, а мне минералки купи. Тем более, я за рулем.

— На такси уедешь.

За Лёхой захлопнулась входная дверь, а Кира серьёзно задумалась: может, бывший сосед и прав — она не случайно встреченная бывшая, если до сих пор вызывает шквал эмоций. Похоже они оба нанесли друг другу незаживающие раны. Надо спокойно было вчера обсудить с Киром прошлое, а не гордо обходить его молчанием.

Заиграл Вальс цветов Чайковского — звонок с работы.

— Всё идёт идеально. Заказчик доволен. С нами договорились, что пригласят свадьбу оформлять. Через месяц в загородном ресторане, отличный вариант! — радостно рапортовала Марина.

— Чью свадьбу?

— Тут сын или внук у них женится. Хорошенький мальчик такой, щекастый, сам ко мне с матерью сейчас подходил.

«У Златы старший женится», — поняла Кира, а вслух сказала:

— Когда помещение под оформление посмотрим и финансовую смету составим, тогда и решим отличный это вариант или так себе. Вечером позвони, когда всё закончите, если не очень поздно будет.

— Да я думаю, не поздно. Тут уже сворачиваются потихоньку.

— Так рано? — удивилась Кира.

— У них проблема: хозяйский сын разбился.

— Кирилл?

— Кажется, да.

— Как разбился? Когда?

— Только что. Говорят, он с отцом поссорился и уехал. А на шоссе разбился.

— Он живой? — голос Киры срывался.

— Наверное. Никто не говорит, что насмерть, — Марина была озадачена волнением начальницы.

Вернулся Лёха и застал Киру растерянной, притихшей.

— Кирилл попал в аварию.

— И что?

— Не знаю. Но я за него испугалась.

— Я думал, что ты уже давно на эмоциональных качелях накачалась. Давай успокаивайся. Такие, как твой Кирилл не помирают.

— Почему ты так решил?

— Потому что у них есть деньги на дорогую медицину. Ладно, давай за его здоровье.

Когда поздно ночью Кира, шатаясь, буквально ввалилась в квартиру, Людмила Михайловна только руками всплеснула:

— Батюшки-святые! Первый раз тебя такую вижу. Это что же такое!

— Кирилл попал в аварию, в Склифосовского на Сухаревке в тяжёлом состоянии лежит, — пьяно всхлипнула Кира.

— Ну, с ним понятно. А с тобой чего?

— А я его люблю.

ГЛАВА 15. КИРА

Утром следующего дня Кира с трудом поднялась, но решительно скомандовала себе принять душ и поехать за машиной, оставленной в Мерзляковском переулке. Несмотря на выходной день, поезд метро был полон, Кира протиснулась в глубь вагона и, держась за поручень, попыталась вспомнить детали субботнего дня, как обзванивала больницы в поисках Кирилла и едва не сорвалась поехать к нему, спасибо — Лёха удержал. Вагон слегка покачивало, хотелось пить, и не давал покоя вопрос, что случилось на Дне рождения Федулова, почему поссорился Кирилл с отцом. И сколько бы ни говорила себе Кира, что дела этой семьи её никак не касаются, но мысли, словно стрелки компаса, настойчиво поворачивали в сторону вчерашних событий. Кира нахмурилась: прямо какое-то раздвоение личности у неё началось, словно две женщины спорили между собой — первая, строгая и требовательная, не позволяющая чувствам выйти из-под контроля, и вторая, эмоциональная и порывистая. Кира девятнадцать лет держала себя в руках, избегала слишком эмоциональных отношений, остерегаясь вновь быть травмированной ими, а вот сегодня почему-то многолетняя привычка не поддаваться чувствам ослабла.

На выходе из метро телефон заиграл болеро Равеля — Георгий. Кира обрадовалась: сейчас спокойный голос любовника вернёт её в реальность.

— Кирюш, тебя плохо слышно. Ты где?

— Я в метро, сейчас выйду и перезвоню.

— А с машиной что?

— Вот еду забирать.

Но перезванивать не хотелось. Вспомнила, что отношения её с Георгием начались на зло Кириллу — надеялась обиженная девчонка однажды встретит Кира на улице и гордо пройти мимо под руку с Георгием. Потом мечта эта потускнела, а Георгий остался, умный, сильный, имеющий деньги и связи, но нелюбимый.

Белая ауди ждала её у Лёхиного подъезда. Кира села за руль и откинулась на спинку кресла. Надо ехать в сторону Кутузовского, там свернуть под мост и через полчаса она будет у себя в офисе. Маршрут понятен, машина тронулась с места, но на Садовом неожиданно развернулась и поехала в сторону Сухаревки.

«Я только узнаю, что с ним, и поеду дальше», — сказала себе Кира, подъезжая к институту Склифосовского. Ей представлялось, что к Кириллу, как в кино, пускают на короткое время только близких родственников, переговоривших предварительно с лечащим врачом и строго предупреждённых не волновать больного, и ещё воображение рисовало посетителей обязательно в белых халатах. Но всё оказалось иначе. Без всякого белого халата и прочих больничных атрибутов Киру отправили в отделение.

— Я только о состоянии здоровья узнать, — словно оправдывалась Кира перед окошком справочной.

— Состояние средней тяжести. Вот идите в корпус и навестите, всё равно же приехали.

И Кира пошла «навещать», себе она сказала, что только посмотрит в каком Кирилл состоянии, может, ему что-то надо, а если кто-то будет у него, то она в палату не зайдёт; в конце концов, прийти к больному — долг здорового человека. «Что я сама себя обманываю? Я просто хочу его видеть. Зачем? Да какая разница зачем. Лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть», — с этими мыслями Кира постучалась в палату, подождала ответа и

приоткрыла дверь.

Кирилл лежал в наушниках, слушал музыку. Глаза полуприкрыты, грудь забинтована, рука в гипсе. Почувствовав на себе взгляд, мужчина обернулся:

— Кира!

— Как себя чувствуешь?

— Отлично. Ты как узнала, что я здесь?

— Очень просто. Через справочную.

— Ну, ты даёшь!

Кира смотрела на Кирилла, и не хотелось никаких серьёзных разговоров, никаких выяснялок.

— Тебе что-нибудь принести? Чего хочется?

— Я скажу, но прозвучит неприлично, да и не получится в моем положении, — ореховые глаза смеются.

Кира села на стул рядом с кроватью, внимательно слушала, что родные хотят его перевезти в другую клинику, но его и здесь всё устраивает. Ему вчера оплатили и двухместный бокс, сосед ушёл на процедуры, и сиделку нашли, сейчас приедет...

— А жена к тебе в котором часу придёт? — Кира не хотела сталкиваться с Лорой: очень уж по-киношному — жена и любовница у постели больного.

— Ей не до нашей суеты, она сейчас на Тибете дух укрепляет.

— А как тебя угораздило в аварию попасть?

— Вот угораздило. Кир, чего ты всё спрашиваешь и спрашиваешь. Расскажи лучше, как тебя угораздило ко мне в больницу попасть.

— Я же сказала, что в справочной узнала.

— А сам факт, что я в больнице, откуда стал известен?

— Девочки мои оформляли юбилей Андрея Юрьевича, они и рассказали, что сын юбиляра в аварию попал.

Вернулся сосед, зашёл дежурный врач, медсестра поставила капельницу... Кира всё время порывалась уйти, но всё задерживалась. Про последнюю встречу не было сказано ни слова, будто её и не было.

— Кира, ты меня, покалеченного, не бросай, — сказано с иронией, а глаза смотрят ласково, нежно.

— Я завтра вечером заскочу. Чего тебе привезти?

Кира возвращалась из больницы, улыбаясь. Хорошо, что поехала, обида на Кирилла прошла, и, главное, прошла обида на себя. Заиграло Болеро Равеля:

— Кирюша, не могла бы ты сегодня подъехать. Нужно поговорить.

Это было что-то новое — Георгий никогда не предлагал встретиться в воскресенье. Выходные дни они оставляли для личного пространства.

— Хорошо. В котором часу?

— Как сможешь. Я тебя буду в нашем ресторане на Новокузнецкой буду ждать.

— Через час буду.

Сейчас заедет к Георгию, выяснит, что у него стряслось, что за спешка, а потом поедет домой и будет вспоминать свой визит в больницу. Вспоминать медленно, смакуя каждое слово, сказанное Кириллом, свои слова... Кирилл поссорился с отцом, уехал с юбилея, попал в аварию. Почему поругался, толком не рассказал, но Кира догадалась, что речь шла о мечте Кирилла — о конезаводе на Алтае.

Георгий ждал Киру за столиком в углу зала. Ему нравились ниши, закрытые кабинеты, столы в самых дальних углах.

— Садись, я заказал твою любимую утку на можжевельнике.

Кира внимательно наблюдала за Георгием: всё как всегда, спокойный, красивый, подчёркнуто вежливый.

— Ты мне так и не рассказала, почему оставила машину в Мерзляковском.

— К Лёхе поболтать ездила.

— Что к своему соседу, я догадался. А машину зачем там бросила. Это на тебя не похоже.

— Напилась, и за руль, естественно, не села.

— Напилась или выпила?

— Напилась, — Кира широко улыбнулась.

— Ну, Кирюша, это не твой стиль. Что-то произошло?

Кира хотела рассказать, что встретила главную и единственную любовь своей жизни, который её унизил двадцать лет назад, и позавчера унизил, оскорбил. А сегодня она была у него в больнице, и то, что в любовных романах называют химией, опять возникло между ними. Не только в ней закипело, она не только видела и слышала Кирилла, она почувствовала его, почувствовала, что та же химия закипела в нем. Но ничего этого она, конечно, Георгию не сказала.

— Всё в порядке. У тебя что случилось?

— Да ничего особенного. Хочу с тобой небольшое дельце обсудить.

Георгий и раньше привлекал Киру к своему бизнесу, и она не задумываясь шла ему навстречу, поэтому просьба не удивила.

— Вчера с одним человечком поговорил, очень нужно его выручить — некоторую денежку помочь обналичить. Небольшую сумму через свою «Симфонию» проведи.

— Небольшую — это сколько?

— Да, там ерунда. Миллионов десятков-другой.

— Однако! Я тут посмотрела, ты мне уже искусственно налоговую нагрузку завысил, когда в прошлый раз свои дела через меня решал.

— Ты не думай, это честные деньги. Я же тебя не могу подставить. Поверь, вопросов не возникнет ни у банка, ни у контролирующих органов.

— Георгий, я тебе всегда карт-бланш давала, но не хочу, чтобы в мой бизнес вводились незаконные деньги.

— Кирюш, ты с ума сошла! Видно, вчера ты с Лёхой перепила, что такое говоришь. Никогда раньше таких мыслей у тебя не было, во всяком случае, тебя это устраивало.

Кира подумала, что такие мысли, конечно, к ней закрадывались, но она их гнала. А сегодня гнать не будет.

— Я теперь не устраивает.

— Хорошо. Какой ты хочешь процент?

— Я вообще не хочу, чтобы через «Цветочную симфонию» шёл отмыв денег.

— Кира, что с тобой сегодня?

— Не знаю, но, кажется, у меня начинается новая жизнь.

ГЛАВА 16. УЛЬЯНА

Ульяна вернулась в Москву рано утром и сразу с вокзала поехала на работу. Офис «Цветочной симфонии» был ещё закрыт, девушка села на лавочку во дворе и стала наблюдать за пробуждением дома. Вот молодая женщина ведёт ребенка, она торопиться, сердится на малыша, которому явно не хочется в детский сад; молодая пара вышла из подъезда, сразу видно, что влюблённые, долго целуются, расходятся в разные стороны, оглядываются, улыбаясь, машут друг другу — Ульяна тоже заулыбалась, глядя на них. А вот во двор въехал автомобиль Киры. Уля обрадовалась и удивилась: чего так рано? И внешний вид Киры показался Ульяне необычным: всегда одетая в строгий деловой костюм, в то утро Кира была в открытом, практически вечернем платье, и даже надетый сверху двубортный пиджак не мог придать ей привычной строгости.

Кира тоже заметила девушку:

— Ты прямо с поезда?

— Да, с пензенского.

Кира кивнула (Ульяна не поняла: ей кивнула или своим мыслям), и они пошли в офис. Девушка рассматривала начальницу — какая-то она была в то утро «особенная»: расспрашивала Ульяну о дороге, задавала вопросы о самочувствии Матвея, но при этом улыбалась своим, ей одной известным мечтам.

— Ты позавтракай, — Кира достала из холодильника сыр, йогурт. — Или в кафе сходишь? Тут на углу кафетерий, кажется, уже открылся.

— Спасибо! Я сыта. Мне тётя пирожков в дорогу нажарила, — Уля вытащила из сумки пакет и протянула Кире. — Угощайтесь!

По кабинету разливался запах свежесваренного кофе, в окно заглядывала ветка яблони с мелкими зелёными плодами, солнечные лучи весело играли на блестящей поверхности стола, Кира задумчиво улыбалась своим мыслям, и Ульяна почувствовала, как на душе становится светло, все переживания последних дней отступили, показались незначительными.

— Ты у родственницы останавливалась? — по-прежнему думая о чём-то своём, поинтересовалась Кира.

— Да, я Вам про неё рассказывала, это мамина младшая сестра. Она Вас помнит. Они с мужем на Заречной жили, когда Вы, — Ульяна запнулась, — когда Вы там жили.

— Это ты с Людмилой Михайловной обсуди, она бытоописатель Заречной. Я мало кого помню, только самых близких.

Было видно, что Кире неинтересна эта тема, но Ульяна любила во всём ясность, и понимая всю бестактность вопроса, она всё-таки спросила то, что не давала ей покоя;

— Тётя Ира сказала, что, когда она там жила, Вы ходили беременная. Это она про Вас говорила или с кем-то спутала? — про связь с негром из сельхозакадемии, привозившим наркотики, Ульяна спрашивать постеснялась.

— Про меня, — безразлично ответила Кира. — Видимо, в Конашове совсем ничего не происходит, если почти двадцать лет прошло, а там мою беременность вспоминают.

— А где Ваш ребёнок?

— Умер. Я родила мертвого ребёнка.

— Извините, — Ульяна уже не могла остановиться. — А я уже испугалась, что Вы от

него отказались.

— Чего ты испугалась?

— Что Вы такая, такая хорошая, и от ребёнка отказались.

Кира удивленно посмотрела на Ульяну, а та сбивчиво принялась рассказывать то, что мучило её последние месяцы:

— Вот от меня отказались. Я никому это не рассказываю, потому что подумают, что я дефективная родилась, раз меня сдали, многие считают, что нормальных детей не отдают. А на самом деле я просто была матери не нужна. Я найти её хотела, а мне заведующая в Доме малютки так и сказала: «Если, той бабе ты, малютка новорождённая, девятнадцать лет назад не нужна была, теперь ты и подавно нужна не будешь». А я всё равно хотела бы её найти и поблагодарить, потому что меня самые лучшие люди на свете удочерили. Они меня очень любили, а я их и сейчас люблю. Хотя, может, с моей биологической матерью несчастье какое-то произошло, может быть, её и в живых давно нет.

Ульяна встретила безучастный взгляд Киры и смешалась:

— Вы извините, что я Вам это всё рассказываю.

— Ничего страшного. Надо тебе было выговориться, вот и выговорилась, — Кира доброжелательно улыбнулась и включила компьютер. — А мне работать надо. Я специально пораньше приехала.

Ульяна вышла из кабинета начальницы в приёмную, ругая себя: зачем надо было устаивать этот душевный стриптиз? Вон как холодно смотрела на неё Кира, когда слушала про тайну её рождения. Теперь и Кира будет думать, что Уля дефективная, раз её в детдом сдали. И зачем вообще стала передавать рассказ тёти Иры? Хорошо, что хоть про наркотики не спросила, а могла бы ляпнуть... Ульяна даже не могла представить, какую бурю эмоций подняло в душе внешне спокойной Киры воспоминание о так печально закончившейся беременности, воспоминание, которое она себе запретила, даже думая о Кирилле (а она о нём второй день беспрерывно думала).

Между тем офис стал оживать. Пришла Марина с ворохом документов, зашёл «на минутку» в кабинет руководства и долго о чём-то спорил Тимур. Никита с загадочным видом извлёк из пакета розу на длинном стебле и протянул Уле: «Единственная и прекрасная, как ты!». К подкатам Никиты Ульяна относилась спокойно: что поделать, если у человека стиль поведения такой — «дамский угодник», зато, если какие-то вопросы по работе офиса у девушки возникали, к Никите всегда можно обратиться, зная, что он толково, по делу всё разъяснит. После обеда Кира уехала, обычно она сообщала куда и насколько покидает офис, но в этот раз ничего не сказала, и ещё, Ульяна обратила внимание, на начальнице было обтягивающее открытое платье, словно не деловая встреча намечалась, а романтический ужин, впрочем, какой ужин в четыре часа? У Киры явно что-то происходило.

Вечером дома (Ульяна удивилась себе: роскошную квартиру начальницы стала называть своим домом) всё понемногу стало выясняться. Людмила Михайловна подробно расспросила Ульяну о поездке, сочувственно выслушала историю с избиением Матвея, а когда вернулась Кира с порога обрушилась на дочь с упрёками:

— Ты на себя посмотри: то пьяная ввалилась, сегодня как проститутка вырядилась. Как с Федуловым встретишься, так свихнулась. Это ты на свидание с ним ездила с таким разрезом? — мать возмущенно указывала на наряд дочери.

— Мам, давай не будем портить друг другу настроение и обсуждать мой внешний вид, — Кира равнодушно посмотрела на себя в зеркало.

— Это тебе мать настроение портит! — не унималась Людмила Михайловна. — Как тебе Кирилка твой настроение попортил, никто не сумеет. А ты опять с ним связалась! Дура, как есть дура! Если он тут появится, я ему всё вспомню: и про наркотики, и про весь остальной позор!

— Успокойся, он здесь не появится. Он в больнице после аварии.

— Это его наказал Господь, и не так ещё накажет! — торжественно объявила Людмила Михайловна и вернулась на кухню.

Ульяна слушала перепалку матери с дочерью, вспоминала рассказ тёти Иры, и пазлы событий из жизни Киры Зотовой стали постепенно складываться.

ГЛАВА 17. КИРА

Кира была полностью согласна с матерью, заявившей, что она «дура, как есть дура», но ничего поделать с собой не могла. Столько лет сдавливаемая пружина эмоций, резко распрямилась. Было забыто обещание, данное себе, — никогда не входить в отношения настолько близко, что потом оказаться ими травмированной.

Во всех ситуациях Кира не позволяла себе поступать «не по правилам», мнение окружающих для неё имело весомое значение. Но в то утро ей вспомнилось шекспировское «Уж лучше грешным быть, чем слыть» — захотела увидеть Кирилла, значит, поедет и увидит. Кира подумала, что в школе она старательно училась, в «Цветочном острове» усердно работала, никогда не участвовала в сомнительных сборищах, имела, казалось, безупречную репутацию, но именно к ней прилипла сплетня, и за её спиной в родном городе шушукались о каких-то тёмных историях, якобы с ней связанных. В институте Кира училась не ради диплома — она, начав своё дело, ощущала необходимость получения экономических знаний, училась на заочном отделении добросовестно, как и всё, что делала. Одногоруппницы называли её «мисс Правильность», зная, что у неё всегда вовремя выполнены все работы, есть ответы на все задания. Однако, видя, как её порой у института встречает Георгий — импозантный мужчина на дорогой машине, — перешёптывались: «Вот почему у неё красный диплом».

Впервые в сознательной жизни Кире захотелось поступать, как ей хочется, не оглядываясь на чужие доводы, какими бы правильными они ни были. Достала из шкафа нарядное шёлковое платье, откровенное, эффектное. Одевала его один раз в ресторан на День рождения Георгия, платье это было того же цвета, как купленное ей Кириллом по приезду в Москву. То, двадцать лет назад купленное платье тоже было с глубоким вырезом, так же струился бежевый шёлк. Может быть, увидев её в этом бежево-шёлковом великолепии, Кирилл вспомнит, как очень давно они зашли в дорогой магазин, где и висел тот наряд. Она убеждала, что не стоит тратить столько денег, ведь через пару месяцев она уже не сможет такое платье надеть: беременность проявится по полной. Но Кирилл только целовал её и смеялся: «Да хоть один раз наденешь, уже не зря деньги потрачены. Покупаем — ты в нём самая красивая!», и тут же добавлял: «Ты в любом наряде самая красивая».

Собираясь на работу, Кира всегда старалась подчеркнуть одеждой свой деловой статус, никогда прежде не позволила бы себе отправиться в офис в таком соблазнительном наряде, но сейчас это было не важно, мысли были лишь о том, как она придёт к Кириллу в платье, напоминающем об их прежних отношениях. Досидеть до вечера в офисе Кира не смогла и после обеда сорвалась к Кириллу в больницу.

Поздно вечером позвонил Георгий:

— Кирюша, как насчёт высокого искусства? В среду идём в Большой слушать «Царскую невесту».

Среда была днём их встреч. После оперы она должна будет поехать к Георгию, чтобы, совершив в постели привычные действия, остаться у него до утра. Билеты в Большой театр — это неожиданная прелюдия для их встреч, обычно был ужин в ресторане. Кира хмыльнулась: такое приглашение, вероятно, говорит, что речь опять зайдёт о том, как «одного человечка выручить — некоторую денежку помочь обналичить».

— Георгий, извини, но в среду я занята.

— Жаль, очень жаль.

Кира замешкалась: наверное, надо не по телефону объявить Георгию о своем решении прекратить их встречи.

— Можешь завтра мне полчаса уделить?

— Полчаса, Кирюш, могу. Подъезжай ко мне на Сретенку вечером, часам в семи.

Назавтра в семь часов Кира собиралась сидеть в палате рядом с Кириллом, однако откладывать важный разговор не хотелось. Она объяснит Георгию, что благодарна ему за помощь, за многолетнюю поддержку, но физической близости между ними больше не будет. Кира не знала, как сложится и сложится ли вообще у неё что-то с Кириллом, да это было и неважно, она только ощущала, что в её жизни наконец-то происходит настоящее, потому не хотелось допускать никакой фальши.

Во вторник вечером Кира подъехала, как и договаривалась, на работу к Георгию. На вахте ей был оставлен пропуск, она поднялась по широкой мраморной лестнице. Секретарь уже ушла, в приёмной царил полумрак. Заглянула за дверь: Георгий разбирал какие-то бумаги, поднял голову, кивнул, мол, проходи. Деловая обстановка кабинета, Георгий, строгий, сосредоточенный, как нельзя лучше подходили для задуманного Кирой серьёзного разговора. Она, насколько могла спокойно, объяснила, что не считает нужным обманывать себя и Георгия, если никакой любви нет. Конечно, она сохранит уважение к нему, он навсегда будет для неё лучшим другом, но связь их должна завершиться.

— Значит, как школьники: давай останемся друзьями, — Георгий усмехнулся, потом резко встал, схватил Киру и повалил её спиной на широкую массивную столешницу. — Дружбы захотела. А я тебя хочу. Здесь. Сейчас.

— Ты с ума сошёл, — Кира попыталась вырваться.

Георгий, не говоря ни слова, рванул блузку на груди, принялся неистово целовать шею, грудь, сильные руки елозили по ногам женщины, пытаясь задрать юбку. Кира зажмурилась: не может же этот кошмар происходить с ней на самом деле. Она почувствовала необъяснимое физическое отвращение к мужчине, каждый сантиметр тела которого был ей знаком. Навалившийся на неё грузный мужчина мешал дышать, его рука больно сжала внутреннюю поверхность бедра. Боль, отчаяние и злоба смешались, Кира хотела укусь Георгия, но он зажал ей рот, дубовый массивный стол закрипел в такт его движениям. В этот момент хлопнула дверь в приёмной:

— Есть кто? Чего свет горит? — охранник проверял помещение.

Георгий на секунду ослабил хватку, Кира вывернулась, отскочила к двери, распахнула её.

— Извините! — охранник попятился, увидев в дверном проёме растрёпанную женщину в расстёгнутой на груди блузке и Георгия Ивановича в спущенных штанах.

Кира вылетела из кабинета и, уже сбегая на лестнице, вспомнила, что сумка с ключом от машины осталась наверху. Такси не вызвать, мобильник тоже остался в сумке, но возвращаться она не будет. Точка в их долгой связи поставлена, не так благородно, как хотелось, но поставлена.

Людмила Михайловна распахнула дверь:

— Батюшки святы! Это чего с тобой?

— Мама, дай тысячу, мне водителю отдать, — за спиной у Киры стоял небритый мужик.

— Ты в аварию, что ли, попала? — всполошилась Людмила Михайловна.

— Мам, денег дай. Видишь, человек ждёт.

— Что ни день, то сюрпризы, — ворчала Людмила Михайловна, доставая кошелек. Кира молча прошла мимо матери в свою комнату:

— Ужинать не хочу. Спасибо! — ответила на ещё не заданный вопрос. — Я всё тебе расскажу, но позже.

Утром происшедшее с ней накануне показалось Кире не имеющим больше никакого значения — она рассталась с Георгием, некрасиво рассталась, но не она была инициатором такого расставания. Зато вечером она увидит Кирилла, они будут говорить обо всём, что было с ними за эти годы. И завтра увидит, и послезавтра...

Всю неделю Кира пребывала в состоянии эйфории. Как двадцать лет назад она жила ожиданием встреч с Кириллом. Каждый день, не в силах дождаться конца рабочего дня, она ехала в больницу, чтобы просто увидеть Кира. Они подолгу разговаривали. Сиделка деликатно выходила в коридор, сосед по палате, отличавшийся большой общительностью, постоянно бродил по отделению в поисках собеседников. Кире казалось, что она теперь знает про Кирилла всё: как он жил все эти годы, как начался его разлад с семьёй отца, как появилась мечта о конезаводе на Алтае.

Однажды в разговоре Кирилл упомянул, что был страшно уязвлен, узнав от Елены об измене Кире:

— Пожалуй, это было самое страшное разочарование в моей жизни. Если бы ты сама призналась, я бы простил, ни минуты не задумываясь, простил, будто и не было ничего. Убило, что ты лгала; искренно смотрела в глаза и лгала. Я тогда не знал, можно ли кому-то верить, если даже моя Кира оказалась расчетливой лгуньей.

— Самое странное в этой истории, что я тебе действительно не изменяла. Я не понимаю, откуда эта история про наркотики и чернокожего ребёнка.

— Я сейчас вдруг подумал, что Елена могла и присочинить. Ребёнок мертв, проверить нельзя. С врачами договорилась за хорошие деньги, чтобы помалкивали, как на самом деле было...

— Но зачем ей это было нужно?

— Ей надо было, чтобы я с Лорой жил. Лора рожать не могла и не хотела, а отец тогда родными внуками бредил. У Елены панический страх был, что появятся у меня дети и отец им всё оставит. А Златка с детьми окажется в стороне.

— Но это же подлость!

— Елена ради дочери и не на то способна. У Златки с мозгами напряжёнка, зато мать за двоих мозговита. Могу много порассказать, да неохота в этой грязи копать.

— А в Конашове зачем эту сплетню раззвонила? — не могла успокоиться Кира.

— Фиг её знает. Видимо, так надо было. Во всяком случае, Елена сделала как нужно: семейка Семиных всё отжала, что можно было. Они сейчас практически единственные наследники.

— А ты?

— А у меня кости срастутся, и я на Алтай коней разводить поеду.

Утро понедельника потрясло офис бронебойным снарядам, пущенным по репутации фирмы. В соцсетях появились негативные отзывы о работе «Цветочной симфонии» — увядшие цветы, неадекватные цены, хамство сотрудников... И это был не один случайный отзыв, о низком качестве товаров и услуг стали писать сотни людей.

— Это выдуманные страшилки, — возмущалась Марина. — Впрочем, кто нас знает, в это не поверит.

— А кто не знает, тот поверит и к нам уже не обратится, — печально продолжил Тимур.

Кира равнодушно слушала встревоженных сотрудников и их догадки, кто из конкурентов устроил эту мерзость. Намного больше порочащей информации в интернет-пространстве Киру тревожило, что налоговая инспекция возбудила внеплановую проверку на основе полученного заявления о возможных нарушениях. То, что это отреагировал Георгий, она не сомневалась (как жестко он разделялся с неугодными, ей было известно), и что это пока только начало, она тоже ясно осознавала. Сейчас за малую денежку множеством людей будут написаны жалобы во всевозможные инстанции. Госорганы отреагируют на жалобы возмущенных граждан, и начнутся бесконечные проверки. Неважно, найдутся или нет подтверждения претензиям, в любом случае, на какое-то время работа «Цветочной симфонии» будет парализована.

Всю неделю фирму мучили заказы цветов с оплатой в момент доставки на вымышленные адреса. Пару дней из-за телефонного флуда горячая линия фирмы была полностью заблокирована, и клиенты не могли дозвониться. Проверяющие органы изъяли всю бухгалтерскую документацию... Кира понимала: надо срочно звонить Георгию, просить, чтобы перестал кошмарить, но не звонила. Вместо этого она поехала на очередные выяснения в налоговую, ей ещё хотелось в тот вечер попасть в больницу, она обещала Кириллу привезти маринованных маслят (он вспомнил эти любимые в Конашове грибы, которыми его угощала Людмила Михайловна). Банку маслят Кира взяла у матери, но в больницу явно не успевала. Разумеется, ничего бы не произошло, если грибы Кирилл получил бы на день позже, но Кире захотелось, чтобы гостинец был отправлен вовремя, и она поручила Ульяне поехать в больницу.

На следующий вечер Кира с радостно комментировала, как Кирилл, опираясь на костыли, ходит по палате. Про свои неприятности она не рассказывала, не хотелось о них говорить, но Кирилл заметил её состояние:

— Ты какая-то подавленная. Чего случилось?

— Ничего особенного, пустяки. На работе вечные проблемы. Это текущее состояние.

— А вчера девочка твоя приходила, так она имела весьма озабоченный вид. Сказала, что у фирмы какие-то серьёзные неприятности.

— Это секретарша моя, молоденькая и глупенькая, работает недавно, ещё толком ни в чём не разобралась. Вот и несёт неизвестно что.

— А мне показалось, что очень серьёзная девица. Пришла, всё осмотрела, о здоровье спросила. Кстати, медсестра решила, что это моя дочь. «Я Вам лекарство поставила, когда Вас дочь навещала, Вы выпили?» Сказал, что это не дочь — удивилась: «Странно, очень на Вас похожа», — Кирилл рассмеялся.

Кира возвращалась домой, рабочий негатив ушёл на второй план, перед глазами стояли ореховые глаза Ульяны, медовые с красным отливом волосы, звучал голос Кирилла: «Медсестра решила, что это моя дочь». Бред! Какой-то бразильский сериал! Индийское кино! В реальной жизни так не бывает! Кира пыталась сосредоточиться на предстоящем завтра разговоре с журналистом (скандал вышел за пределы соцсетей), но в мозгу стучало «может, с моей биологической матерью несчастье какое-то произошло, может быть, её и в живых давно нет», «медсестра решила, что это моя дочь».

ГЛАВА 18. УЛЬЯНА

В офисе творилась невероятное. Ещё неделю назад Ульяна с восхищением наблюдала за отлаженным механизмом работы сотрудников. Доброжелательные коллеги улыбались новому секретарю, подсказывали, кому направить то или иное входящее письмо. И вдруг всё разом изменилось — воцарилась гнетущая нервная обстановка: все суетились, перешёптывались, делились пугающими новостями.

— Задержи дыхание, мы погружаемся в пучины кринжа. Это явно конкуренты под нас копают, — объяснял Ульяне Никита, — по-другому нас не пересоперничать. Мы профессионалы. Кира на такую лыжню всё поставила, что как будто само едет. Я вот со склада начинал, перебирал поставку, разбирал списания, чистил стебли, крутил букеты... И у нас, по-моему, все через склад прошли: и маркетологи, и логисты, все осознают, как с цветами работать. У нас команда.

Из кабинета вышла Кира внимательно посмотрела на Ульяну:

— Я в редакцию, — было решено воспользоваться помощью грамотных пиарщиков и журналистов, — потом в больницу заеду. Дома скажи, что поздно буду.

Ульяна последние дни постоянно ловила на себе пристальный взгляд Киры, странный взгляд, словно хотела начальница что-то ей одной известное рассмотреть в лице девушки. А утром следующего дня произошло и вовсе непонятное — Кира достала несколько палочек, напоминающих ватные из аптеки, попросила открыть рот и стала водить палочками по внутренней стороне Улиных щёк, а потом сложила палочки в большой конверт. Девушка изумленно наблюдала за этими странными действиями:

— А что Вы делаете?

— Собираю пробы биоматериала для анализа ДНК, — как о чём-то совершенно обыденном сообщила Кира.

— А зачем этот анализ? — не поняла Ульяна.

— Ну, чего ты так испуганно смотришь, — Кира улыбнулась. — Будем искать твоих биологических родителей. Ведь так не бывает на свете, чтоб были потеряны дети.

— А как Вы собираетесь их искать? — голос девушки задрожал.

— Ульян, не волнуйся ты так. Всё хорошо будет. Пока давай эту тему оставим и о сегодняшних планах поговорим. Я сейчас в Роспотребнадзор поеду, а тебе, как придёшь в офис, надо будет...

Легко сказать: «давай эту тему оставим». Настаивать на таком важном для неё разговоре Ульяна не стала, она уже поняла: если Кира сказала «оставим эту тему», то говорить об этом почему-то не хочет, а значит, и не станет. Но вопрос о родных все последние месяцы был для девушки самым важным, как только узнала о своём удочерении. Кто она? Где её корни? Почему отказались от неё? Что с ней было не так? Что не так было с её родителями? Весь день Ульяна размышляла о непонятных действиях Киры, вспомнились слова тёти Иры «с ней какой-то скандал был связан: наркотиками, кажется, торговала», Ульяна решила, что у тёти в памяти смешались события, относящиеся к разным людям, а вдруг ничего не перепутано, и сейчас Кира продолжает какую-то тёмную деятельность. И зачем-то Ульяну хочет втянуть, иначе для чего этот странный сбор биоматериала. Впрочем, этого не может быть: все, кто знает Киру, говорят о ней только хорошее, да и сама Ульяна, чем больше узнает свою начальницу, тем с большим восхищением думает о ней. Но что тогда

значит фраза «Будем искать твоих биологических родителей»? Если это не отговорка, а в самом деле Кира решила помочь? Она, конечно, добрая, но до того ли ей сейчас, когда в компании постоянные проверки и скандалы. Едва дождавшись конца рабочего дня, Ульяна позвонила в Конашов Михаилу. Миша был тем человеком, с кем Ульяна могла обсуждать любые темы. Только ему и Кире девушка призналась, что её любимые родители оказались ей неродными, а кто была её настоящая мать, она не имеет ни малейшего представления.

— Первый раз слышу, что по ДНК можно было бы родителей найти, — удивился Михаил. — Определить из выбранных можно, но найти... Поищу в интернете, может, чего-то изобрели, наука не стоит на месте: раньше лишь по крови можно было анализ делать, а теперь и по ногтям, и по волосам, и по чему угодно.

Ульяна не могла даже представить, что со смехом сказанное Кириллом «Медсестра решила, что это моя дочь» вызовет такую бурю в сознании Киры. Слишком невероятно, что девятнадцать лет назад, объявленный мёртвым, её с Кириллом ребёнок вдруг воскрес в образе рыжеволосой девочки с ореховыми глазами. Да, конечно, похожа на Кирилла, да, мать сразу определила «зотовскую породу», но так в жизни не бывает!

Через две недели на электронную почту пришло письмо из лаборатории. Кира долго не открывала прикрепленные файлы, несколько раз перечитывая текст о том, что пакет документов с голограммой и синей печатью можно получить через четыре недели.

Заиграла музыка мобильного телефона, Кира, не отрывая взгляда от монитора, нажала «ответить» и услышала бархатный баритон Георгия:

— Привет! Как у тебя дела?

Кира в новом мобильнике не поставила на него Болеро Равеля, она вообще собиралась удалить номер Георгия из восстановленной телефонной книжки.

— Спасибо, хорошо.

— Ты забыла у меня сумку. Когда я могу тебе её вернуть?

— Можешь оставить себе вместе с содержимым. Замки я в квартире поменяла, телефон новый купила, — Кира хотела нажать отбой, но замешкалась.

— Понимаю, почему ты сердишься. Я напрасно тогда распоясался, но я очень испугался, что теряю тебя. Однако я звоню по другому вопросу. У тебя, я знаю, сейчас неприятности.

— У меня всё прекрасно, идёт подготовка к свадьбе, я подбираю белое платье, — перебила Кира.

— Кирюш, давай без шуток. Оставим обиды и поговорим серьёзно. Я готов помочь тебе сохранить за собой бизнес, но необходимо будет выполнить ряд условий. Не бойся, не интимного характера.

Кира ничего не отвечала, разговаривая по телефону, она машинально нажала мышкой на прикрепленный к письму документ, и сразу всё, что говорил Георгий, потеряло для неё значение. На экране открылась странная таблица: столбец непонятных названий — D13, TPOX, FGA... — столбик «Ребёнок», столбик «Предполагаемая мать», какие-то ничего не говорящие Кире цифры, а под таблицей текст «Предполагаемая мать не исключается как биологическая мать тестируемого ребёнка. Исходя из результатов исследования, полученных путём анализа перечисленных локусов ДНК, вероятность материнства составляет 99,9996 %».

— Вот так и поступим. Напрасно молчишь. У тебя другого варианта не будет, — доносилось из телефонной трубки.

— Георгий, давай в другой раз поговорим. Сейчас, извини, не до тебя, — Кира наконец нажала «отбой».

«Вероятность материнства составляет 99,9996 %». Это не индийское кино, так в реальности не происходит! Однако оказывается, что происходит. Смотреть справку об отцовстве Кире было не нужно, если она мать, то отцом может быть только Кирилл, но всё же открыла второй прикрепленный документ, чтобы прочесть «Вероятность отцовства составляет 99,998 %». Кира распечатала присланные результаты и снова перечитала «Вероятность материнства составляет...» Вдруг испуганно мелькнуло: а почему не сто процентов? Полезла искать в интернете всё, что связано с расшифровкой, и успокоилась только когда прочла, что 99,99 % — это настолько сильный показатель, что его принято считать абсолютным доказательством материнства и отцовства.

За кухонным столом Людмила Михайловна обсуждала с Ульяной постройку нового моста в заречной стороне Конашова. Кира села рядом, не зная, с чего начать разговор. Сама она поняла, но как объяснить, почему прошлой осенью именно у Конашова замигал значок на приборной панели её автомобиля, зачем судьба столкнула её с Ульяной на пороге федуловского дома.

— Уля, твоя мама тебя очень любила. Она, уходя, тебя одну не оставила, а родителям передала.

Ульяна и Людмила Михайловна вопросительно уставились на Киру.

— Вот, посмотрите, — Кира протянула распечатанные результаты анализа ДНК. — Совпадение девяносто девять и девять десятых процента означает, что Ульяна моя дочь.

Людмила Михайловна ошарашенно рассматривала распечатку.

— Ты вверх ногами держишь. Переверни, — Кира хотела поправить листок, но мать отвела её руку.

— Выходит, ты не мертвого родила, а живую девочку?

— Выходит.

— И как же это вышло-то, что я только сейчас это узнаю? — Людмила Михайловна повысила голос.

— Это и я только сейчас узнаю, а Кирилл ещё даже не знает.

— Погоди про Кирилку своего. Ты мне объясни, как это получилось, что ты знала и столько лет молчала.

— Мам, ты чего? Я сама только узнала.

— Не знала, а вот где-то её нашла, случайно! — Людмила Михайловна кивнула на Ульяну. — И в дом привела. Ты из меня дуру не делай, я и так с тобой скоро с ума сойду!

Ульяна слушала перебранку матери с дочерью и не могла понять, спит она или на самом деле выяснилось, что она дочь Киры, а листочки с непонятными цифрами — ответ на тревожащий вопрос о биологической матери. Неужели, действительно, умирая, мама уговорила высшие силы найти для Ули потерянных родителей, чтобы поддержали, не дали пропасть. От этих мыслей Ульяна разрыдалась: мамочка, пусть неродная, но самая дорогая, самая лучшая, как же плохо без тебя!

Кира с матерью замолчали и повернулись к Ульяне:

— Ты чего? На водички попей, — засустилась Людмила Михайловна. — Я сразу, как тебя увидела, так и подумала: Зотова.

— Я всё сейчас постараюсь объяснить, — Кира качнула головой, словно прогоняя ненужные мысли. — Правда, я ещё сама до конца не разобралась, но, мне кажется, я

понимаю, кто это сделал, понимаю, зачем, но не могу понять: как так можно было до такой бесчеловечности дойти!

Кира, как могла, попыталась передать, что рассказал ей в больнице Кирилл о желании мачехи сделать наследниками Федулова семью своей дочери и устранении всех, кто мог конкурировать со Златой.

— А по Конашову зачем надо было слух распускать? Мало того, что жизнь людям искалечили, так ещё и опозорить решили, — Людмила Михайловна всхлипнула. — Ты вспомни, чего было-то!

— Зачем мне вспоминать? Я не забывала. Во сне часто вижу, как иду по улице, а за спиной перешёптываются.

Ульяна притихла в углу кухонного дивана; она думала, как можно быть такими злыми — чтобы добить человека, напридумывали такое, что тётя Ира до сих пор помнит. Радоваться тому, что у неё нашлась родная мать, Ульяна не могла, не вязалась деловая элегантная Кира с её представлением о том, какая у неё могла быть настоящая мать. Про отца Ульяна не думала вовсе, хотя из рассказа Киры поняла, что тот, в больнице, кому она носила банку с грибами, её биологический отец. Слишком много неожиданной информации вывалилось на девушку, и мысли почему-то возвращались к родному дому. Конечно, он был не такой роскошный, как квартира Киры, но ей там было хорошо, это был дом, где царила любовь...

— Ладно, ещё поговорим, будет время, а сейчас ужинать пора, — поставила точку в непростом разговоре Людмила Михайловна.

Кира молча кивнула, уставясь в телефон, она отправляла Кириллу результаты анализов. Когда она брала у него образец слюны, Кир только плечами пожимал («Кира, это глупость безумная. Ты сериалов пересмотрела. Выбрось из головы. Было и прошло. Давай с чистого листа начнём»), но, при этом уже несколько раз с небрежным видом интересовался: «И что в твоей лаборатории нарисовали?».

Из комнаты донеслась мелодия Ульяниного телефона.

— Ульяна Сергеевна, добрый вечер! Капитан Борисов. Могли бы Вы подойти завтра в отделение полиции для уточнения некоторых фактов?

— Я завтра не смогу. Я в Москве сейчас.

— Тогда мы вызовем Вас повесткой. По какому адресу проживаете?

— Сейчас я адрес точный узнаю и Вам скажу.

Кира, поняв из диалога о чём идёт речь, громко, чтобы собеседник девушки слышал, отчеканила:

— Вызвать тебя могут только повесткой. Никаких телефонов. Дай мне трубку!

Ульяна виновато пробормотала капитану Борисову: «Извините!» и протянула мобильник Кире.

— Здравствуйте, я Кира Васильевна, мать Ульяны. Пожалуйста, объясните, в чём дело.

— Кира Васильевна, Ваша дочь совершеннолетняя. Пожалуйста, не вмешивайтесь в разговор.

— Я не знаю, являетесь Вы телефонным мошенником или сотрудником правоохранительных органов, и по телефону невозможно удостовериться в том, кто Вы на самом деле. Поэтому Ульяна не будет Вам сообщать ни адрес своего фактического проживания, ни место работы, ни паспортные данные.

— Так Ваша дочь, мамаша, по месту регистрации не проживает.

— Вы можете вызвать на допрос с помощью средства связи, в том числе СМС-сообщением. А затем, получив сведения, поскольку моя дочь не в Конашове, Вам надо будет заявить ходатайство о том, чтобы её вызвал соответствующий следственный орган по месту проживания. УПК РФ позволяет это делать.

— Вы юрист?

— Нет, но контактировала с полицией часто, правда, по коммерческим вопросам. Поэтому, в случае отказа, будем жаловаться в прокуратуру.

Кира закончила разговор, а Ульяна тихо пробормотала:

— Я съезжу. Это, наверное, про избиение Матвея.

— Поезжай, только адвоката возьми. Такое право у тебя есть. А то неизвестно, что твои друзья там придумали. Может оказаться, что ты своего бывшего изувечила, а муж подружки не при чём.

— Хорошо, — Ульяна кивнула. Она была так оглушена услышанным «я Кира Васильевна, мать Ульяны», что другую информацию уже не воспринимала.

— Вот теперь про полицию будем говорить, — вмешалась Людмила Михайловна. — повыбрасывать Ваши телефоны надо. Ну-ка, сели за стол, всё стынет.

ГЛАВА 19. УЛЬЯНА

Месяц после того вечера, когда Кира объявила, что обрела дочь, для Ульяны был переполнен событиями. Девушка съездила в Конашов, где узнала, что дело о нанесении тяжких телесных повреждений Матвею было отправлено на следствие. Наверное, это бойкая Настя добилась, чтобы виновный был наказан. Ульяна твёрдо решила никого не обманывать, покрывая подругу, а честно рассказать всё как было. И, приняв это решение, позвонила Вике — нехорошо за спиной подруги против неё свидетельствовать, ведь за ложные показания штраф могут назначить или даже часы каких-то обязательных работ.

— Вика, я в Конашове. Меня в полицию вызвали. Ты можешь обижаться, но я скажу, что вы ко мне в Москву не приезжали.

— Да говори, что хочешь, мне пофиг.

Ульяна растерялась — она была готова к обвинениям в эгоизме и чёрствости, к возможным уговорам и даже к угрозам, но никак не к равнодушию.

— А как у тебя в Москве дела? — поинтересовалась Вика.

— Спасибо, хорошо. В офисе работаю. А у тебя как? — Ульяна не понимала поведения подруги.

— А я теперь в Питере живу, в культурной столице.

— Вы с Саней переехали? Но его же и в Петербурге, если надо будет, найдут.

— Не, с Барановым я развожусь. Достал своей ревностью, придурок. Я по новой замуж выхожу. В ноябре свадьбу планируем. Приедешь?

— Да, спасибо! — пробормотала Ульяна. — Это тот парень, что на вокзале с тобой встречался?

— Какой ещё парень?

— Высокий, красивый. Ты его на вокзале ждала, когда мы прошлый раз виделись.

— Нет, ты чего! Это просто знакомый был. А с Вадимом я месяц назад познакомилась, и мы сразу поняли, что должны вместе быть. Он меня к себе в Питер увёз. У него тут бизнес.

— Вика, ну, ты и отчаянная! Человека совсем не знаешь, а с мужем разводишься.

— Какая есть! Ладно, мне на ресницы надо бежать. Я себе ресницы решила нарастить. Как наращу — фотку тебе скину. Ты не пропадай, позванивай! Целую! Пока! — в трубке пошла гудки.

Ульяна уставилась на телефон. Как у Вики всё просто!

Встреча с капитаном Борисовым была назначена на пятнадцать часов, поэтому, позвонив Вике, Ульяна поехала с вокзала к тёте Ире на работу — девушке не терпелось поделиться новостью, что Кира Зотова её родная мать.

Тётя Ира испуганно слушала Ульяну:

— Ты не понимаешь, что биологический материал просто так не берут. Тебя на органы готовят.

— Теть Ир, ты чего? Ты же ничего не знаешь.

— Это ты ничего не знаешь. Сестра всегда переживала, как ты без неё жить станешь.

— Поэтому мама меня одну не оставила, а родным передала.

— Господи боже мой, что ты несёшь!

— Это Кира сказала, и это так и есть. Анализ ДНК показал, что я её дочь.

— Ульяш, ты сама подумай: если, как ты рассказываешь, за деньги могли справку

выдать, что новорождённый ребёнок умер, значит, могут за деньги и анализ ДНК фальшивый сделать.

— Да зачем Кире придумывать, что я её дочь?

— А вот это я и хочу понять. В отличие от тебя, я в сказки не верю. У нас в стране почти сто пятьдесят миллионов живёт, и вдруг двое, живя в разных городах, пересекутся. Какой шанс, что это произойдёт? Нулевой!

— Не двое, а трое пересеклись. Кира с человеком, от которого родила, — назвать Кирилла отцом у Ульяны даже мысленно не получалось, — тоже встретила. Нас троих одновременно жизнь свела. Девятнадцать лет не пересекались, а тут встретились. Это же не может быть случайностью, это, значит, так нужно было.

— Ты эту мистику подружкам рассказывай. Сейчас заявление напишу — возьму в пятницу за свой счёт и с тобой в Москву съезжу.

Разговор с тётей Ирой Ульяну расстроил, ей самой казалось слишком фантастичным то, что с нею произошло, но ведь произошло, не верить Кире она просто не могла.

А Кира в это время успокаивала Кирилла.

— Я эту сволочь прибью, — Кир пытался подняться, опираясь на костыли, — Я её засужу, в тюрьме гнида сгниёт.

Кирилла выписали из больницы, но до возвращения к активной жизни было ещё далеко. Ежедневные визиты дорогого массажиста и инструктора по лечебной физкультуре Андрей Юрьевич Федулов щедро оплачивал, но сам сына навестил один раз в больнице, вновь высказав своё недовольство, а далее ограничился редкими и короткими телефонными разговорами.

— Всему своё время, — Кира, как могла, успокаивала Кирилла. — Сначала на ноги встань. Кстати, я, может, тоже на Алтай с тобой поеду, будем вместе коневодством заниматься. Возьмешь с собой?

— Да хоть сегодня поедем, — Кир весело подмигнул. — Нет, лучше завтра. Сегодня я чего-то не в форме.

— Я серьёзно. У меня бизнес, похоже, прихлопнулся, — печально улыбнулась Кира.

— А если бы компания твоя процветала, то не поехала бы со мной?

— А если бы ты Елене двадцать лет назад не поверил бы, то был бы со мной?

— Не напоминай мне! Эта гадина у меня получит. Дай только на ноги встану. По телефону с отцом не хочу это обсуждать. Глаза его должен увидеть.

Ульяна про разговор своих родителей ничего не знала. Вечером, вернувшись из полиции, она долго уговаривала тётю Иру не ездить в Москву, но, поняв безрезультатность своих просьб, смирилась. «На родителей твоих новоприобретённых посмотрю», — заявила тётя Ира, а вот Ульяна даже мысленно не могла их так назвать, и то, что это теперь самые родные ей люди, девушка не чувствовала. В её сознании они были Кира и Кирилл, любящая пара, разлучившаяся много лет назад. «Мне кажется, что Кирилл тогда забрал с собой мое счастье. Чем бы я ни занималась, я думала о нём. И хорошо, и плохо думала, но о нём. Надеюсь, что с годами любовь к нему пройдет и забуду его, но ошиблась», призналась Кира Ульяне, рассказывая о своей жизни.

— Ты чего не раздеваешься? — тётя Ира вывела племянницу из задумчивости. — Собралась что ли куда на ночь глядя?

— Ко мне сейчас друг приедет, мы погуляем немножко.

— Какие гулянки в десятом часу! Ты там в Москве что хочешь делай, а тут ничего по

ночам гулять. Хватит с нас ярких событий. Что за друг-то?

— Это Миша. Я тебе про него говорила. Он из Даниловска сейчас приедет, его в Дом малютки срочно вызвали, там с компьютерами что-то случилось.

— Давай-ка в гости Мишу своего зови, я хоть на него посмотрю. На кухне посидите, чайку попьёте. Мне спокойнее будет, что ты дома.

— Тётя Ирочка, ты чего со мной как с маленькой?

— После того, что ты мне порассказала, я от тебя любых фантазий жду.

Вскоре на своей разбитой машине приехал Михаил. Он уже знал удивительную историю обретения Ульяной родителей (это было обсуждено много раз по телефону), про посещение полиции Ульяна тоже успела по телефону рассказать, тем более, что рассказывать особенно было нечего. Кира нашла Ульяне адвоката, которому оплачивала проезд в Конашов и гостиницу, но сама она была настолько занята юридическими вопросами своей компании, что дала Ульяне телефон юриста, чтобы та сама договорилась, когда нужно приехать в Конашов. Но Ульяна постеснялась, не позвонила, впрочем, и без адвоката всё прошло гладко. Девушка честно рассказала, что знает, вернее, что ничего не знает о случившемся — была в Москве, никого не видела, никто не приезжал.

Ульяна с Мишей сидели на кухне и пили чай, как и советовала тётя Ира.

— Ты теперь в Конашов уже не вернёшься, раз у тебя такие крутые родители объявились, — Миша понуро смотрел на Ульяну.

— Не знаю, я теперь уже ничего не знаю.

— Ну, а зачем тебе возвращаться? — не унимался Миша. — Тебе теперь, наверное, и жениха богатого найдут.

— Миш, ты чего за ерунду говоришь? Какого жениха?

— Сам не знаю, чего говорю. Не обращай внимания. Ты хоть иногда приезжать будешь?

Новых клиентов в последнее время в фирме «Цветочная симфония» не появлялось, но старые, не раз убеждавшиеся в высоком профессионализме сотрудников, по-прежнему заказывали цветы, приглашали оформлять мероприятия. И Злата, как было запланировано, обратилась к понравившейся компании для оформления свадьбы сына. Кира решила лично присутствовать при подготовке — она не собиралась устраивать никаких выяснений (пусть Кирилл разбирается со своими родственниками), но захотелось ещё раз посмотреть на людей, о которых теперь ей слишком много стало известно.

— А можно я с Вами? — Ульяна запнулась, обратиться к Кире на «ты» у неё не получалось. — Я никогда свадьбу олигархов не видела. Только в кино. Я девочкам с букетами помогу.

— Положим, это не олигарх свадьбу устраивает, но около. Если хочешь, то поехали.

Кира понимала, что Ульяна, только вернувшаяся из Конашова, готова прямо с поезда ехать дальше не только, чтобы полюбоваться на чужую свадьбу, девушка не хочет присутствовать при разговоре Людмилы Михайловны с родственницей приёмной матери. Так Кира определила Ирину, настороженно рассматривающую квартиру, куда привезла её племянница. Пусть без них Людмила Михайловна и эта женщиной разбираются в запутанной истории Ульяны и Киры.

— Ирина Александровна, Вы с дороги отдохните, а мы с Улей на свадьбу поедем, полюбуемся на красоту.

Кира не сказала Ульяне, что едут на свадьбу, которую устраивают виновницы их трагедии. Зачем, чтобы девочка нервничала? Вечером поговорим, обсудим... Так решила Кира, но на деле вышло по-другому.

В загородном ресторане и в парке перед ним шла предпраздничная суета, поскольку торжество затевалось грандиозное. По окаймлённой подстриженными кустами, мощенной светлой плиткой дорожке Кира с Ульяной вышли на берег озера. Флористы «Цветочной симфонии» оплетали розами арку перед пирсом, украшали шатры.

— Я к девочкам пойду, — Ульяна побежала по зелёному газону.

Кира залюбовалась: копна рыжих волос, легкая походка... Она не видела, как её девочка росла, начала ходить, сказала первые слова — всего этого мачеха Кирилла её лишила, чтобы устроить будущее своей дочери, своих внуков. Надо отсюда уезжать, она не хочет видеть ни Елену, которая легко перечеркнула чужую жизнь, ни Злату, которая наверняка знала об интриге матери.

Но Кира не уехала: к ней обратилась Марина с вопросом о композиции из гербер, потом возник небольшой спор об украшении сцены для оркестра. Кира любила и знала своё дело. Тяжёлые мысли отступили, их место заняли вопросы о ниспадающей композиции с рускусом и розами для стола молодых, об украшении колонн. Заиграла музыка. Лишь тогда руководитель «Цветочной симфонии» заметила, что уже начали прибывать гости. Кира обвела взглядом результат работы флористов: белые сезонные цветы — свадебная классика, тонко, элегантно, стильно, удалось создать праздничное настроение и при этом подчеркнуть статус и респектабельность устроителей свадьбы. Ну что ж, она довольна — белые цветы, белые скатерти, а ещё будет белое платье и невесомая фата невесты. Всё белоснежно, как она любит. Надо забирать Ульяну и уезжать, Марина с помощницами останется, потом в

офисе они всё расскажут в подробностях.

К Кире подошёл распорядитель:

— Вас просят подойти.

Елена со Златой в ожидании молодых стояли в проеме увитой цветами арки, их фотографировали сразу два фотографа. Кира с интересом рассматривала Елену: постарела, конечно, но всё так же хороша — прямая спина, уверенный взгляд ледяных серых глаз — королева!

— Хотим Вас поблагодарить. Спасибо за оформление нашего праздника! — Елена кивнула подошедшей Кире, внимательно посмотрела. — Мы прежде не встречались?

— Встречались. Я Кира Зотова, бывшая невеста Вашего пасынка Кирилла.

— Тебя не узнать, — вмещалась в разговор Злата. — Всегда в тёмненьком-скромненьком, а теперь... Я такие шляпы только на супруге Кирилла вижу.

Злата говорила с иронией, даже посчитала нужном о браке Кирилла напомнить. Кира неожиданно подумала, что действительно непроизвольно много лет подражает жене Кира. Такое ошеломляющее впечатление произвели на неё двадцать лет назад фотографии женщины в белоснежных одеждах и широкополая шляпа на вешалке, что стал для неё Лорин стиль воплощением элегантности.

— Извини, Кира, поговорить нам сегодня некогда, — перебила Елена дочь. — Надо гостей встречать. Жаль Кирилл не смог приехать на свадьбу племянника, какие-то транспортные проблемы. Они с женой за границей.

— Вы что-то перепутали, Лора в Тибете без Кирилла. Он только на прошлой неделе выписался из больницы, — Кира не хотела вступать в этот разговор, но не сдержалась.

— Ты что, следишь за ним? — напряглось лицо Елены.

— Конечно, и за ним, и за его питанием, даже сиделку иной раз приходилось контролировать. Вам же со свадебной суетой некогда было его в больнице навестить.

В этот момент Кира заметила приближение Андрея Юрьевича Федулова. В нём появилась не свойственная ему прежде значительность — он не шёл, а величественно нёс своё грузное тело.

— Что вы здесь застряли, хватит фоткаться, — слова простые, а сказаны были важно, словно непреложную истину изрекал.

Кира смотрела на Федулова: постарел, поседел, лицо в морщинах, но светло-карие глаза по-прежнему молодые, с искрой, как у сына, «И как у Ульяны», — мелькнуло неожиданное наблюдение.

— Вот флористку благодарим, — извиняющимся голосом проворковала мужу Елена и вежливо улыбнулась Кире: — Спасибо! Всего доброго.

— Да, действительно, красиво, — Андрей Юрьевич с довольным видом осмотрел мест предстоящей церемонии, — Надеюсь, у нас впереди будет много праздников, и мы не раз ещё к Вам обратимся.

Елена кивала в такт словам мужа, но по её лицу было понятно, что никогда больше Федуловы ни при каких обстоятельствах не пригласят «Цветочную симфонию». Цепкий взгляд Андрея Юрьевича на секунду замер на лице Киры:

— Вы не продавщица из Конашова?

— Да, из Конашова, продавщица цветов. Двадцать лет прошло, а я всё в цветочницах, — весело произнесла Кира, подумав, что, наверное, не стоило ничего этого говорить.

— Не изменилась совсем. Если бы не шляпа, я бы издалека узнал. В таких шляпах у нас

только Лора ходит, — Федулов посмотрел на жену, и та подобострастно заулыбалась его «шутке».

На этом встреча и закончилась бы, но Андрей Юрьевич, уже уходя, небрежно повернулся к Кире:

— А мы не забыли, как ты тогда Кириллу нагадила, в душу, можно сказать, плюнула! Кирилл тебя любил, я знаю. Да, ярко ты себя проявила — мы долго в себя приходили.

Кира равнодушно слушала, она не хотела ничего говорить, зачем ей перед кем-то оправдываться? Но поймала презрительный взгляд Елены и неожиданно для самой себя выпалила:

— Андрей Юрьевич, давайте я Вас с внучкой познакомлю.

Это была немая сцена — Федулов смотрел на Киру как на душевнобольную, Елена и Злата окаменели.

— Ульяна, подойди, — Злата махнула рукой дочери, стоящей в стороне с девушками-флористками и с любопытством рассматривавшей гостей.

Уля словно в сказку попала — музыканты во фраках, официанты в белых перчатках, дамы в вечерних платьях, осталось только дожидаться приезда молодых, рассмотреть платье невесты и можно возвращаться домой, поделиться впечатлениями с тётёй Ирой.

— А вот тесты ДНК, — Кира достала из сумки большой конверт, — на всякий случай для Вас захватила.

Кира, разумеется, ничего специально для встречи с Федуловым не брала, да и самой встречи не ожидала. Просто накануне заехала в лабораторию за пакетом официальных документов с голограммой и печатью, а дома вынимать документы из сумки не стала, собираясь отвезти их Кириллу. Андрей Юрьевич поморщился и брезгливо взял конверт.

— Ульяна, познакомься. Это твой дедушка, Андрей Юрьевич Федулов, промышленник и предприниматель, — Кире стало весело, когда увидела побледневшую Елену, и обратилась к ней: — В больнице медсестра Кириллу говорила, когда Ульяша его навещала, что дочь — вылитая он.

— Это самозванцы! — вдруг так громко, что на неё обернулись, прокричала Злата, — Охрана! Где охрана?

— Замолчи! — резко одернул падчерицу Федулов. — Иди гостей развлекай. А ты, Лена, здесь постой.

Андрей Юрьевич сделал знак приблизившимся охранникам (мол, всё в порядке) и развернул лист с результатами анализов.

Ульяна испуганно смотрела на происходящее. Только недавно у неё обнаружили родители, а теперь вот ещё и дед, важный и суровый, похожий на оживший памятник. Он явно ей не рад, и как с ним держаться непонятно.

— То есть ты хочешь сказать, что вы с Кириллом от нас скрывали рождение ребёнка? — Федулов неторопливо убирал результаты анализов обратно в конверт.

— Что Вы, Андрей Юрьевич! — Кира ощущала кожей повисшее напряжение. — Не только от Вас, но и от нас Ваша супруга рождение нашей дочери скрывала.

Заиграла музыка, прибыли молодые. Ульяне хотелось подойти поближе, увидеть, что это за выездная регистрация (девушки-флористы, оформлявшие не первую подобную свадьбу, обещали эффектное зрелище), рассмотреть платье невесты, которая, предполагали, должна будет появиться в сопровождении отца. Но свадебная церемония шла своим ходом, а Ульяна стояла и слушала странный разговор.

— Ты как была аферисткой, так ею и осталась, — Елена произносила это спокойно, уверенно. — Я прекрасно помню, как тебе показывали мертворождённого ребёнка, как ты умоляла меня ничего не рассказывать Кириллу, не говорить, что ребёнок явно не его, что причина гибели — твоё злоупотребление наркотиками даже во время беременности. Жаль, я не попросила врачей выдать мне заключение о наличии в твоей крови наркотических средств.

— Видимо, денег пожалели, — Кира тоже старалась говорить спокойно, но голос задрожал. — А может, хватило только на подкуп медперсонала, чтобы меня, здоровую роженицу, кесарили, чтобы ребёнка, которого Вы, посторонний человек, помните, мне не показали, а я, испуганная девчонка, даже не понимала, что должна делать в такой ситуации. Вы...

— Я не могу это слушать! Андрей, ты видишь, что это аферистка. Тогда не удалось богатого мужа заполучить, так она теперь к Кириллу опять в постель влезла. Ещё эту, рыжую, приволокла, — Елена указала на Ульяну.

— Иди, внука жени, — Федулов прервал возмущенный монолог супруги, указав на гостей, приветствующих молодых, — а мы с Кирой всё обсудим. И ты, девочка, иди к подружкам.

— Нашу с Кириллом дочь зовут Ульяна.

— Ступай, Ульяна. А мы с тобой, Кира, пойдём отсюда, местечко спокойное поищем, обо всем потолкуем.

Елена что-то ещё возмущенно говорила, но Федулов взял Киру под руку, и они пошли в сторону здания ресторана. На небольшом расстоянии за ними двигались два охранника. До Ульяны донеслось:

— Анализы твои мы проверим. Надо ещё одну экспертизу сделать. Она, правда, на мать Кирилла немного походит, Кирилл — он на мать похож.

Девушка, как замороженная, пошла следом за ними, но охранник её остановил.

Свадьба удалась на славу — официанты с бокалами шампанского, встречающие гостей у порога, популярный ведущий, великолепный оркестр, профессиональные певцы — всё создавало волнующую атмосферу праздника. Федулов так к гостям и не вышел, и жена с дочерью объясняли, что, к сожалению, у Андрей Юрьевич неожиданно плохо себя почувствовал. Елена Викторовна общалась с гостями, стараясь приветливо улыбаться, и никто не смог бы догадаться, с каким трудом даётся ей счастливое лицо. Супруга Федулова умела в самых сложных ситуациях сохранять самообладание, но появление Киры застало Елену врасплох — знай заранее, можно было и с адвокатами посоветоваться, а если потребовалось бы, то и свидетелей событий двадцатилетней давности организовать. Уж очень страшная перспектива вырисовывалась перед Еленой — можно и похищение ребёнка ей приписать, и организацию группового сговора. Женщина старалась успокоить себя тем, что супруг произошедшее гласности не предаст, не позволит, чтобы говорили: в семействе Федулова совершались уголовные преступления, но волнение только усиливалось. Подумалось, что, возможно, и не стоило двадцать лет назад эту опасную аферу затевать, но тогда она панически испугалась неожиданного появления наследника федуловских предприятий, зубами вцепилась в ускользающее наследство. У Андрея Юрьевича в том году обнаружили онкологию, диагностировали вовремя, оперировали в лучшей израильской клинике, слава Богу, двадцать лет прошло, супруг жив-здоров, внимательно за здоровьем следит, но в тот, далёкий уже год, он с жизнью прощался и больше всего его беспокоило, что род Федуловых обрывается. А тут Кирилл со своей беременной цветочницей. Злата, ненаглядная доченька, красавица, но умом не блещет, тут и скрывать нечего, хорошо, муж ей достался толковый, практически все дела в компании решал, а из-за этого возможного ребёнка всё могло мимо них пройти...

Несколько раз Елена пыталась пойти, послушать о чём говорит муж с этой, так не кстати появившейся, Кирой Зотовой. Ведь какая нахалка, а хитрости сколько! Все годы молчала, а сама, видно, следила, с Кириллом сумела связь возобновить, и выбрала самый удачный для нападения момент — свадьбу Андрюшеньки! Когда же Елена набралась смелости и, изобразив на лице безмятежную радость, пошла напомнить мужу, что его ждут за столом, то узнала, что Андрей Юрьевич двадцать минут назад уехал. Отъезд Федулова со свадьбы без предупреждения ясно указывал Елене, что события разворачиваются не в её пользу.

Кира уехала ещё раньше, чем Федулов, их беседа была недолгой. Кира приготовилась рассказать о вероломстве мачехи Кирилла, о том, как судьба неожиданно вернула ей дочь, но Андрей Юрьевич остановил её рассказ:

— Это всё мне понятно. Со своей женой я без тебя разберусь. Давно самостоятельно цветами торгуешь?

— Я «Цветочную симфонию» пятнадцать лет назад открыла. Сначала один бутик был, потом расширяться потихоньку начала.

— Сейчас как дела идут?

— До последнего времени отлично, а вот сейчас у меня бизнес отжимают.

— Знаешь, кто?

— Знаю, по чьему наущению.

— Так, с этим разберёмся. Не переживай. Давно с Кириллом помирилась?

— Этим летом.

— Постарайся, чтобы он с тобой остался, тем более дочь у вас нашлась, надеюсь, общая. Ты баба толковая, вон какую цветочную фирму смогла раскрутить. Подключай Кирилла, и ко мне в помощники идите. Я уж не молодой человек, за всем не услежу, только у Ромы Златкиного едва успеваю из карманов свои деньги вытаскивать.

— Кирилл собрался на Алтае конезавод открывать.

— Пусть хоть жирафов в Африке разводит, но в свободное время. Кирилл мне здесь нужен, он парень башковитый, но с придурью. Поставь мозги ему на место. По тебе видно: ты сможешь.

— Андрей Юрьевич, а Вы о внучке ничего не хотите узнать?

— Надо анализы ДНК сделать, а то очень уж твоя история на индийское кино смахивает. Хотя на первую мою жену девочка похожа, такая же востроносая. Тебя куда подвезти? Я распоряджусь.

— Спасибо! Я сама за рулём. Мы с Ульяной на моей машине доедем.

— Ну, смотри сама. С Кириллом мне помоги. А я тебе помогу сохранить твою цветочную контору.

Кира вела машину по загородному шоссе, Ульяна сидела рядом, притихшая, молчаливая. Обе были расстроены встречей с родственниками. Ульяна не могла забыть ненавидящий взгляд жены деда, да и сам он произвел на девушку гнетущее впечатление. Кира же была возмущена равнодушием Федулова к появлению внучки, к открывшимся подробностям её рождения. «Кроме своих капиталов ничего не волнует!» — про себя раздражённо повторяла Кира. Вроде бы всё хорошо: Федулов, воспользовавшись своими связями, отстоит «Цветочную симфонию», прекратит буллинг, организованный Георгием. Но не этого Кира ждала от встречи с Андреем Юрьевичем, должно было быть позорное разоблачение Елены и Златы, должна была быть радость от обретения внучки, а вместо этого — «Поставь Кириллу мозги на место».

Дома их ждали Людмила Михайловна и Ирина. Ульяна сразу заметила, что тётя выглядит веселее, чем утром, вероятно, Кирина мать как-то сумела её успокоить.

— А ведь и правда, похожи, — посмотрев на вошедших, продолжила начатый разговор Ирина.

— Так я тебе и говорю, сразу видно: зотовская порода, — подхватила Людмила Михайловна.

— Мы вам не очень мешаем? — Кира с улыбкой смотрела на мать и Ирину.

— Ну, чего там на свадьбе? Покормили вас или ужинать будете? — спохватилась Людмила Михайловна.

— Будем! — хором ответили Кира и Ульяна.

Поздно вечером позвонил Кирилл:

— Когда ты приедешь? Я скучаю.

— Я с Андреем Юрьевичем сегодня разговаривала, с Ульяной его познакомила.

— Ну, и как?

— Никак. Сказал, что повторный тест надо делать.

— Это в его духе.

— А мачеха твоя просто объявила меня авантюристкой, а потом гордо прохаживалась среди гостей.

— Забей! А чего ты от неё ждала? К ней надо с постановлением об аресте приходиться, и то она бровью не поведёт. Думаю, за это отец её и ценит. Да чего про это говорить, лучше приезжай, я покажу, как бодро передвигаюсь. Массажист сегодня даже удивился, что я так быстро на поправку пошёл. Я сказал, что это любимая женщина меня вдохновляет.

Кира с удивлением слушала, как спокойно отреагировал Кирилл на поведение своих близких. Совсем недавно кричал, что готов Елену прибить, что место ей в тюрьме, а теперь — «Забей! А чего ты от неё ждала?». Кира ждала справедливости. Много лет, подспудно, с той минуты, как выставил её Кирилл из машины на площади трёх вокзалов, ждала, что разберутся, поймут, что никого никогда не обманывала.

— Извини, я устала. Спокойной ночи! — Кира отключила телефон.

Весь следующий день не прошел, а пролетел в рабочей суете, Кира уже не думала о вчерашней встрече, когда позвонил Андрей Юрьевич Федулов:

— Я тебя вчера попросил помочь с сыном отношения наладить, а ты побежала его на меня натравливать!

— Я Вас не понимаю.

— Всё ты понимаешь! Помнишь уговор: ты мне помогаешь, я твой бизнес спасаю.

Тут до Киры дошло, что Кирилл успел пообщаться с отцом. Вчерашнее «забей» было не чем иным как желанием её успокоить, а вот Андрею Юрьевичу было сыном высказано, вероятно, самое нелицеприятное про его жену, а возможно и про него самого.

— Спасибо за неоказанную помощь! Вы лучше со своей семейкой разбирайтесь, а я уж сама как-нибудь. У меня дочь есть, а это главное. Второй раз Вы её у меня не отнимите, — Кира сама удивилась, каким спокойно-ровным голосом она это произнесла. — Всего доброго, Андрей Юрьевич!

В кабинет заглянула Ульяна, хотела что-то спросить, но замерла на пороге, увидев текущие по щекам Киры слёзы.

— Ты чего в дверях встала? Проходи.

— Что-то случилось?

— С дедом твоим поговорила. Ничего нового, но так обидно стало.

— Ну, а плакать зачем? Не плачь, — Ульяна впервые назвала Киру на «ты».

Кира вытерла слёзы — какая разница: кто когда её обидел... заслуженно... незаслуженно... Единственное, что важно, она сама только что сказала Федулову: «У меня дочь есть, а это главное».

Прошло две недели, за это время события приняли странный оборот. У Киры создалось впечатление, будто кто-то не просто остановил маховик рейдерства, а повернул в обратную сторону. Пошли заказы, те, кто недавно загонял её в угол, собираясь за гроши приобрести её бизнес, вдруг с извинениями отошли в сторону.

Кирилл едва начав ходить, поехал в особняк Федулова, чтобы высказать мачехе, что ему всё известно, но обнаружил пустой дом. Прислуга сообщила, что Елена Викторовна уехала в Испанию, а Андрей Юрьевич приезжает поздно, иногда не приезжает вовсе. Но Кирилл остался ждать отца, да и сил не было на обратную дорогу. Федулов-старший приехал за полночь, усталый, однако узнав, что его ждёт сын, обрадовался. Говорили долго, искренне, наверное, впервые за последние десять лет. Рассказывал, что наконец-то выгнал Сёмина, которого давно подозревал в тёмных делишках, но не хотел обижать мужа падчерицы, что возраст мешает осуществить задуманное, а задумок немало. Про жену Андрей Юрьевич ничего рассказывать не стал, заметил только: «Мы теперь жить будем поврозь».

В офисе «Цветочной симфонии» на столе секретаря стояла огромный букет белых эустом. Курьер оставил цветы для госпожи Зотовой. И теперь Марина и Никита обсуждали, что с этим букетом делать.

— Она эустомы не переносит. То ли аллергия у неё на них, то ли примета какая-то, но она их на дух не переносит. Мы их даже в закупку не берем, — Марина рассматривала белоснежные эустомы.

— Это надо додуматься: дарить руководителю цветочной компании цветы, — хмыкнул Никита.

— Ульян, убери его куда-нибудь подальше, — посоветовала Марина, — потом скажешь, что букет эустом передавали. Посмотришь на реакцию, тогда и отдашь.

— Или не отдашь, — добавил Никита. — А букет хороший. Профессионально собран.

— Да, дорогой букет, — кивнула Марина.

В эту минуту в приемную зашла Кира, увидела букет, заулыбалась:

— Это мне!

Бережно взяла цветы, понесла в кабинет.

Сотрудники переглянулись и разошлись по своим делам. Работы у компании «Цветочная симфония» было много.

Больше книг на сайте - Knigoed.net